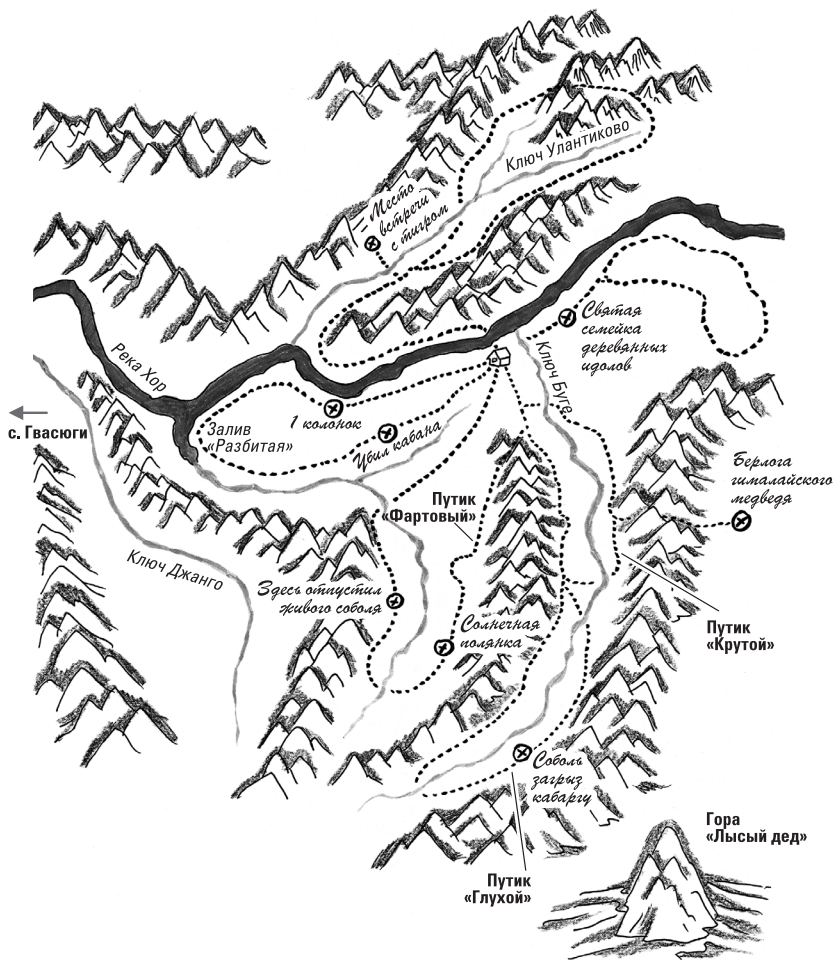

ПРЕСТИЖ БУК
МОСКВА • 2019

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

*Повесть о необыкновенных и удивительных
приключениях охотника-промысловика
в дальневосточной тайге*

Издание второе,
переработанное и дополненное

ББК 84-44 (2 Рос)
УДК 821.161.3-93
З 59

Зиганшин, К.Ф.
З 59 **ЩЕДРЫЙ БУГЕ: Повесть о необыкновенных и удивительных приключениях охотника-промысловика в дальневосточной тайге** / Камиль Зиганшин. — 2-е изд., перераб. и доп. М. : Престиж Бук, 2019. — 128 с.

ISBN 978-5-371-00710-0

Повести Камиля Зиганшина об обитателях тайги покоряют своей искренностью, знанием повадок и характеров «братьев наших меньших».

Идя навстречу многочисленным пожеланиям, издательство с большим удовольствием переиздает эти полюбившиеся читателям произведения.

Любите природу и ее обитателей — вот лейтмотив всех книг Зиганшина.

ББК 84-44 (2 Рос)
УДК 821.161.3-93

ISBN 978-5-371-00710-0

© Зиганшин К.Ф., 2019
© Тонконогий И.В., иллюстрации, 2019
© ООО «Престиж Бук», 2019

ОБ АВТОРЕ

Верно говорят: «Поэтом рождаются, а писателем становятся». Это подтверждает биография Камиля Зиганшина – писателя, заслуженного работника культуры России и Республики Башкортостан, путешественника.

Зиганшин Камиль Фарухшинович родился 15 марта 1950 года в посёлке Кандры Туймазинского района Башкирии, в семье кадрового офицера. Детство и юность его прошли на Дальнем Востоке в военных городках, разбросанных по самым глухим таёжным уголкам Хабаровского и Приморского краёв. До и в период учёбы в Дальневосточном политехническом институте ему довелось работать рабочим геологической партии, кочегаром, грузчиком, электриком в морском порту Владивостока. И даже матросом второго класса на китобойце «Вольный» китобойной флотилии «Советская Россия».

Защитив в 1973 году в Горьковском политехническом институте диплом радиоинженера, Камиль Зиганшин переехал с семьёй в Уфу и начал работать в Управлении связи объединения «Башнефть», но через год уволился и вернулся на Дальний Восток, где несколько сезонов отработал штатным охотником в Лазовском госпромхозе Хабаровского края.

Вернувшись на родину, прошёл путь от старшего инженера до начальника производственно-измерительной лаборатории. Участвуя в развитии и эксплуатации сетей радиосвязи на объектах нефтедобычи и бурения, Камиль исколесил всю Башкирию, а также Когалымскую группу месторождений нефти в Западной Сибири вдоль и поперёк. В это же самое время стал писать, используя материалы охотничьих дневников,

книгу о жизни удэгейцев и диких животных Дальневосточной тайги — повесть «Щедрый Буге».

Следом увидели свет новые повести о диких животных «Маха или история жизни кунички», «Боцман», «Таёжные истории» (на башкирском языке), романы о староверах «Скитники» (2006 г.), «Золото Алдана» (2010, 2011, 2012, 2014 гг.), повесть «Возвращение росомахи» (2015 г.), книги «От Аляски до Эквадора» (2016 г.), «На обратной стороне Земли» (2017 г.) и многие очерки об экспедициях по самым диким местам планеты.

В своих книгах он с любовью и знанием рассказывает о повадках диких животных, укладе жизни удэгейцев, эвенков и якутов; нелёгком труде охотника-промысловика, судьбе старообрядческой общины, хоронящейся в дебрях Восточно-Сибирской тайги; описывает девственную природу и нравы жителей дальних стран. Богатый жизненный опыт и наблюдательность помогают ему писать достоверно и поэтично.

Камиль Зиганшин – лауреат литературных премий «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2004 г.), Алексея Толстого (2005 г.), «Добрая Лира» (2010 г.), Вячеслава Шишкова (2011 г.), Николая Лескова (2012 г.), Юрия Рытхэу (2012 г.), Петра Ершова (2014 г.), Андрея Платонова (2016 г.), Ивана Гончарова (2018 г.) а также башкирской – имени Степана Злобина (2001 г.); обладатель Золотого Диплома фонда «Золотой витязь» (2016 г.), Финалист премий имени Василия Шукшина (2011 г.).

В 2016 году дилогия «Золото Алдана» удостоена главной премии Союза писателей России «Большая литературная премия России».

В 2010 году Камиль Зиганшин награждается орденом «За вклад в просвещение» и памятной золотой медалью имени Антона Павловича Чехова. В 2014 году ему присуждается медаль Василия Шукшина, в 2015 году – Михаила Шолохова.

Его дилогия о старообрядцах «Золото Алдана» отмечена Государственной премией Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева. Всех этих наград он удостоен за следование классическим традициям русской литературы, за духовность и гуманистическое содержание художественных произведений.

Более подробно с творчеством Камиля Зиганшина (включая фотоотчёты об экспедициях) можно ознакомиться на сайте www.ziganshin.ru.

ЧАСТЬ I

*Здесь у костра не хвастают, не лгут,
не берегут добро на всякий случай...*

Юра Сотников

ВЛАДЕНИЯ ЛУКСЫ

15 октября 1974 года.

Под нами величественная панорама безлюдной, дикой местности: хребты, межгорные впадины, быстрые пенистые речки. В той стороне, куда мы летим, особняком возвышается плотная группа скалистых гольцов.

Пассажиров в вертолёте двое. Я и мой наставник Лукса, удэ-геец лет пятидесяти.

Опытный промысловик расположил меня к себе с первого взгляда. Невысокий, худощавый, подвижный. Сильные руки, словно кора старого дерева, испещрены трещинками морщин и перевиты набухшими венами. Мороз, ветер, солнце, дым костров продубили его скуластое лицо с реденькой растительностью на верхней губе и подбородке. В чёрных прямых волосах несмелый проблеск седины. Живые тёмно-карие глаза, словно магниты, невольно притягивают взор. Впечатление такое, что они всё время смеются, радуясь жизни. Глядя в них, и самому хочется улыбнуться.

Он сидит напротив и успокаивающе поглаживает собак. Я же с волнением всматриваюсь в проплывающие под нами края древнего Сихотэ-Алиня и никак не могу поверить в то, что моя заветная юношеская мечта исполняется: я принят на работу в Лазовский госпромхоз Хабаровского края штатным охотником и скоро окажусь на промысловом участке, охватывающем бассейн ключа Буге — левого притока реки Хор...

Вертолёт вошёл в крутой вираж и, сделав два круга, мягко опустился на заснеженную косу, отделяющую устье ключа от реки. Собаки, Пират и Индус, ошалевшие от грохота двигателя, спрыгнули на снег, едва открылась дверь. Мы же, прежде чем выйти, сбросили на косу нехитрый багаж. МИ-4 прощально взревел и, обдав колючим вихрем, взмыл.

Мы огляделись. Над нами торжественно и необъятно высоко голубело небо с удаляющимся вертолётom. На снегу ни единого следочка. Мне даже подумалось, что это чистый лист бумаги, на котором предстоит записать историю охоты длиной в сто двадцать дней.

Вокруг громоздились типичные для этих мест крутобокие сопки, щетиныщиеся, словно растревоженные ежи, островерхими, тёмными елями и более светлыми, разлапистыми корейскими кедрами. На противоположном берегу, над Хором, нависает отрог, обрывающийся в речную гладь неприступной двухсотметровой стеной. Его гребень украшают огромные, источенные временем каменные иглы и зубчатые башни, напоминающие развалины старинной крепости.

Хор ещё не встал и тянулся холодной, чёрной лентой, разрезая белое покрывало. Сквозь прозрачную воду были видны лежащие на дне пёстрые, обезображенные брачным нарядом и трудной дорогой к нерестилицу, кетины. Уровень воды в реке упал, и часть рыбин оказалась на галечном берегу. Наши собаки тут же воспользовались возможностью полакомиться. В их довольном урчании слышалось: «Райское место! Тут голодать не придётся!»

* * *

Так получилось, что Лукса в преддверии сезона остался без напарника. Его товарищ Митчена, деливший с ним радости и невзгоды промысловой жизни в течение многих лет, потерял зрение и перебрался к дочери в райцентр — Переяславку. Это обстоятельство меня и выручило. Лукса, правда, не без колебаний согласился взять городского, неопытного очкарика на свой участок.

Хотя день только начинался, наставник поторапливал: предстояла большая работа по обустройству становища.

Взбираясь на берег, услышали задорный посвист. Его невозможно спутать ни с каким другим лесным звуком — рябчик! Судя по мелодии, петушок. Лукса движением руки остановил меня, а сам спрятался за ствол ели и, достав самодельный манок, ответил более глухим переливом курочки. По треску крыльев было понятно, что рябчик перепорхнул ближе. Удэгеец опять подсвистел. Хлопки слышались совсем рядом. Тут и я разглядел петушка. Вытянув шею и нетерпеливо переступая по ветке берёзы, он высматривал подружку.

— Живой, — радостно прошептал охотник. — Четвёртый сезон так встречает. Совсем свой стал.

Луксин «свойка» подлетел ещё ближе и с явным интересом разглядывал нас. Вынырнувший из кустов Пират, не разделяя чувств хозяина, с лаем запрыгал под деревом. Рябчик встрепетулся и, спланировав, растворился в буреломной чаще.

Надо сказать, наши четвероногие помощники резко отличались друг от друга. Пират — рослый, нахрапистый, с хорошо развитой мускулатурой, быстрой реакцией и нахальными глазами. Индус, напротив, — вялый, тщедушный. При появлении Пирата он поджимал хвост и отходил в сторону. Столь же резко собаки различались и по окрасу. Пират белый, только кончики подвижных ушей и хвоста чёрные, а Индус серо-бурый. Попал он в нашу компанию случайно. Когда мы загружали в удачно подвернувшийся вертолёт мешки со снаряжением и продуктами, на краю поляны сидел и наблюдал за нашей беготнёй одинокий пёс. Я на ходу кинул ему кусок хлеба. Тот, не жуя, проглотил его и бочком, не сводя с меня грустных глаз, подошёл к трапу.

— Быстрее поднимайся, летим, — крикнул мне Лукса.

Оказавшись в салоне, я оглянулся. Собака молча, одними глазами, просилась к нам.

— Может, возьмём? Вдруг у неё талант к охоте?

— Бери, бери. Пиратке веселей будет, — согласился Лукса.

* * *

Перетаскав вещи к становищу, занялись дровами. Двуручной пилой кое-как свалили стоявший неподалёку сухостойный кедр. Отпилили и раскололи несколько смолистых чурок. Комель был

настолько насыщен смолой, что полено, брошенное в воду, утонуло бы. Отвалившиеся от ствола куски красноватой, ребристой коры изнутри были усыпаны личинками, куколками — что-то недоглядели дятлы за лесным патриархом. На ночь кедр не годился — быстро сгорает. Поэтому напилили ещё и сырого ясеня. Он горит долго и даёт много жарких углей.

Очистив на небольшом пятачке, свободном от кустов, землю от снега, поставили удэгейскую палатку с матерчатыми сенями вроде половинки небольшого чума. (В них удобно хранить дрова и капканы.) Главной особенностью удэгейских палаток является то, что она устанавливается не с помощью стоек и колышков, а крепится внутри каркаса из жердей. Очень удобная конструкция для зимы, когда колышки в промёрзшую землю забить практически невозможно.

Посреди палатки поставили жестяную печурку. По обе стороны от неё накидали лапника, расстелили кабаньи шкуры, поверх них — спальные мешки. Отпиленную от ясеня низенькую, но увесистую чурку-столлик пристроили в головах между спальниками. Слева и справа от печурки уложили сырые ольховые брёвнышки: чтобы спальники и одежда не подгорали. Под коньком закрепили перекладину с крючьями для сушки одежды. Закончив обустройство жилища, смастерили между тремя пихтами на высоте около двух метров настил для хранения продуктов — лабаз, а под ним шалашики для собак из мягких ветвей пихты.

Индус тщательно обследовал обе «конуры» и лёг в ту, что счёл удобней. Заслышав приближение убежавшего было Пирата, он притворился спящим. Но тот не проявил ни малейшего интереса к пихтовым гнёздам, а усевшись возле груды дров, принялся выкусывать кусочки льда, намёрзшие между подушечками пальцев.

Завершив «строительные» работы, мы, довольные проделанным, уселись на поваленную сушину отдохнуть и полюбоваться на закат.

Золотистый свет уходящего солнца плавно скользил по снегу, стволам деревьев. Поднимаясь всё выше и выше, он выманивал из глухих распадков и ложбин таившуюся там серую мглу. Ряд за рядом темнели деревья, сопки. Вот потемнела и макушка самой высокой. Лёгкие облачка ещё некоторое время отражали

прощальный свет солнца, скрывшегося за обгорелыми зубцами сопок, но и они вскоре потускнели, погасли. Нарождающаяся ночь осмелела, выползла из мрачного ущелья, укрывая всё окрест чёрным покрывалом. Тайга и небо слились. Неясные силуэты деревьев проступали только вблизи, принимая самые фантастические очертания.

Проводив день, забрались в палатку, зажгли свечу. Лукса набил чрево печурки поленьями и запалил смолистую щепу. Железные бока вскоре порозовели и стали щедро возвращать накопленное кедром за добрую сотню лет солнечное тепло.

Приятно запахло хвоей. Палатка постепенно наполнялась жилым духом. Заварив чай, устроились пить живительный напиток вприкуску с сухарями.

— Лукса, вы столько лет охотитесь на этом участке. А почему зимовья до сих пор нет? — задал я давно вертевшийся на языке вопрос.

Бросив исподлобья сердитый взгляд, охотник пробурчал:

— Было зимовье... Вместе с Митченой рубили. Летом на рыбалку приплыл — одна зола. Туристы сожгли, ёлка-моталка. После охоты, как вода спадёт, новое рубить буду. Место присмотрел. Вверх по ключу, километра два отсюда. Там никто не найдёт...

Сам я — заядлый турист, и мне стало не по себе. К сожалению, в походы ходят не только романтики, любящие природу, но и те, для кого она — объект для развлечений.

Разморённые теплом и горячим чаем, повалились на ватные спальники. По брезентовым скатам палатки уютно плескались блики света, пробивавшегося сквозь щели печурки.

— Что-то потно стало. Подними полог, — попросил Лукса.

Пахнуло морозной свежестью. Спать расхотелось, и мне показалось, что настал подходящий момент расспросить удэгейца о его самобытном лесном племени, кочевавшем прежде в глуши сихотэ-алинской тайги. Трудно поверить, но из-за оторванности от внешнего мира эти люди ещё совсем недавно жили по законам родового строя.

В ответ на мою просьбу Лукса вынул изо рта короткую трубку, с минуту помолчал, собираясь с мыслями, и стал неспешно вспоминать.

Я слушал и живо представлял картины недавнего и в то же время такого далёкого прошлого.

...С десяток крытых корой чумов, прилепившихся к подножью крутобокой сопки на берегу порожистой реки Сукпай. Над кострами дымятся котлы. Вдоль косы, между навесов с юколой, бегают черноволосая ребятня. Женщины отминают, коптят шкуры зверей, тайменей. У одной из них в удобной заплечной люльке сладко спит младенец. В чумах, в женской половине, старухи шьют улы* и одежду, ладят берестяную посуду. Тут же, на кабаньих и медвежьих шкурах, копошится мелюзга — будущие охотники. В тени деревьев старики, ловко орудуя топориками, мастерят — кто лёгкие нарты, кто ходкую оморочку**. Молодые мужчины ушли с собаками на охоту. Мало кто из них вернётся с добычей. Тайга хоть и богата, копьём много не добудешь, а для нескольких ружей, купленных у торговых людей на Амуре, давно нет боеприпасов.

Время от времени племя потрясали опустошающие эпидемии, разбойничьи нападения жестоких хунхузов***, междоусобица...

Меж тем негромкий голос Луксы продолжал:

— Как дошла Советская власть, стало легче. Бесплатно дома строили, карабины, патроны, продукты, посуду, инструмент давали. Перед войной хозяйства на Саях и Джанго были. Я в «Красный охотник» на Саях записался. Теперь там никто не живёт — всех в одно хозяйство согнали, ёлка-моталка. Ниже Джанго Гвасюги построили. Зачем так делали? До участков совсем далеко стало.

— Погоди, ты же говорил, что ваш род по Сукпаю кочевал?

— Оттуда я ушёл ещё мальчишкой, сразу как отца с матерью после большой болезни потерял. Мать шибко любил. Её украшения с ней в могилу положил. Осенью двуногий шатун могилу рыл и всё унёс! Как лёд сошёл, в Тигровой протоке кое-что нашли в карманах утопленника. У меня сохранилось только вот это.

* Улы — кожаная обувь с суконным голенищем.

** Оморочка — маленькая долблёная лодка.

*** Хунхузы — китайские разбойники, грабители.

Лукса расстегнул ворот рубашки и показал висевшую на шее небольшую серебряную фигурку улыбающегося человечка с узкими щёлочками глаз и пухлыми щеками. Судя по размеру живота и халату с замысловатыми узорами, человек этот был не бедный. На поясе, в углублении, таинственно мерцал какой-то камешек, а на спине четыре иероглифа.

— Что здесь написано?

— Не знаю. Спрашивал у экспедиции, тоже не знают. Просили дать «китайца» показать учёному. Но как дашь? Память! Главный знаки срисовал. Обещал написать, да забыл, пожалуй...

Бесспорно, многое изменилось в жизни удэгейцев, но основные занятия остались прежними. Летом охотники заготавливают панты*, женьшень, элеутерококк, кору бархата амурского, ягоды лимонника, брусники, клюквы. Осенью ловят рыбу. Зимой на закреплённых за каждым штатным охотником участках промышляют пушнину, заготавливают мясо диких зверей.

Бывалый промысловик, взволнованный воспоминаниями, курил трубку за трубкой. В палатке слоился сизый дым.

Я вышел подышать свежим воздухом и застыл, потрясённый увиденным.

Полная луна заливала тайгу невообразимо ярким светом. Небо не чёрное, а прозрачно-сиреневое, и на нём не сыскать ни единой звёздочки. Кедры вокруг — словно былинные богатыри. В просветах между ними мерцают бриллиантовыми искорками крупные снежинки. Река перламутром выливается из-за поворота и, тускнея, убегает под хребет, заглатывавший её огромной каменной пастью. Боже, я попал в сказку!

Кликнул Луксу. Он тоже потрясён и что-то шепчет на своём языке. Притихшие, вернулись в палатку, однако, не выдержав, я вновь вышел и долго стоял среди этой неземной красоты. От избытка чувств вонзил в тишину этой необычной ночи полурёв-полустон. Эхо, недовольно откликнувшись, долго металось по распадкам и стихло в сопках.

* *Панты* — неокостеневшие рога изюбря, пятнистого оленя, марала. Народная медицина считает, что панты возвращают молодость, изгоняют хворь.

ТАЁЖНАЯ АЗБУКА

Утром, пока разгорались дрова, Лукса успел одеться, умыться. Приготовив завтрак, он растормошил меня:

— Вставай, охоту проспишь.

Я вылез из спальника, размял затёкшие ноги и налил в эмалированную кружку чай.

— Чего не умываешься? — удивился Лукса.

— Холодно, — поёжился я.

— «Холодно, холодно», — передразнил он. — Как со вчерашним лицом ходить будешь? Тайга пугаться будет. Соболь уйдёт, ёлка-моталка.

Поневоле пришлось натягивать улы и выходить на мороз. Зачерпнул ключевой воды и обдал лицо. От первой пригоршни сжался, как пружина, — ох и жжёт! Вторую уже не почувствовал, а третья даже вызвала прилив бодрости. Настроение поднялось, захотелось поскорее приняться за дела. На дне ключа заметил золотистые чешуйки, вымытые водой из кладовых сопок. Интересно, что это за минерал? Подцепил на лезвие ножа одну пластинку и понёс показать Луксе.

— Я не понимаю в них, — простодушно признался тот.

— На золото смахивает.

— Может... Раньше китайцы мыли здесь. Такие чешуйки и в соседних ключах встречаются.

После недолгих сборов наставник повёл меня учить премудростям промысла пушнины.

Мягко ступая, он ловко лавировал среди деревьев: только суконная шапка-накидка мелькала в просветах между стволов. Мне приходилось то и дело ускорять шаг, чтобы не отстать. Большое преимущество в росте не выручало. Умение Луксы безошибочно выбирать самый удобный путь в густой чаще поражало. И если я пытался самостоятельно найти более короткий и удобный проход, то отставал ещё больше.

При ходьбе охотник не расставался со специальным ясеневым посохом — первой принадлежностью каждого удэгейца-промысловика. Выглядит он так: верхний конец широкий в виде лопаточки (она используется для маскировки капканов снегом),

в нижний врезан кривой и острый клык кабана. Им тормозят и рулят при спуске с крутых склонов на лыжах.

С остановками миновав пойменный лес, полезли в сопки. По пути Лукса учил читать встречавшиеся следы, определять их свежесть.

Гладкий, округлый след, по его словам, бывает у здорового, упитанного соболя; узкий, неровный — у слабого, худого. У такого и шкурка плохая. мех редкий, тусклый. У сильного соболя мах прыжков широкий, почерк стёжки спокойный, уверенный. В тёплую снежную погоду ходят только молодые соболя, да и те крются возле гнезда.

Соболь шагом не ходит, а скачет, становясь на обе лапки одновременно. Бежит обычно двухчёткой: задние лапы точно попадают в след передних, получая уже утрамбованную опору для прыжка. Бывает, что соболя «троят», очень редко «четверят». Это когда одна или обе задние лапы не попадают в след передних. Случается такое во время гона и при скрадывании добычи.

После «лекции» Лукса перешёл к практическим занятиям. Показывал, как ставить и маскировать капканы на норку, соболя, колонка. Я старательно запоминал всё. Из всего услышанного понял, что успех охоты зависит прежде всего от того, насколько удачно выбрано место для ловушки и насколько искусно она замаскирована.

На излучине реки вспугнули стайку рябчиков. Лукса влёт сбил одного. Птицы с шумом разлетелись в разные стороны. Одна из них спланировала на ель неподалёку от меня. Прячась за стволами, выстрелил в неясный силуэт. Рябчик камнем упал вниз. Но, подбежав, я ничего, кроме перьев, на снегу не обнаружил.

Обойдя вокруг дерева несколько раз, окликнул собак, но тех и след простыл. Удручённый, пустился догонять наставника. Узнав про оставленную дичь, он нахмурился.

— Уф, манга*, уф, манга! Нельзя птице без пользы пропадать. Показывай, где стрелял.

Осмотрев разнесённые ветром перья, Лукса облизнул палец, поднял его вверх и после этого юркнул в кусты. Покопавшись в снегу, вынул убитого рябчика.

* *Манга* — плохо (*удэг.*).

— Никогда не бросай добычу — фарт уйдёт.

На протоке пересекли свежий след белки.

— На жировку пошла, — отметил Лукса.

— А может, с жировки? — предположил я.

Охотник глянул удивлённо.

— Ты своей башкой думай. Смотри — прыжки большие, лапки прямо ставит — лёгкая пока. Поест — потяжелеет, прыжок короткий будет, лапки ёлочкой станут.

Я смущённо молчал. Сколько же нужно наблюдательности, чтобы подметить всё это!

Под елями виднелись смолистые чешуйки шишек, выдавая места её кормёжки.

— Видишь, белка кормилась?

Я кивнул.

— А где шишку грызла?

— Как где? На ели.

Лукса покачал головой:

— На снегу. Чешуйки плотной кучкой лежат. Когда на дереве грызёт, чешуйки широко разбросаны. Чем выше, тем шире.

В этот момент раздался быстро удаляющийся треск. Мы побежали посмотреть, кто так проворно ретировался. Вскоре увидели на снегу ямы от громадных прыжков. Тут же лёжка, промятая до земли.

— Как думаешь, кто это был? — ещё раз решил проэкзаменовать меня наставник.

— Олень, — уклончиво ответил я и стал лихорадочно искать глазами помёт, чтобы по форме шариков определить — лось или изюбрь.

— Ты мне голову не морочь. Какой олень? — напирал Лукса.

— Лось.

— Сам ты лось... горбатый! Говорил тебе вчера: сохатый рысью уходит. Этот прыжками ушёл. Изюбрь был. Смотри сюда. Видишь, снег копытами исчиркан. Изюбрь так чиркает, лось высоко ноги поднимает — снег не чиркает.

Видя, что я приуныл, ободряюще добавил:

— Ничего, бата*! Поживёшь в тайге, всему научишься. Даже по-звериному думать.

* *Бата* — сын, сынок (*удэг.*).

На пологой седловине пересекли след бурого медведя, тянувшийся в сторону господствующей над окрестностями горы Лысый Дед. Её округлая макушка в белых прожилках снега и серых мазках каменистых осыпей была совершенно безлесой. Эта особенность, похоже, и определила название.

— Чего-то припозднися. Они обычно под первый снег залегают.

На обратном пути вышли на крутобережье широкого залива — излюбленного места нереста кеты. От Хора он отделён полосой земли, заросшей густым пойменным лесом, сплошь перевитым лианами китайского лимонника и актинидий.

На мгновение взгляд почему-то задержался на группе деревьев. Не поняв сразу, что именно привлекло моё внимание, пригляделся. Пять могучих ильмов стояли как бы полукругом, обращённым открытой стороной в залив. Перед ними — проплетшина, в центре которой три потемневших деревянных столбика, заострённых кверху. Когда подошли поближе, увидел, что это идолы. Грубо вытесанные, длинные, потрескавшиеся и потемневшие лица равнодушно взирали на водную гладь. Я вопросительно взглянул на Луксу.

— Наши лесные духи. Большой — Хозяин, а эти двое — жена и слуга. Хозяин помогает в охоте и рыбалке, — вполголоса пояснил он.

Достав из кармана сухарь, охотник подошёл к столбикам, почтительно положил его у ног Хозяина и спустился к воде. Я задержался, чтобы сделать снимки.

— Ничего не трогал? — не сводя с меня глаз, спросил Лукса, когда я догнал его.

— Нет. Сфотографировал только.

— Тогда ладно. Давай рыбу собирать. Рыбы беда как много надо. Собак кормить и на приманку.

Переступая по валунам, мы вытащили сучковатой жердью с мелководья десятка четыре кетин и сложили в кучу. В этих рыбаках трудно было признать красавцев океанских лососей. Серебристый наряд сменился на буро-красный. Челюсти хищно изогнулись и устрашающе поблёскивали серповидными зубами, выросшими за время хода на нерест. Некоторые самцы ещё вяло

шевелили плавниками, изо всех сил стараясь не завалиться на бок. До последней минуты своей жизни они охраняли нерестилище — тёрку от прожорливых ленков и хариусов.

Во время нереста в августе и сентябре сквозь чистую воду хорошо видно, как самка с силой трётся о дно, покрытое мелкими камешками. Припав к образовавшемуся углублению, она сжимает и разжимает брюшные мускулы до тех пор, пока лавина лучистых, янтарных икринок не вырвется наружу и не осядет в лунке. Плавающий рядом возбуждённый самец изливает на них молоки и присыпает оплодотворённую икру галькой. Весной из неё выведутся крохотные мальки. Окрепнув в горной речке с холодной, богатой кислородом водой, они скатятся в море. А через несколько лет уже взрослыми возвратятся на родное нерестилище. Ничто не может остановить их на пути к нему. Настойчивость и сила рыб, поднимающихся даже по двухметровым сливам, восхищает. Отметав икру, они также погибнут, чтобы дать жизнь новому поколению.

— Мало теперь кеты. Раньше, бывало, в два слоя лежали. Тысячи на зиму готовили.

— Солили?

— Как солить? Где столько соли взять? Брюхо и спину вдоль хребта резали и сушили под навесами на ветру.

— А мясо летом как хранили?

— Чуть варили, чтобы кровь свернулась. Потом резали на пластины и тоже вешали.

Пока мы собирали кету, Пират с Индусом, бегая наперегонки по берегу, обнаружили затаившуюся под выворотнем енотовидную собаку и с лаем выгнали её оттуда.

Она напоминала заурядную дворняжку с короткими ногами. Неуклюжа, приземиста, ужасно лохмата. мех густой и пышный, серо-бурый с желтоватым оттенком. Мордочка короткая, глаза смотрят покорно, как бы прося пощады. Это, пожалуй, самое безропотное и незащитное существо в Сихотэ-Алинской тайге.

Когда мы приблизились, енотовидная собака припала к земле и закрыла глаза, с поразительной апатией ожидая решения своей участи. С трудом оттащив возбуждённых псов, направились к стану, обсуждая увиденное за день. Радовало, что участок богатый.

На пойме немало копытных, по берегам бегают норки, в сопках встречаются соболя. И, что важно, много мышей и рябчиков — их основной пищи.

— Рябчик есть — соболю хорошо. Мышь съел — опять ловить надо. А рябца надолго хватает, — объяснял опытный промысловик.

— Лукса, а как участок делить будем? — наконец-то, решился спросить я.

Напарник посмотрел с недоумением:

— Зачем делить? Где хочешь, ходи, где хочешь, лови. Только на чужие участки не ходи. Пудзя* сердиться будет. Выше по Хору сосед — Аки. Ты его знаешь. А ниже — Гирдо. Гирдо уже два года не охотится. Колено выпадает.

Честно говоря, я был обескуражен таким ответом. Мне хотелось, чтобы Лукса закрепил за мной определённую часть угодий, но впоследствии понял, насколько мудрым было его решение. Никто не был стеснён и не считал себя обделённым. Наши тропы иногда пересекались, но при этом каждый шёл своей дорогой.

Весь следующий день между сопок с диким посвистом метался шальной ветер. Правда, нам он не мешал — мы были заняты подготовкой капканов.

Чтобы удалить заводскую смазку, сначала отожгли их на углях. После чего напильниками сгладили заусенцы, подогнали сторожки. Из стальной проволоки сделали на каждый капкан цепочку для крепления «потаска» — обрубка ветки, не позволяющего зверьку далеко уйти.

Наскоблив с затёсов кедровой и еловой смолы, бросили её в ведро с кипящей водой. В этом «бульоне» поочерёдно проварили все подготовленные капканы. Когда вынимали, они покрывались тоненькой янтарной рубашкой.

После такой обработки соболя, обладающие тонким нюхом, не учуют запах железа.

— Камиль, перед установкой капкана руки хвоей пихты обязательно натирай. Она пахнет сильнее и дольше, чем еловая, — продолжал просвещать Лукса.

* Пудзя — главное божество (бог) у удэгейцев.

К вечеру ветер стих. Непроницаемый войлок туч скрыл все звёзды. Мягко повалил снег. Промысловик заметно оживился:

— В снег звери глохнут — близко подойти можно. Сначала мяса запасём, потом соболя ловить начнём.

Говорит, а сам мой пятизарядный гладкоствольный винчестер всё поглаживает, да на руках покачивает.

— Какой легкий, ёлка-моталка! Как моя одностволка. Камиль, тут цифры 1912. Что они значат?

— Год выпуска.

— Вот это да тебе! — Лукса аж присвистнул. — Мой отец тогда только родился. Откуда у тебя такое?

— Мой друг Юра купил во Владивостоке у одного геолога-пенсионера. В тайге, когда мы путешествовали, ему за этот винчестер огромные деньги предлагали.

— Как же тебе дал?

— Юра погиб в Якутии два года назад. Ружьё — память о нём. Большой, светлой души был человек. Я ему многим обязан.

— Да, бата, молния всегда бьёт о самый высокий кедр.

БЛУЖДЕНИЯ

С рассветом снег перешёл в дождь. Тайга потонула в промозглой сырости. Без настроения разошлись искать свежие следы копытных: хоть и непогода, а мясо добыть надо. Лукса ушёл в горы. Я же, поставив под обрывистым берегом несколько капканов на норку, побрёл по пойме ключа, надеясь отыскать кабанов. Поначалу попадались лишь волчьи следы. Гора кеты, сложенная вчера нами на берегу залива, исчезла. На её месте лишь утрамбованный серыми круг. Съеден был даже снег, пропитанный кровью.

Миновав небольшую марь, увидел гайно*. От него вверх уходили свежие следы. Решил тропить.

Табун долго двигался прямо. Наконец кабаны разбрелись, появились глубокие порои. Я пошёл предельно осторожно. Пере-

* *Гайно* — зимнее кабанье гнездо, на котором звери спят, прижавшись друг к другу. Представляет собой слой срезанных клыками веток.

ходя от дерева к дереву, всматривался в каждый куст, едва дыша, прислушивался к малейшему звуку. И тут, совершенно некстати, взбрыхнул Индус. Раздалось испуганное «чув-чув». Мелькнув чёрными молниями, звери исчезли, оставив на снегу лишь парящие клубки помёта.

В сердцах отругал пса, но он вряд ли понял, что совершил ошибку. Пожалуй, наоборот, скорее гордился тем, что вовремя предупредил хозяина об опасности и громким лаем обратил в бегство свирепых секачей. Преследовать их смысла не было: теперь уже не подпустят.

Делать нечего — перейдя на пойму Буге, зашагал по сужающейся долине вверх. Тяжёлые непроглядные тучи утюжили макушки сопок. Всё вокруг в мутной пелене мороси. Уныло. Зябко. Несколько лет назад здесь пронёсся небывалой силы смерч, и всё оказалось заваленным деревьями в несколько ярусов. Сучкастые гиганты перегораживали путь всему живому. Между ними уже густо поднималась молодая поросль.

Приходилось карабкаться через эти завалы; прыгать с одного скользкого ствола на другой, рискуя напороться на острый смолистый сук. Попытался протиснуться понизу, но и там не легче: сплошь колючие кустарники и уже успевшие всё перевить лианы. Каждый сучок старается выдрать клочок одежды. Одна упругая ветвь наградила меня такой пощёчиной, что свет померк от боли, а из рассечённой скулы брызнула кровь.

Неожиданно долина полезла круто вверх, и я запоздало сообразил, что поднимаюсь не вдоль Буге, а по его боковому распадку. Возвращаться назад через лесные «баррикады» не было ни сил, ни желания. Решил перевалить гриву и спуститься к Буге по соседнему распадку.

А там меня встретили труднопроходимые заросли кедрового стланика, чередовавшегося с можжевельником. Лишь по самому гребню росли берёзы, но не те нежные, стройные создания, прославленные народом в песнях, а кряжистые, скрюченные карлики с толстыми култышками ветвей. Их трудно даже назвать берёзами. Постоянные пронизывающие ветра совершенно изменили их привычный для нас облик. Угрюмый вид этих уродцев навевал нехорошие предчувствия.

Через час мы с Индусом всё же прорвались к ложу ключа, к привычным кедром и елям, а так как уже пора было возвращаться, я повернул к стану. Иду и чувствую, что не проходил здесь. Вроде те же сопки, тот же ключ, но пойма много шире. Чтобы проверить себя, пересёк долину поперёк и остановился в растерянности — моих утренних следов на размякшем снегу не было. Похоже, я спустился не к Буге, а в долину соседнего ключа — Джанго, на участок Гирдо.

В замешательстве огляделся. Вокруг стоял сразу ставший враждебным лес. Сверху безостановочно сыпал нудный дождь со снегом. На мне ни одной сухой нитки. Слякотно, холодно, голодно. Еды, кроме трёх размокших сухарей, никакой. Спички, первейшая необходимость, отсырели и не зажигались. Компас остался в палатке. Стало не по себе.

Мокрый Индус жался к ногам и преданно смотрел на меня.

— Индус, домой! Веди, дружок! Выручай... — уговаривал я его в надежде, что пёс найдёт дорогу.

Тот виновато отворачивал морду. Он догадывался, что от него чего-то ждут, возможно, даже понимал, что именно, но помочь был не способен.

Поразмыслив, я решил, что в данной ситуации мне не остаётся ничего другого, как спуститься по долине Джанго к Хору и по его берегу подниматься к становищу.

Ближе к устью ключа пошли, чередуясь, то сплошные изнуряющие заросли колючего элеутерококка, то топкие зыбуны с вертлявыми, покрытыми копной жёсткой травой, кочками. По зыбунам ступал, замирая от ужаса. Сделаешь неверный шаг — провалишься в «окно» с ледяной жижей. Казалось, будто идёшь по слабо натянутой резиновой плёнке: при каждом шаге верхний слой упруго прогибался, и далеко вокруг расходились тяжёлые волны, покачивающие одинокие «копёнки». Бестолковый Индус плёлся сзади.

Передохнуть негде. Попытался прислониться измученным телом к худосочному стволу ели, но та с треском повалилась — слабый грунт не держит.

Вспомнились глухие завалы на реке Чуи, по которой мы с Юрой сплавливались несколько лет назад. Огромные лесины,

лохматые выворотни, нагромождённые осенним паводком, перекрыли обширную долину реки от хребта до хребта. Полноводный поток буруги, не в силах разнести, разорвать нагромождения лесных великанов, с рокотом разливался по широкой пойме.

Приближаться к завалам на лодке по руслу речки было опасно — мощное течение затянет под стволы и истреplet там в клочья. Поэтому шли по затопленной лесной пойме пешком с рюкзаками на спине, лодкой на голове, по колено, а нередко и по пояс в воде.

Разбои тянулись всего шесть километров, но они отняли у нас двое суток.

О! Что это был за переход! Сущий ад! Кругом вода. Море воды, но плыть невозможно — лодке не протиснуться между деревьями и подлеском. Почва от воды раскисла, и ноги глубоко вязли в ней. Мы то и дело проваливались в коварные ямы. Тогда герметичные рюкзаки выполняли роль заплечных поплавков. Вокруг полчища мошки. Её так много, что мешает дышать. Похоже, все окрестные вампиры караулили нас на этом переходе.

Они роями набрасывались и облепляли серым пеплом все доступные участки тела. Проведёшь рукой по лицу — с пальцев кровавая каша комочками отваливается.

Шли голодные, грязные, мокрые и опухшие от бесчисленных укусов. Шаг вперёд — лодку на себя — рукой по искусанному, в серой маске, лицу. Шаг вперёд — лодку на себя — рукой по лицу.. И так двое суток! А как «спали» посреди этой топи — лучше и не вспоминать!!

Так что без паники. И не в таких переделках бывал!

Собравшись с силами, выбрался на островок и буквально уткнулся в длинную кисть с пятью огненно-красными рубинами ягод, свисавшую с коричневого гибкого побега с шелушащейся корой. Это был лимонник. Съев их, почти сразу почувствовал прилив сил, но, к сожалению, недолгий. Уже через километр опять захотелось прилечь. Эх, найти бы несколько таких кисточек! (Лукса говорил, что горсть ягод лимонника даёт силы весь день гнать зверя.)

Дальше гибкие лианы стали попадаться чаще, но ягод на них не было: птицы склевывали все до единой.

С тоской шаря в пустых карманах, невольно вспомнил таёжную мудрость: «Идёшь на день, бери на три». К вечеру стало подмораживать. Холодный ветер обжигал лицо и руки. Мокрые штаны и куртка превратились в ледяной панцирь, и каждый шаг сопровождался их хрустом. Оказавшись, наконец, на коренном берегу Хора, с облегчением вздохнул и даже несколько раз с силой притопнул ногой, убеждаясь, что топь действительно кончилась.

Последние километры брёл как во сне. Чувства притупились, мысли путались. Их неясные обрывки хаотично блуждали в голове, и только одна, точно зубная боль, не давала покоя: не ушёл ли Лукса искать меня?

Я не сомневался, что при встрече он упрекнёт: «Тебе по тайге только с проводником ходить». Но ошибся. Наставник или был уверен во мне, или просто привык за долгую жизнь в тайге к подобным задержкам. Когда я ввалился в палатку и в полном изнеможении упал на спальник, он только пробурчал, пыхнув дымом из трубки:

— Шибко долго ходишь, всё давно остыло.

В тепле невероятная усталость сразу дала о себе знать. Мной овладело единственное желание: лежать и ни о чём не думать. Было обидно, что столько сил истрачено впустую! После такого урока взял за правило брать с собой запас еды, а спички тщательно заворачивать в полиэтиленовый мешочек. (Со временем я научусь и свободно определяться на местности. Видимо, проснётся, забитый городом, инстинкт ориентировки.)

Немного придя в себя, переоделся во всё сухое. Выпив шесть кружек чая, ожил. Оглядевшись, заметил висевшие на перекладине шкурки белок.

— У тебя, Лукса, вижу, удачный день. Поздравляю!

— Не больно удачный, только трёх белок взял. Смотри, уже выходные — мездра спелая. Белка линяет последней, значит, соболя тоже вызрели, — ответил промысловик и продолжил прерванное занятие — надувать очищенный зоб рябчика. Получился лёгкий полупрозрачный шарик, который он повесил сушиться рядом со шкурками.

— Внукам игрушка. Побольше готовить надо. Внуков беда как много. Всегда на Новый год полную коробку приношу.

ОТЧЕГО КАМЕНЕЮТ РОГА

Разбудил ритмичный стук. Выглянул из палатки и обомлел: прямо у входа сойка остервенело терзала беличью тушку. На моё появление никак не прореагировала. Насытившись, высокомерно глянула на меня чёрным глазом и по-хозяйски поскакала дальше.

Судя по тому, что чай был чуть тёплый, Лукса ушёл давно. Я оделся и выбрался наружу. Денёк — чудо! Всё пропитано солнцем. В лесу кипит хлопотливая жизнь. Вовсю тарабанит труженик-дятел, в пух и прах разбивая старуху-ель. Звонкими, чистыми голосками перекликаются синицы. Весело посвистывают рябчики. Пронзительно и хрипло вскрикивают таёжные сплетницы — кедровки.

И Хор нынче необычайно красив. Сплошной лентой, чуть шурша друг о друга хрустальными выступами, плывут льдины, припорошённые белой пудрой. В промежутках между ними вода лучится приятным нежно-изумрудным светом.

После вчерашних блужданий чувствовал себя совершенно разбитым, да и идти на охоту было поздновато. Поэтому спустился к реке и прямо под берегом насторожил несколько ловушек. Проверил старые. В две из них попались мыши. Лукса считает, что я слишком чутко настраиваю сторожок: капкан срабатывает даже от веса столь крохотных грызунов.

Сам он завалился в палатку довольный. Ещё бы! Убил чушку в метрах трёхстах от стана! Гордо извлёк из рюкзака большой кусок окорока и печень. Задабривая покровителя охоты, отрезал ломтик и бросил в огонь:

— Спасибо, Пудзя! Хорошая чушка!

Мы, даже не перекусив, пошли за добычей. Жирненькая! Слой сала в два пальца.

— Кабанным жиром хорошо улы смазывать. Не промокают. Одно плохо — после смазки подошва сильнее скользит.

В этот вечер у нас был первый настоящий охотничий ужин. Сварив полную кастрюлю мяса, пировали, оживлённо беседуя на самые разные темы. Намолчавшись за день, Лукса донимал меня вопросами. Во всём он пытался докопаться до самой сути и нередко ставил меня в тупик:

— Камиль, солнце у нас одно, но почему утром оно холодное, а днём горячее, и светит так сильно, что смотреть больно?

Или же спрашивал:

— Отчего каменеют рога? Они же вырастают мягкими, и траву олень ест мягкую, а к гону рога каменеют.

Я, используя книжные познания, как мог, разъяснял:

— Верно, молодые рога мягкие и пронизаны массой кровеносных сосудов, сверху покрыты густой бархатистой шерсткой.

— От мошки защищает, — вставил Лукса.

— Когда панты вырастают в полную величину, в них происходит отложение солей. Проще говоря, окостенение. Начинается оно с кончиков рогов и постепенно опускается до головы. В это время быки особенно часто посещают солонцы — организм требует соли. Когда этот процесс завершается, покрывающая рога шкурка отмирает, и, как ты сам рассказывал, олени трутся рогами о деревья, чтобы счистить её.

— Ты такой умный, а вот скажи — кто из зверей самый крепкий на рану?

— Лукса, это нечестно. Ты мне об этом ещё не рассказывал.

— Ишь, как вывернулся! Тогда слушай. Самый крепкий лось будет. Самый слабый — изюбрь. Медведь и кабан между ними. Раненый лось силы бережёт, от охотника уходит не больно быстро. В сопку идёт не прямо, а, как река, петляет. Изюбрь — дурак. Горяч. Раненый, прыжками уходит и всегда вверх. На рану совсем слабый — даже с мелкашки завалить можно. У меня раз так было: собака загнала изюбра на отстой. Смотрю, ничего не вижу — ветки мешают. Стрельнул, да в спешке не переключил с «мелкашки» на «жакан». Слышу: копыта по камням защёлкали. Обида взяла — уходит рогач, ёлка-моталка. Бросился за ним, а изюбрь сам навстречу. Не успел второй раз стрельнуть, как он грохнулся на камни мёртвый. Совсем слабый на рану.

— А ещё, что интересного было?

— Было, было, — оживился наставник и, прихлёбывая чай, допоздна рассказывал не только о случаях из охотничьей жизни, но и о повадках зверей, особенностях их промысла. Под конец я не утерпел и задал давно беспокоивший меня вопрос:

— Лукса, а ты не боишься, что тигр или волки могут напасть?

— Чего бояться? Зверь не глупый. Он человека уважает.
— Но бывает же, что хищные звери нападают на человека.
— Сказки это. Если зверя не трогать, он не нападёт. Что, ко-
лонок или норка опасные звери? Но и они, если бежать некуда,
могут наброситься на тебя. Однако один хуза* в тайге всё же
есть — шатун. Очень ненадёжный зверь, ёлка-моталка. Он мо-
жет напасть.

* * *

В лесу после ночного снегопада следов нет. Только снежные
«бомбы», сорвавшиеся с ветвей, успели кое-где продырявить пух-
лое одеяло.

Разошлись рано, хотя можно было и не ходить — капканы
лучше ставить на второй-третий день после снегопада. За это вре-
мя зверьки наследят, и сразу видно, где их излюбленные проходы,
а где случайный след.

В ловушках привычная добыча — мыши. У одного шалашика
с приманкой норка пробежала прямо возле входа, но в него даже
не заглянула — сытая. В тайге нынче все благоденствуют. Бед-
ствуют одни охотники.

Лукса весь день гонял косуль. Дважды удавалось прибли-
зиться на выстрел, но оба раза пуля рикошетила о промёрзший
подлесок.

— На косулю хорошо с собакой ходить, — оправдывался про-
мысловик, — она под собакой круг делает и на то же место вы-
бегает. Тут её и бей.

— Что ж ты Пирата с собой не берёшь?

— В этом деле он не помощник. Как встретит новый след,
отвлекается и уходит по нему до следующего.

УРАГАН

Седьмое ноября! Двадцать третий день, как я на промысле.
Расставлены почти все капканы, но трофеев пока нет. Сегодня
по всей стране торжества, демонстрации, а у нас с Луксой обыч-

* *Хуза* — бандит.

ный трудовой день. Нарубив приманки, я отправился бить очередной путик по пойме Хора, но вскоре вернулся, чтобы надеть окамусованные* лыжи: снега навалило так много, что без них уже не пройти.

Если бы таёжники знали имя человека, первым догадавшегося оклеить лыжи камусом, они поставили бы ему памятник. Короткие, жёсткие волосы с голени оленей надёжно держат охотника на самых крутых склонах. При хорошем камусе скорее снег сойдёт с сопки, чем лыжи поедут назад. Правда, ходить на таких лыжах без привычки неудобно. Я тоже сначала шёл тяжело, неуклюже, потом приноровился.

Порой в книгах читаешь описание того, как охотник, лихо скатившись с сопки, помчался к зимовью. Хочется верить, что это где-то и возможно, но только не в дебрях Сихотэ-Алиня. Попробуй полихачить, когда выстроились один за другим кедры, ели, пихты, ясени, а промежутки между ними затянуты густым подлеском, переплетённым лианами.

На вытянувшемся к востоку плоскогорье появились миниатюрные следочки кабарги — самого крошечного и самого древнего оленя нашей страны. Изящные отпечатки маленьких копытцев чётко вырисовывались на снегу. Кабарга испетляла всю окрестную тайгу в поисках любимого лакомства — длинного косматого лишайника, сизыми прядями свисающего с ветвей пихт и елей.

Лукса рассказывал, что охотники даже специально валят такие деревья и устанавливают возле них самострелы с волосяными растяжками на высоте локтя. Слух у кабарги острый и, услышав шум упавшего дерева, она бежит проверить, нельзя ли там подкормиться. Неравнодушны к этому лишайнику и другие звери, в том числе соболя, белки. Но последние не едят его, а используют для утепления гнёзд.

Среди оленей кабарга примечательна отсутствием рогов. Этот существенный недостаток возмещается острыми саблевидными клыками, растущими из верхней челюсти. И хотя по величине

* *Окамусованные* — оклеенные камусом. Камус — шкура с голени лося или изюбря. Можно использовать и лошадиный камус. Он тяжелее, зато лучше скользит по снегу.

они не могут соперничать с клыками секачей, при необходимости кабарожка может постоять за себя, ведь длина её клыков достигает восьми сантиметров.

Охотиться на кабаргу без хорошей собаки — дело бесполезное. Благодаря чрезвычайно тонкому слуху она не подпустит охотника на верный выстрел. Поэтому я зашагал дальше, сооружая в приглянувшихся местах амбарчики на соболей и норок. Чтобы привлечь их внимание, вокруг щедро разбрасывал кроху: перья и внутренности рябчиков.

На становище вернулся, когда над ним уже витали соблазнительные запахи жареного мяса. Лукса колдовал над праздничным угощением — запекал на углях завёрнутые в фольгу жирные куски кабанятины, сдобренные чесноком.

После сытного ужина мы с особым удовольствием слушали по транзистору концерт. Но перед сном приподнятое настроение было испорчено — хлынул дождь.

— Когда таймень хочет проглотить ленка, он сдирает с него чешую, — в мрачной задумчивости произнёс удэеец и тут же, спохватившись, добавил: — Ничего. Терпеть надо. Жаловаться нельзя, ёлка-моталка. Поправится ещё погода.

После дождя подморозило, и снег схватился ледяной коркой. Невольно вспомнил рябчиков. Смогут ли бедолаги пробить её и выбраться из плена (они ночуют под снегом).

Идти на охоту было бессмысленно, и я занялся накопившимися хозяйственными делами. Колол дрова, ремонтировал одежду. К полудню небо затянуло, начался обильный снегопад. Мохнатые снежинки кружились в воздухе, как бабочки: то взлетали, то опускались, гоняясь друг за дружкой. Часом позже с горных вершин донёсся нарастающий гул. Деревья беспокойно зашевелились, зашущукались, и вскоре налетел, понёсся вглубь тайги мощный ураган. По высоким кронам елей и кедров побежали, сметая снежные шапки, зелёные волны. Воздух на глазах мутнел, становился плотным, тяжёлым. Шквал за шквалом ветер набирал силу и, наконец, достиг резиновой упругости. Тайга напряжённо стонала, металась, утратив своё обычное величие и покой. Деревья шатались, скрипя суставами, словно пьяные. По уже замёрз-

шему заливу потянулись извивы позёмки. Недалеко от палатки с хлётким, как удар бича, треском повалилась ель. Два громадных ясеня угрожающе склонились над нашим жилищем.

Залив водой нещадно дымящую печь и захватив спальный мешок, я с опаской выбрался наружу. Ураган к тому времени достиг наивысшего напряжения. Вокруг творилось невообразимое. Всё потонуло в снежных вихрях, перемешанных с обломками веток, коры и невесть откуда взявшимися листьями. Было темно, почти как ночью. Постоянно — то в одном, то в другом месте — рушились деревья. На фоне несусветного рёва ветра казалось, что они падают бесшумно.

Забравшись в выемку под обрывистым берегом, я закупорился в мешке, как рябец в тесной снежной норе. В голову лезли беспокойные мысли: «Как Лукса? Что с ним? Тоже, наверное, где-то отсиживается, пережидая непогоду... А каково сейчас зверью!?»

К вечеру ветер ослаб, но, даже отбушевав, ураган иногда давал о себе знать сильными порывами. Ближе к ночи наступила тишина, особенно гнетущая после оглушительного буйства стихии. Снег опять повалил густыми, крупными хлопьями.

Лукса пришёл поздно, изнурённый и потрясённый.

— Чего Пудзя так сердился? — сокрушался он. — Беда как много тайги поломало. Обходить завалы устал. Ладно до конца не ходил — на развилке переждал.

Ночью ветер вновь многоголосо завыл, заметался голодным зверем по реке и сопкам в поисках поживы. Врываясь в печную трубу, наполнял палатку таким густым дымом, что становилось невозможно дышать. Чтобы не задохнуться, пришлось наглухо закупориться в мешках.

Проснулся от сердитых возгласов Луксы, яростно поносившего всех подряд: и дрова, и печку, и погоду. Высунув голову, я закашлялся от едкого чада. Оказывается, у него от искры, вылетевшей из печки с порывом ветра, загорелся, точнее, затлел спальник. Когда он почувствовал, что горит, возле колена уже образовалась такая дыра, что в неё без труда можно было пролезть. Так что легко понять несдержанность следопыта и простить ему крепкие выражения. Ведь в январе в этих краях спиртовой столбик порой опускается до отметки минус сорок градусов.

Выбравшись из занесённой снегом и обломками веток палатки, мы не узнали окрестностей.

Мне не раз приходилось видеть ветровалы, но в свежем виде они ошеломляют. Местами деревья повалены сплошь. Уцелела лишь гибкая поросль. Поверженные исполины лежали, обнявшись зелёными лапами, стыдливо прячась за громадами вывороченной земли. У тех, чьи корни выдержали бешеный напор стихии, стволы переломлены, а места разлома поблёскивают янтарной смолой.

Обрывки узловатых, мускулистых корней кричали о боли, протестовали против такой нелепой смерти. Невольно проникаешься уважением к тем крепышам, которые выстояли.

День между тем выдался погожий. Изголодавшие за время ненастья звери забегали в поисках пищи.

Тщательно осматривают свои участки и соболя — они никогда не пробегут мимо дупла, не обследовав его. Побывают на всех бугорках, заглянут под все валежины и завалы. Уходя под них, соболь может невидимкой пройти под снегом десятки метров. Ещё они любят и пробежаться по упавшим деревьям, особенно если те лежат поперёк ключа или распадка.

Душа радуется при виде всех этих замысловатых строчек. Необыкновенно интересное всё же занятие — охота. При этом наибольшее удовольствие доставляет возможность побывать в глухих, укромных уголках. Там и зверья побольше, и ведут они себя более свободно.

Часто вспоминаю день рождения 1964 года. Мне исполнилось четырнадцать лет. Первое, что я увидел, открыв глаза, — улыбающиеся лица моих родителей и одностволку «Иж-1» в руках отца. С тех пор охота на долгое время стала моей главной страстью*. И не беда, что не всегда удачен выстрел. Гораздо важней и ценней незабываемое наслаждение, которое получаешь при виде дикого зверя, стаи птиц, взмывающих с тихой заводи в заоблачную высь!

Сегодня пошёл в обход со сладостным предвкушением удачи: почему-то был уверен, что в одном из капканов в Маристом рас-

* В 1982 году я дал зарок и больше не сделал ни одного выстрела.

падке меня дожидается соболёк: как-никак, четыре дня не проверял. Но... опять одни мыши. И что обидно — некоторые «амбарчики» соболя истоптали, в лаз заглядывали, но приманку так и не тронули. Как же, станут они грызть мёрзлое мясо, когда повсюду живая, тёплая добыча шныряет. Один из соболей прямо на макушке хатки оставил выразительные знаки своего презрения к моим жалким подачкам.

В одном из амбарчиков билась голубая сорока, обитающая в нашей стране лишь здесь, на юге Дальнего Востока. На её счастье пружина не перебила лапку. Попалась она совсем недавно — даже снежный покров вокруг хатки не потревожен. Я разжал дужки и освободил птицу. Сорока, покачав головой в тёмной шапочке, взлетела на дерево. Расправила помятые перья и, громко отчитав меня, улетела.

Тогда же я впервые увидел колонка, привлечённого, видимо, криком сороки. Его рыжевато-охристая шубка на белом фоне смотрелась весьма эффектно. Тело длинное, гибкое, с круто изогнутой спиной. Колонок несколько мельче соболя, но кровожаден и злобен необычайно: сила в сочетании с проворством позволяют ему побеждать зверей и птиц, которые значительно крупнее его.

Пока я снимал ружьё, рыжий разбойник юркнул под кучу веток, оставшихся после паводка. Дождаться его следующего появления можно весь сезон: мышей в таких местах великое множество — ему до лета хватит.

От этих крохотных пакостников и в нашем жилище нет спасения. Ничего съедобного нельзя оставить — сгрызут. Продукты держим на лабазе. Но они и туда наловчились взбираться. Спаслись тем, что облили стойки водой.

По ночам от бегающих по тугим скатам палатки мышей только «топот» стоит. Однажды самая нахальная даже забралась ко мне в спальник. Прогулялась до ступней и бодренько назад по шее прямо к уху — самой удобной и доступной «добыче». Я прямо оцепенел от ужаса. Не столько страха от тигра натерпиться, как от этих малышей. Из палатки выйдешь — веером рассыпаются. К стану набиты настоящие тропы — со всех окрестностей к нам на кормёжку ходят. Жирные, лоснящиеся, ужасно наглые и любопытные.

Как-то вечером сидим, ужинаем. Одна высунула острую мордочку из-под чурки-стола, огляделась и деловито взобралась на неё — решила моим сухарём полакомиться. Я руку протянул, чтобы щелчком согнать, так она, окаянная, носик вытянула и принялась старательно обнюхивать палец — нельзя ли и им поживиться? Ставим на них капканы, бьём поленьями, а грызунам по-прежнему нет числа. Того и гляди, действительно, за нас примутся.

Но я отвлёкся от событий дня. Так вот, там, где путик пересекает межгорную седловину, появилась волнистая борозда, сглаженная посередине широким хвостом. Выдра?! Откуда она здесь? Как известно, речные разбойницы держатся рек, ключей, а тут глухая высокогорная тайга. Что побудило этого «рыболова» предпринять сухопутное путешествие через перевал? Может, на её ключе замёрзли все полыньи? Или он оскудел рыбой? А может, просто проснулась тяга к странствиям?

Потрогал след. Стенки рассыпались от лёгкого прикосновения. У выволока* нежные, воздушные снежинки. Сомнений не было — выдра прошла буквально передо мной. Лапы у неё короткие. По снегу бегают медленно. Возможность догнать сразу соблазнила меня.

Сначала шёл не спеша — устал за день, но разглядев вдали мелькающее пятно, ринулся напролом, как секач, не разбирая дороги, подминая лыжами густой подлесок, не замечая ничего, кроме волнистой борозды перед собой.

Выдра, похоже, услышала погоню — длина прыжков резко увеличилась — и свернула влево, безошибочно определив кратчайший путь к воде. Я тоже прибавил ходу. Откуда только силы взялись! Стало жарко. Сердце, бухая, разрывало грудь. Сбросил рюкзак, потом телогрейку. Вот уже коричневая искристая спина приземистого зверя замелькала среди деревьев.

Прыгала выдра тяжело, глубоко проваливаясь в снег. Расстояние между нами сокращалось. Притормозив, я вскинул ружьё и выстрелил в изгибающееся волной туловище. Выдра мгновенно

* *Выволок* — передняя часть следа.

исчезла в снегу. Подбежав, увидел, что промахнулся — сноп дрови прошёл выше.

Скинув лыжи, принялся лихорадочно разгрести снег ногами. Нижний слой был зернистым, сыпучим и скатывался обратно. Переводя дух, огляделся. Ниже по склону в метрах двадцати разглядел цепочку следов, теряющуюся в глубине леса. Пока возился с лыжами и вновь пустился в погоню, перехитрившая меня выдра успела уйти далеко.

Чем ближе к ключу, тем круче становился склон. Вскоре, чтобы погасить скорость и не врезаться в деревья, мне пришлось хвататься за стволы. Когда я почти настиг выдру и резко затормозил для выстрела, она вновь нырнула в снег. Не тратя времени на его бесплодное перемешивание, принялся ходить на лыжах кругами, останавливаясь и подолгу прощупывая глазами снежный покров. Но сколько ни вглядывался, ни выдры, ни её следов нигде не появлялось. В растерянности попробовал разгрести снег под поваленными стволами и в местах, где, по моему разумению, она могла затаиться. Выдра же словно сквозь землю провалилась.

Прочесав тайгу внутри небольшого круга, расширил границу поиска. Однако выходного следа так и не обнаружил. Дело близилось к вечеру. Пора было возвращаться, тем более что в одном свитере, без телогрейки, я уже основательно продрог. Оглядев снежный покров в последний раз, повернул обратно, злясь на себя за промах и восхищаясь сообразительностью выдры. Дважды провела меня, да так ловко!

Подобрав телогрейку, с трудом втиснулся в неё — на морозе она застыла коробом. К палатке подъехал в темноте.

Лукса уже поужинал. Выслушав мой рассказ, бывалый охотник успокоил:

— Не расстраивайся. Выдра — самый умный зверь в тайге. Как говорит наш охотовед: промысел выдры — это высший пилотаж. Не последняя зима у тебя. Придёт время — добудешь. Однажды я тоже, как и ты, выдру на переходе гнал. Мне тогда собака помогла. Под завал загнала. В другой сезон три собаки выдру под корягой причуяли, но взять боялись. Одна сунулась.

Та так лапой её саданула, что кожу с носа содрала. Я стрельнул. Хитрюга с другой стороны выскочила — и к полынье. Собаки за ней. В клубок сплелись. Визжат, рычат и к воде колесом катятся. Стрелять боюсь — собак зацеплю. Так и ушла, ёлка-моталка.

Наставник ещё долго вспоминал свои охотничьи истории, а я, как всегда, старательно записывал.

— Лукса, судя по следам, вы вчера заходили на мой путик. «Амбарчики» видели? Правильно ставлю?

— Видел, видел. Как учил делаешь, и места подходящие.

— Почему же тогда соболь не идёт? Может, пахучие приманки попробовать?

— Ерунда это. Если соболь идёт на приманку, то идёт на любую. А если не идёт — что хочешь клади, не тронет. Надо ждать, когда тропить начнут.

— Так уже больше трёх недель прошло, а я до сих пор ничего не поймал.

— Ходи больше, ставь больше. Увидит Пудзя, что не ленишься, пошлёт удачу. За всё платить надо, а за удачу особенно.

Наставник прав. Настраиваю себя на длительный экзамен. Уверенность в успехе не покидает меня и поддерживает силы.

ЛЮБОПЫТНЫЙ «ХОЗЯИН»

Морозы с каждым днём крепче, снег глубже, а дни короче. Хор, наконец, встал. Всё русло в торосах. Колотые грани льда, пронзённые лучами солнца, сверкают и переливаются россыпью драгоценных камней. Ближе к воде лёд тускнеет, становясь почти чёрным.

Во время ледостава уровень воды в реке повысился, и прибрежный лёд выперло прямо к яру. Четыре капкана оказались безнадёжно погребёнными. Скоро вода спадёт, и подо льдом образуются обширные пустоты. В них тепло и всегда имеется свободный доступ к воде — идеальные условия для безопасной и сытой жизни норкам и выдрам. С этой поры они становятся почти недосягаемыми для охотников.

Лукса ушёл в стойбище за продуктами, а заодно и «погулять маленько».

К обеду, после обхода, настроение самое мерзкое. Чтобы как-то взбодриться, решил продлить путик вниз до Разбитой. Это место получило такое название оттого, что Хор там разбивается на несколько протоков, которые, упираясь в отвесные скалы, сливаются и возвращаются в основное русло глубоким длинным рукавом.

Лукса говорил, что глубина в ней достигает девяти метров, и там с незапамятных времён живёт громадный таймень: сети пробивает как пуля бумагу, леску рвёт как паутину. Все попытки поймать его завершались неудачей. Я не очень доверяю такого рода рассказам, тем не менее интересно было взглянуть на это легендарное место и заодно расставить новые ловушки.

Километров пять прошёл легко. Потом начался перестойный, глухой лес, да такой частый, что приходилось в буквальном смысле протискиваться между стволов. Вымотавшись, повернул обратно, так и не дойдя до цели. Иду себе, иду и вдруг рядом с моей лыжнёй вижу следы тигра. Я остолбенел. Взбитая мощными лапами глубокая траншея резко сворачивала в сторону. Очевидно, властелин северных джунглей какое-то время шёл за мной и скрылся в чаще, услышав или увидев, что я возвращаюсь.

Панический страх сдавил стальным обручем. По телу игольчатым наждаком пробежал мороз, руки непроизвольно стиснули ружьё. Я боялся шевельнуться: представлялось, что любое неверное движение может спровоцировать нападение. Озираясь, стал до рези в глазах всматриваться в окружавший лес. За каждым кустом, каждым выворотнем чудился готовый к прыжку тигр. Не видя его, а лишь зная о его присутствии, хотел было взобраться на дерево, но рассудок вовремя подсказал — без движения я быстро замёрзну.

Пересиливая страх, медленно двинулся к становищу...

Через несколько дней опять шёл по этой лыжне. Страх ослаб. Он рассеялся вовсе, когда «прочитал» следы.

Полосатый брёл за мной около километра. Аккуратно обходя каждую снежную хатку, он заглядывал в неё, не тронув, к счастью,

приманки. Трудно представить, как повёл бы он себя, защеми капкан ему нос или лапу. Когда я повернул обратно, громадный кот сошёл с лыжни и направился в горы. Похоже, ему было просто любопытно: чем это худосочный двуногий занимается в его владениях.

ОДИНОЧЕСТВО

Прошла неделя, а Луксы всё нет. Хорошо, хоть Индус со мной. Всё же живая душа: подъезжаешь к лагерю, а навстречу, повизгивая, всем своим видом выражая бурную радость и неуёмное желание поласкаться, рвётся с привязи преданный пёс. Собака, надо сказать, оригинальная. Покорная и вялая в обычной обстановке, бестолковая на охоте, она неузнаваемо меняется, когда мне или моей добыче грозит опасность.

Вспоминается такой случай. Вернувшись как-то с путика, я бросил рюкзак с рябчиками на кучу дров и спустился к ключу за водой. Вдруг слышу злобное рычание, визг. Взбежал на берег, и что же? Индус стоит у перевернутого рюкзака в боевой стойке. Шерсть на загривке торчком, пасть оскалена, в груди перекачивается рык, а ошеломлённый Пират сконфуженно бежит за палатку. Я глазам не верю — Индус, всегда робеющий перед Пиратом, обратил того в позорное бегство.

Вечером, пока гладкое серое небо не сползло на землю бесцветными сумерками, то и дело выходил на берег. Почему-то был уверен, что Лукса придёт именно сегодня. Русло Хора довольно извилистое, но от нашего становища просматривается вниз почти на километр. Однако наставник так и не появился. Зато я подсмотрел, как на противоположном берегу развлекается норка. В три прыжка взлетает на обрыв и на животе съезжает по снежному жёлобу. Отряхнётся и опять наверх. Да так увлечённо, азартно! Со стороны — шаловливый ребёнок.

Продукты между тем заканчивались. (Вертолёт подвернулся неожиданно, и мы мало что успели закупить.) Крупы — на два дня.

Сахара — на один. Вдоволь лишь воды — целый ключ студёной и прозрачной. Последнюю щепотку чая израсходовал накануне. Поэтому сбил с берёзы, мимо которой хожу каждый день, ноздреватый чёрный нарост — гриб чагу. Чай из него, хоть и не сравнить с индийским, довольно приятен, а недостаток вкусовых качеств с лихвой компенсируется его полезными свойствами.

В щедрой дальневосточной тайге знающий человек может найти лекарства от любой болезни, но нет, пожалуй, таёжного растения, пользующегося более громкой славой всеисцеляющего средства, чем женьшень — посланник древней флоры. В переводе с китайского «женьшень» означает «человек-корень». И действительно, он частенько напоминает фигуру человека. О том, насколько ценился этот корень в прошлом, можно судить по тому, что в восемнадцатом веке он стоил в пятнадцать раз дороже золота!

В зависимости от возраста женьшень имеет три, четыре, пять боковых отростков. Очень редко встречаются «шестёрки» — старики, которым за сто лет. Если основной корень внизу раздваивается, его называют «мужиком». Он ценится дороже остальных. Живёт женьшень долго. Некоторые достигают четырёхсотлетнего возраста и веса в четыреста грамм!

Осенью женьшень увенчан плотным шаром ярко-красных ягод. Они хорошо заметны издалека. Между ягодами и кроной бывают стрелки: одна-две. Корневщики верят, что они указывают на соседние растения. На поиски одного корня уходят недели, но его целебные свойства и плата за труд с лихвой компенсируют искателю перенесённые лишения.

С того дня, как Хор встал, я стараюсь чаще ходить по нему — зимой река самая удобная дорога в буреломной тайге. Особенно приятно шагать по ровным речным плёсам, сияющим мириадами крошечных звёздочек. Кажется, будто идёшь по опрокинутому на землю небу, на котором узор созвездий меняется с каждым шагом.

Вернулся с путика пораньше, так как знал, что оставшихся дров едва хватит вскипятить чай. Снял с сучка поперечную пилу «тебе-мне», для которой в данном случае больше подходило название «мне-мне», и пошёл на поиски подходящей сушины.

Пилить толстые кедры одному несподручно, и я выбрал выбеленную солнцем, унизанную смолистыми сучками, ель. Обтоптал вокруг неё снег и вонзил стальные зубья в звенящий ствол. Дружными струйками полились опилки. Когда оставалось допилить несколько сантиметров, стал раскачивать дерево, пытаясь повалить его в нужном направлении. Макушка ели заходила как маятник. Наконец дерево оглушительно треснуло и стало медленно валиться... на меня. Я в ужасе рванул в противоположную сторону вверх по склону, утопая в снегу, ломая кусты.

Ель в этот момент с шумом легла на пружинистые лапы кедра. Те, низко прогнувшись, срикошетили сучкастый ствол мне вдогонку. Тупой удар в спину впредсоединил меня в снег. Какое-то время лежал неподвижно, ничего не чувствуя и не сознавая. К действительности вернула нарастающая боль в позвоночнике. Неужели перелом? В моём положении — это верная смерть. Так глупо! Но, пошевелив сначала руками, потом ногами, понял: не пришло ещё время «великой перекочёвки».

Ствол стеснял движения, но руки были свободны, и я принялся отгрести снег. Сначала вокруг головы, потом, с трудом протискивая руки, из-под груди и живота. Колючие кристаллы сыпались в рукава, за воротник, таяли и растекались по телу холодными струйками. Лезли в лицо, набивались в рот, но я только радовался этому — понимал, что именно снег мой спаситель.

Руки выгребали снежную крупу уже из-под бёдер. Тело проседало с каждой минутой всё ниже. Давление ствола ослабло, и я попытался выбраться из плена. К моему неопишуемому восторгу, это удалось с первой попытки. И вот я, мокрый, но счастливый, восседаю на едва не погубившей меня лесине: упали ель чуть выше, острый сучок пробил бы спину насквозь.

Отдышавшись, отпилили несколько чурок, перетаскал их к становищу. Наколов дров, забрался в палатку. Набил топку, поджёг щепу. Обсыхая, не переставал радоваться невероятному везению и содрогался, представляя иной исход. А вот моему другу Юре Сотникову два года назад не повезло. Стечение целого ряда обстоятельств привело к трагедии...

ЛУКСА ВЕРНУЛСЯ

Целый месяц прошёл впустую, а сегодня, когда мог, наконец, открыть счёт трофеям, такой удар! И от кого? От мышей! Проклинаю их на чём свет стоит — съели угодивших в капкан двух норок! Оставили лишь обглоданные скелеты да хвостик одной из них. По нему-то и определил, что это были именно норки.

Вконец расстроенный, побрёл дальше. Досада от такой потери обострялась мыслью о напрасной гибели красивых зверьков.

Погружённый в невесёлые размышления, не сразу заметил изюбра, глодавшего ольху на краю протоки. Услышав скрип лыж, он повернул увенчанную огромными ветвистыми рогами голову и, словно давая понять, что я значу для него не больше, чем любое рядом стоящее дерево, скользнул по мне равнодушным взглядом. Постояв пару секунд в некотором раздумье, нехотя потрусил, перейдя вскоре на бег, легко перемахивая через завалы и ямы.

В такие моменты сожалеешь, что в руках ружьё, а не фотоаппарат. Изюбрь, пожалуй, одно из самых совершенных творений природы. Даже убегает так, словно специально даёт возможность полюбоваться изяществом своих форм. Такая доведённая до совершенства грация вызывала восхищение и будила в сердце желание сбечь эту красоту для потомков.

Подобные встречи всегда очищают. Они своего рода парная баня для души: смывая всё ненужное, делают нас добрее и чище.

Возвращаясь к стану, услышал со стороны устья Буге два выстрела. Лукса? Неужели Лукса?! Я помчался к «дому» так, будто у меня выросли крылья.

Наставник сидел на корточках в куртке из солдатского сукна и деловито разбирал содержимое рюкзака. Я глядел на него, словно не видел целую вечность. Подбежав, стиснул в объятиях.

— Пусти, задавишь, — проворчал он, — опять один жить будешь.

Но по лицу было видно, что тоже рад встрече.

— Чего так долго не приходил?

— Мал-мало гулял, — широко улыбнулся наставник. — Потом старые нарты ремонтировал. Однако всё равно сломались — продукты только до Джанго довёз.

Сразу были забыты съеденные мышами норки, сучкастая ель. А когда на «столе» появились сгущёнка, свежий хлеб и плиточный индийский чай, то и все прочие неприятности, случившиеся со мной за время отсутствия Луксы, и вовсе отодвинулись куда-то далеко.

Насладившись чаем вприкуску с хрустящим ломтем хлеба, щедро залитым сгущённым молоком, я плюхнулся на спальник и блаженно вытянулся. Лукса набил трубку махоркой, закурил.

— Чего поймал? — с возможно большей небрежностью в голосе спросил, наконец, он.

Я, не стесняясь в выражениях, излил душу. Особенно досталось ненавистным грызунам. Промысловик сочувственно кивал головой:

— Сколько живу, столько мышей не помню. Совет простой — чаще ловушки проверь.

Перед сном, как обычно, вышел из палатки. Остывший воздух был упруг и жгуч. Чёрная бездна манила жемчужинами звёзд. Изящный ковш Большой Медведицы, опершись дном о скалу, подливал густых чернил в и без того непроглядную тьму. Из трубы, как из пасти дракона, вырывался столб пламени, обстреливающий созвездия недолговечными светлячками искр. Я готов был созерцать эту картину бесконечно, но чувствительные пощипывания мороза побудили вернуться в наше тесное брезентовое жилище. Тепло ласково обняло, согрело; приветливо закивал язычок пламени оплывшей свечи. Даже поленья, словно обрадованные тем, что все в сборе, с новой силой возобновили трескучую перебранку.

ПАМЯТИ ДРУГА

Проснулся от сильного озноба. «Снежная процедура», полученная накануне, не прошла даром. Несмотря на недомогание, я всё же отправился на обход очередного пугика.

На обратном ходе почувствовал, что силы с каждым шагом тают, ноги наливаются свинцом и отказываются идти. Я остановился посреди заснеженного русла реки передохнуть. И нет бы просто постоять, отдышаться, а прельстившись солнечным теплом, уложил лыжи камусом вверх и прилёг на них. Глаза закрылись сами собой. Навалившаяся дрёма понесла в мир блаженства и покоя...

Не знаю, сколько прошло времени, но в какой-то момент сквозь сон, словно удар электрического тока, пронзила мысль: замерзаю! С трудом разомкнул склеенные инеем веки. Ветер, дувший в голову, уже успел наместить в ногах приличный сугроб. По реке тянулись хвосты позёмки. Как ни странно, холода не ощущал. Только мелкая дрожь во всём теле. Но ни руки, ни ноги не слушались. После нескольких попыток я сумел-таки перевалиться на живот и встать на четвереньки. Раскачиваясь взад-вперёд, размял бесчувственные конечности. С трудом поднявшись, стал приседать, размахивать руками. Немного ожив, надел рюкзак и поплёлся дальше. Как добрался до палатки, не помню...

Три дня пролежал в спальном мешке в полузабытьи. Спасибо Луксе: каждый день, перед уходом, заносил в палатку несколько охапок дров и вливал в меня какие-то отвары.

За время болезни я сильно ослаб, зато на всю жизнь усвоил два правила. Первое: заболел — отлежись (организм с зарождающейся хворью быстрее справится). Второе: зимой, как бы ни устал, никогда не ложись отдыхать на снег.

Пока болел, часто вспоминал своего друга — Юру Сотникова. Мои недомогания, по сравнению с теми страданиями, что выпали на его долю, сразу представлялись пустяжными.

Познакомился я с ним в 1968 году во Владивостоке, в один из тех чудесных сентябрьских дней, которыми славится Южное Приморье. Он сразу привлёк моё внимание своей некоторой старомодностью. Коротко стриженные волосы, защитного цвета рубашка с короткими рукавами, заправленная в чёрные брюки с тщательно отутюженными стрелками. На простом русском лице серые, глубоко посаженные, но в то же время как бы распахнутые глаза. Где-то в их глубине всегда таилась лёгкая, непроходя-

щая грусть. Даже когда он смеялся, а посмеяться он любил, она не исчезала. Вздёрнутый кончик носа начисто лишал его лицо мужественности. На самом же деле он был человеком с сильным характером. Больше всего в нём меня восхищала его постоянная готовность к помощи.

Юра, как и я, любил ходить в походы по сложным горно-таёжным маршрутам. Учились мы оба в Дальневосточном политехническом институте, только на разных факультетах. Я на факультете радиоэлектроники, а он — на электротехническом, но жили в одном общежитии. Благодаря этому быстро подружились. За три года вдвоём четырежды пересекли Сихотэ-Алинь с побережья Японского моря до реки Уссури. Совершили несколько небольших, но памятных походов по горам Южного Приморья.

Весной 1972 года судьба разлучила нас (я женился и переехал в г. Горький). Из Юриных писем знал, что он с нашим общим знакомым, русским богатырём и красавцем Сашей Тимашовым планирует совершить сплав пятой категории сложности по якутским рекам Гонам и Учур до Алдана.

А в конце ноября отец Юры, Василий Иванович, сообщил, что ребята с маршрута не вернулись. Поиски, организованные Алданским авиаотрядом и геологами, пришлось прекратить из-за низкой облачности и рано выпавшего снега.

С наступлением весны по инициативе комитета комсомола Дальневосточного политехнического института, при активной помощи Приморского отделения Русского географического общества была организована поисковая группа из шести человек под руководством одного из самых титулованных туристов Дальнего Востока Бориса Останина.

Я и дядя Юры — Илья Иванович, живший в Новосибирске, — присоединились к ним. За неделю добрались до верховьев Гонама и начали сплав. Возле устья ключа Нинган, в шестистах километрах от последнего жилого посёлка, нашли в брошенной избушке геологов записку. Вот её полный текст:

«Тем, кто, возможно, будет разыскивать нас.

Вышли на Гонам 1 августа. В ночь с 23 на 24 августа пятиметровым паводком унесло лодку и снаряжение. Сюда добрались

на лёгком плоту 2 сентября в крайне истощённом состоянии, т.к. голодали. Здесь держались частично (очень мало) на грибах и ягодах. В этом состоянии разобрали склад, чтобы построить плот. Сегодня, 15 сентября, мы отправляемся вниз по Гонаму. Надеемся встретить на Учуре людей. Ноги опухли, передвигаемся с трудом.

15.09.72 г.

Сотников. Тимашов.

Р.С. Существенно обижены на геологов, улетевших отсюда в этом году с нарушением закона тайги. Немного муки и крупы очень облегчили бы наши страдания».

Позже на метеостанции Чюльбю (от ключа Нинган до неё 240 км) метеоролог Шатковский подтвердил, что в двадцатых числах августа 1972 года шли проливные дожди, и уровень воды в реке Учур у Чюльбю за сутки поднялся на восемь метров! Это соответствует подъёму воды в среднем течении Гонама на пять-шесть метров. Такой быстрый и мощный подъём характерен для районов вечной мерзлоты. Оттаявший за лето верхний слой почвы перенасыщен влагой, и во время дождей вода сразу скачивается в реки. (Мы сами после непродолжительного ненастья в верховьях Гонама были застигнуты двухметровым паводком.)

Ниже Нингана река прорезает высокие гранитные хребты. Каскады надсадно ревущих порогов следуют один за другим. Я до сих пор не могу понять, как обессиленные ребята на неповоротливом плоту из брёвен сумели пройти Солокитский каскад, протяжённость которого 46 километров! В нём даже наши шестиместные надувные плоты временами исчезали между кипящих валов воды.

За плечами Юры с Сашей остались многие сотни километров дикого, безлюдного пространства, но последний, самый мощный порог им пройти не удалось — плот разбило, остатки снаряжения унесло. Что особенно обидно — дальше река успокаивается, и даже неуправляемый плот вынесло бы к людям.

В устье речки Холболоох группой челябинских туристов, шедшей за нами, на высоком берегу была найдена разрытая медведем могила глубиной 30–40 сантиметров и лежащий на земле

крест с нацарапанной надписью: «Сотников Ю. В. 23.09.72 г.». Вокруг кости, обрывки одежды. Челябинцы всё это собрали и, выкопав яму поглубже, перезахоронили. На могиле поставили далеко заметный с реки массивный крест.

А на следующий год корабелы из Николаевска-на-Амуре — родины Юры Сотникова — закрепили на кресте пластину из нержавеющей стали. На ней выгравированы строки Юриного стихотворения:

*Тайга, тайга, мне скоро уезжать.
И тут не нужно слов высоких.
Мне хочется в объятьях крепких сжать,
Как плечи друга, склоны хмурых сопок.
Узнав тайгу, нельзя забыть её.
Она своим простым законам учит.
Здесь у костра не хвастают, не лгут,
Не берегут добро на всякий случай.
Здесь все свои и, верно, в этом суть.
Строга, добра, сурова, необъятна.
И где бы не лежал мой путь, —
Я знаю, что вернусь к тебе обратно.*

Юра Сотников.
Хабаровский край,
г. Николаевск-на-Амуре.
Трагически погиб 23.09.72 г.

Я прикрываю глаза и пытаюсь представить последний день моего друга...

Два измученных человека скрючились у чадающего костра. Сырость, холод до предела измотали их, а ночью выпал глубокий, почти по колено, снег. У Юры уже нет сил даже сидеть. Он прилёг на снежную перину. Больное сердце бьётся с перебойми. Саша же упорно поддерживает огонь — если потухнет, разжечь будет нечем. Слабое пламя хоть как-то согревает, а дым должны заметить с воздуха...

Юре чудится, что к нему по летнему зелёному лугу среди цветов идёт молодая мама. Она уже совсем близко. Юра явственно

ощущает запах её волос. Тёплые ладони ласково касаются плеч, и ему сразу становится легко и покойно. Мама загадочно улыбается.

Только теперь он увидел, что её щёки покрыты нежным золотистым пушком. «Как же я прежде не замечал этого?» Юра протянул руку, чтобы погладить маму по щеке, но родной образ растаял...

Саше приходится прилагать невероятные усилия, чтобы заставить себя подняться и вновь идти за ветками и сучьями. Всё, что могло гореть, вблизи собрано, и поддерживать огонь становится всё труднее...

Послышался гул самолёта. Он нарастал. Глаза загорелись надеждой — их ищут! АН-2 уже прямо над головами, но... проклятые небесам!!! В низких облаках над ними ни единого просвета!..

Опять повалил снег. Юра с трудом разомкнул воспалённые веки. Ввалившиеся глаза утратили прежний блеск и не оживляли измождённого лица. В голове едва шевелились отрывочные мысли: «Снежинки похожи на парашютики... Куда ушла мама, она замёрзнет... Как красива сегодня тайга... Нас обязательно найдут...»

Снег, падая на его лицо, больше не таял...

Юра не представлял себе жизнь без тайги, и судьба распорядилась так, что он навеки остался лежать в земле мудрого Улукиткана — проводника Григория Федосеева, книги которого Юра (так же как и я) любил и перечитывал.

Где настигла смерть Сашу Тимашова, неизвестно. Умер он там же от холода, голода? Или нашёл силы идти дальше? Вряд ли тайга когда-нибудь ответит на эти вопросы.

Юры больше нет, но в моей памяти живут его слова: «Лучшие качества человеку даёт природа. Она делает его добрее, очищает от шелухи и оставляет главное — здоровый стержень».

Через несколько месяцев я получил из Николаевска-на-Амуре посылку — продолговатый фанерный ящик с завёрнутым в ватин винчестером и письмо, из которого узнал, что Юра взял с собой лёгкую малокалиберную винтовку, а пятизарядный винчестер оставил дома. В конце письма была приписка: «Ружьё — наш дар тебе от Юры. Береги. С уважением, Сотниковы».

ДЖАНГО

На четвёртый день хворобы почувствовал себя заметно лучше. Выбравшись на свежий воздух, занялся ремонтом лыжных креплений. Работа эта не требовала особых усилий, но, оказываясь, я так ослаб, что вынужден был то и дело отдыхать.

— Эх, мне бы здоровье Луксы, — вздыхал я. — Ему всё нипочём. Умывается снегом, воду пьёт прямо из полыньи, спит в дырявом, свалывшемся спальнике, но никогда не мёрзнет и не болеет. Чем не снежный человек? Правда, временами жалуется на боли в желудке, но и то как-то мимоходом.

Завершив ремонт, принялся шататься по стану, как неприкажанный. Не отпускало какое-то тревожное предчувствие. Видимо, не давали покоя съеденные мышами норки. Не выдержав, решил проверить хотя бы ближние ловушки.

Первые две не заинтересовали привередливых зверьков. «Квэк-квэк-пии-и, квэк-пии-пииуу», — тревожно кричал дятел над следующей хаткой. Я невольно прибавил шаг и, сгорая от нетерпения, заглянул в неё. Но, увы, норки оставили без внимания даже жирные кетовые плавники.

Над головой повторилось «квэк-квэк-пии, квэк-пии-пииуу». Подняв голову, разглядел дятла, сидящего на берёзе в метрах десяти. Его гнусавый, плаксивый крик никак не вязался с суровым обликом самого крупного представителя семейства дятловых — желны. Гроза вредителей леса имел и соответствующий наряд: весь чёрный с красной шапочкой на голове. Прямо как кардинал Ришелье у Дюма.

Бойко перемещаясь по стволу, он простукивал его крепким клювом подобно врачу то с одной, то с другой стороны, то выше, то ниже. Наконец, что-то нашёл. Вероятно, зимовочную камеру личинки короеда, и приступил к «операции». Во все стороны полетели щепки, следом древесная труха. Временами желна, комично наклоняя голову то влево, то вправо, осматривал конусовидный канал. И вот спящая личинка наколота на острые щетинки шилообразного языка и отправлена в желудок. И так целый день! Как у него сотрясение мозга не случается от такой долбёжки.

На следующее утро отправились с Луксой на Джанго за оставленными там продуктами.

Мороз приятно пощипывал уши. Снег под лучами восходящего солнца сиял девственной чистотой и свежестью. Собаки, весело рыская по сторонам, то забегали вперёд, то отставали. Вдоль берега, выстроившись в несколько рядов, застыли высоченные, в два обхвата, тополя.

— Лукса, из такого ствола, наверное, выйдет не один грузовой бат*?

— Да, тополя подходящие. На Тивяку один учёный-охотовед даже зимовал в дупле похожего. Три сезона зимовал. Дверь повесил, окошко вырубил, потолок сделал. Печку поставил, нары. Потом кто-то сжёг, ёлка-моталка. Чего жгут? Кому мешает?

Перед Разбитой Пират неожиданно остановился. По его напряжённой стойке мы догадались — причуял зверя. Действительно, на острове, окаймлённом ржавым тальником, сквозь морозную дымку угадывался силуэт оленя. Заметив нас, изюбрь бросился наутёк. Пират напористо, с азартным лаем, ринулся следом. Индус же, как ни в чём не бывало, продолжал крутиться вокруг нас.

«Убегает — значит, для хозяина не опасен», — так, должно быть, истолковал он ситуацию.

Изюбр, казалось, не бежал, а летел, откинув голову назад, лишь изредка касаясь копытами снега, и быстро скрылся за излучиной реки. Характер лая Пирата изменился.

— Остановил, — прокомментировал Лукса.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Когда гонит — лает с визгом, остановит — лает как на человека и подвывает.

Торопливо обогнув излучину, сразу увидели оленя. Он стоял у длинной промоины, вытянувшейся вдоль обрывистого берега. Пар, поднимающийся от воды, покрыл растущие на нём деревца пышной бахромой. Пират, отвлекая внимание на себя, волчком вертелся на безопасном расстоянии. В такой ситуации не составляло труда приблизиться к изюбру на верный выстрел, но стре-

* *Бат* — грузовая долблённая лодка, как правило из ствола тополя.

лять мы не могли — зверь запретный, а лицензии на него у нас нет. Отозвав озадаченного пса, двинулись дальше.

Широкий коридор реки открывал поворот за поворотом. Кое-где чернели полыньи. От них, словно от чаш с кипятком, поднимался пар.

За Разбитой на скалистом утёсе высилась, как на постаменте, двадцатиметровая каменная глыба. Её грубые контуры напоминали голову ухмыляющегося великана. Особую прелесть этому творению природы придавали лишайники, покрывавшие её пёстрым ковром. Ярко-красные, почти кровавого цвета участки чередовались с нежно-зелёными. Глядя на эту красоту, понимаешь, насколько природа щедра и разнообразна: её никак не упрекнёшь в недостатке фантазии. С помощью растений, ветровой эрозии, воды и солнца она создаёт неповторимые шедевры.

На подходе к Джанго до нас донёлся глухой рокот. Мне почудилось, что летит вертолёт, но вскоре из-за тороса показался мощный порог, укрытый белой шапкой тумана. В этом месте русло завалено обломками базальтовых плит, и вода с рёвом устремляется в зазоры между ними.

Мороз уже усмирил буйство боковых сливов ледяной бронёй, но на самом стрежне остался незамёрзший участок. Зеленоватые буруны бесновались в ледяном кольце, пытаясь разрушить крепкие оковы. Но брызги, намерзая капля за каплей на краях, постепенно сжимали его. Пройдёт ещё несколько дней, и порог запльвёт льдом и затихнет до весны.

Чуть ниже на льду темнел бугор, слегка припорошённый снегом. Подойдя ближе, поняли — лосиха. Изо льда торчали голова и половина туловища. Вокруг волчьи следы. В боку животного зияла дыра, через которую серые уже вытащили почти всё мясо.

— Волки часто так делают: гонят лося на слабый лёд, а как тот провалится, окружают и ждут, когда вмёрзнет, — пояснил Лукаса. — Не доели. Придут ещё.

Ну вот, наконец, и Джанго. Можно отдохнуть. После болезни я был ещё слаб, и отдых затянулся. Поев мяса и выпив душистого чая с поджаренным на костре хлебом, долго ле-

жал у огня в дремотной тишине. День угасал. Пора было возвращаться, но Лукса терпеливо ждал, когда я наберусь сил на обратную дорогу.

Наконец, взвалив на плечи набитые продуктами рюкзаки, тронулись в путь. Сумерки из-за затянувших небо облаков быстро сгущались. Когда подошли к порогу, было совсем темно. Ревун, при свете дня сказочно красивый, в кромешной тьме показался угрюмым и зловещим.

Дальше шли на ощупь, определяя край колеи плоскостью лыж. Когда выходили на припорошённые снегом наледы, чтобы не сбиться со следа, поджигали смоляк. Обратная дорога меня измотала до предела — к становищу подходил чуть живой. В прореху туч запоздало выглянул ярко-жёлтый с небольшой щербинкой диск луны, напоминающий лицо радостно улыбающегося колобка, сумевшего вырваться на волю. Тайга осветилась мягким светом. Но сердитая хозяйка-ночь спрятала непослушного малыша за конус сопки, а на нас накинула чёрное покрывало.

Пужинав, забрались в мешки, и я впервые, несмотря на крепкий мороз, проспал до утра, ни разу не проснувшись.

БОЛЬШИЕ РАДОСТИ

Ещё одна неделя впустую. В последнее время чувствую себя волком, безрезультатно рыщущим в поисках добычи. Несмотря на неудачи, вновь и вновь невесть откуда черпаю силы и всё с большим ожесточением и упорством ищу тропки и расставляю капканы. Надежду на успех не теряю и духом не падаю. Иного пути у меня и нет: в Уфе из «Башнефти» уволился, а чтобы добраться сюда, закупить снаряжение, необходимое для промысла пушнины, пришлось занять крупную (равную моей полугодовой зарплате) сумму. Дома остались Танюша с нашим первенцом — двухлетним Маратом.

Когда становится совсем невмоготу, напоминаю сам себе весьма поучительную притчу:

«Попали как-то в горшок со сметаной две квакуши. Бока у горшка крутые, высокие — никак не выбраться. Одна лягушка смирилась, всё равно помирать, — перестала барахтаться и утонула. Вторая барахталась, барахталась в надежде выбраться и лапка-ми из сметаны ком масла сбила. Оперлась на него и выпрыгнула из горшка».

Сегодня, когда настораживал капкан, боковым зрением уловил какое-то движение у края промоины. Оглянулся — норка! Пробежав немного, она змеей соскользнула в воду и поплыла. Только голова замелькала.

Обедать вернулся в «дом». Тут же прилетел и сел на лабаз в ожидании хлебных крошек Луксин рябчик. Я обухом топора раздробил на чурке половинку сухаря и высыпал крошки на брезент. Рябчик долго разглядывал угощение, но слетел к нему лишь тогда, когда я забрался в палатку.

Выпив чаю, отправился в сторону Разбитой. На ключе обратил внимание на рябь, пробежавшую по глади узкой, длинной полыньи. Она меня озадачила: ветра-то нет, откуда рябь? В этот момент из воды показалась голова норки. «Надо же, то за неделю ни одной не увидишь, то весь день перед глазами мельтешат», — подивился я.

Держа в зубах рыбку, она ловко забралась на противоположный берег. Я застыл в позе метателя диска. Зверёк оценивающе оглядел новую «корягу» и, сочтя что угрозы нет, встал, как бобрёнок, на задние лапки. Завершив трапезу, норка принялась чистить, вылизывать коричневую шубку.

Я осторожно прицеливаюсь, но стрелять не решаюсь — ветки мешают. Жду, вдруг опять на лёд спустится. Прошло несколько томительных минут. Мышцы дрожат от напряжения, сердце колотится так, словно хочет выпрыгнуть из грудной клетки. Наконец, она закончила прихорашиваться и... побежала в лес.

Разочарованный и в то же время довольный тем, что имел возможность понаблюдать за симпатичным зверьком, пошёл дальше. Почти сразу навстречу выкатывается Лукса. По весёлым

лучикам, разбежавшимся от глаз, было ясно, что он с трофеем. Точно — поймал соболя! Наконец-то, лёд тронулся!!!

— Камиль, не пойму, ты норку ловишь или медведя?

— А что? — оторопел я.

— Смотрел твои капканы на ключе. Зачем такой большой потаск делаешь?

— Как же? Кругом полыньи. С маленьким норка до воды доберётся, и ищи её тогда.

— Неправильно думаешь. Норка с капканом в воду не идёт — на берег идёт. А если потаск тяжёлый, лапу грызёт и уходит. Однако пора мне, путик длинный, а день короткий, — заторопился Лукса и размашисто заскользил дальше.

Подходя к последнему капкану, я опять уловил какое-то мимолётное движение под берегом. Затеплилась надежда: вдруг тоже удача? Но, увы, попалась сойка. У самого обрыва остановился, соображая, где лучше спуститься к ней. Как вдруг перед птицей, словно по волшебству, возник громадный филин. Окончания его маховых перьев необыкновенно мягкие и нежные. Поэтому он летает совершенно бесшумно, словно призрак. Его размеры поразили меня: высота не менее шестидесяти сантиметров, а голова как у трёхлетнего ребёнка.

Увидев над собой пернатого гиганта, сойка в ужасе заверещала, вскинула было крылья, но тот занёс лапу и вонзил в жертву когти. Резкий крик, взметнувшись в небо, тут же оборвался. Я свистнул. Филин поднял голову и уставился на меня, не мигая. Исчез он так же бесшумно и незаметно, как появился. Вот бестия!

Спустившись вниз, вынул ещё тёплую сойку из ловушки и переложил её в пещерку вместо приманки.

Солнце, весь день игравшее со мной в прятки, перед заходом избавилось от назойливых туч. Ветер стих. Высокие перистые облака, бронзовые снизу, предвещали смену погоды.

Гип-гип, ура!!! Я добыл первую в своей жизни пушнину!

Утром, как обычно, пошёл по путику проверять ловушки. Валил густой снег. Ветер мастерски заделывал неровности в торосах. В общем, погодка «весёлая». Даже осторожные косули не ожи-

дали появления охотника в такое ненастье — подпустили почти вплотную. Вскочив с лёжек, умчались прочь гигантскими прыжками, взмывая так высоко, что казалось, ещё немного — и полетят.

Подходя к капкану, установленному у завала, часто посещаемого колонком, увидел, что снежный домик в нескольких местах пробит насквозь, приманка валяется в стороне, а в пещерке горит рыжий факел с хищной мордочкой в чёрной «маске». Колонок!

Я ликовал. Сгоряча протянул руку, чтобы ухватить его за шею, но зверёк, пронзительно заверещав, сделал молниеносный выпад и вцепился в рукавицу. Быстро перебирая острыми зубами, он захватывал её всё дальше и дальше. В нос ударил резкий запах, выделяемый колонками в минуту опасности. Маленькие чёрные глазки сверкали такой лютой ненавистью, что я невольно отдернул руку, оставив рукавицу в зубах у колонка. Умертвив зверька, положил добычу в рюкзак.

Читателя, наверняка, покорабят эти строки, и он вправе подумать: «Убийца!» Однако не стоит рубить сплеча. Мне тоже было жаль колонка, но для штатного охотника добыча пушнины — это работа. Без смерти здесь не обойтись. Всем нравится красиво одеваться, но звери не по своей воле превращаются в меховые шапки и воротники. Единственный способ остановить добычу пушнины — перейти на искусственные меха. К сожалению, пока не все готовы к этому.

Когда я, мерно поскрипывая лыжами, подъехал к палатке, из неё выглянул Лукса. По моему сияющему лицу он сразу догадался, что Пудзя сегодня вознаградил меня за упорство, и радовался моей удаче больше, чем своей. У него же самого сегодня редкостные трофеи: на перекладине висели две непальские куницы — харзы. Их головы были обёрнуты тряпочкой — «чтобы другие звери не узнали, что пропавшие куницы в наших руках». Делает это Лукса каждый раз, на всякий случай, ибо так поступали его отец, дед, прадед.

Харза внешне похожа на обычную куницу, только вдвое крупнее. Она одинаково хорошо чувствует себя как на земле, так и на деревьях. Хвост у неё длинный, поэтому харза, снующая по ветвям, напоминает мартышку.

Окраска своеобразная и довольно привлекательная. По богатству цветов она может соперничать с обитателями тропиков. Бока и живот ярко-жёлтые, горло и грудь оранжевые, голова чёрная, затылок золотистый.

— Как это ты умудрился сразу пару взять? Мне даже их следы ни разу не попадались!

Лукса прищурился, пряча снисходительную улыбку:

— Харза одна не промышляет. Ей всегда напарник нужен. Бывает, собираются три, четыре. Кабаргу шибко любят, а вместе легче добыть. Одна вперёд гонит, другие сбоку к реке прижимают. На лёд выгонят и грызут. Весной по насту харзы даже изюбра загрызть могут.

После ужина сел обдирать свою первую добычу. Ох, и мучное, оказывается, это дело. Пока очищал добела мездру, кожа на кончиках пальцев вздулась и горела огнём. Снятую шкурку надел на деревянную правилку и повесил сушиться.

С утра занялись сооружением шалаша над палаткой. Дело в том, что во время снегопада с потолка каждый раз начинается весенняя капель. Усилили каркас, нарубили лапника и обложили им палатку. От этого внутри стало теплее, но сумрачнее.

Время близилось к обеду. Идти в тайгу уже не было смысла, и мы занялись дровами. Выбрали сухой, без коры кедр. Он был так высок, что при падении перекинулся мостиком с одного берега Буге на другой.

Огромные, как колёса древних повозок, чурки, взвалив на спину, несли к палатке, качаясь из стороны в сторону, подобно маятникам. Пот заливал глаза, одежда липла к спине, ноги от напряжения гудели. Каждому пришлось прогуляться так раз десять. Зато и дровами запаслись надолго.

Последний день осени ознаменовал перелом в охоте. После снегопадов Пудзя сжалился — дал долгожданную «команду», и соболя начали тропить. Как любит приговаривать мой учитель, — Пудзя всё видит, Пудзя не обидит трудолюбивого охотника.

Утром Лукса повёл меня к Разбитой — там появилось много тропок, — чтобы на месте показать, как ставить капканы на подрезку. Шли долго. Я всё время отставал.

— Хорошо иди. Такой большой, а ходишь как енот, — ворчал Лукса. Он был не в духе и в такие дни становился ехидным, а если я возражал, то распалялся ещё пуще.

— Ну-ка, охотничек, скажи, кто тут порылся? — не замедлил он с вопросом, указав посохом на наклонный снежный тоннель.

— А то не знаешь!

— Не крути хвостом, как росомаха. Отвечай, если чему научился.

— Осмелюсь сообщить — белка. Она выкапывала кедровую шишку.

— А по-моему, это работа кедровки, — пытался сбить меня с толку Лукса.

— Никак нет, дорогой учитель. Кедровка разбрасывает снег на обе стороны, мотая головой, а белка снег отбрасывает лапками назад. Так что это раскопка белки. Она чует запах кедрового ореха даже сквозь метровый слой снега.

— Молодец, ёлка-моталка, — повеселел охотник и одобрительно похлопал меня по рукаву, так как до плеча дотянуться ему было сложновато.

Лукса, как и любой настоящий учитель, всегда радовался и гордился моими успехами.

Под Разбитой появились сначала одиночные следы соболя, а потом и тропки. Бывалый следопыт сразу оценивал: «Это двойка, это тройка». А я никак в толк не возьму, как он определяет, сколько раз тут пробежал соболь. Вроде, ничем тропки и не отличаются друг от друга. Да и тропки ли это? Заметив мою растерянность, Лукса объяснил:

— Смотри сюда. Одиночный след — широкий, глубокий, нечёткий, а на тропке мелкий, ясный. Чем чётче след, тем больше раз пробежал соболь.

И сразу стал показывать, как устанавливать капкан на подрезку.

Понаблюдав с полчаса, я полез на сопку закреплять урок на практике. Продираясь сквозь белоразукрашенные пойменные крепи, перевитые тонкими, но прочными лианами аргуты*, ко-

* *Актинидия аргута* — мощная лиана длиной 10–20 м. Масса плодов, внешне напоминающих крыжовник, весом от 5 до 15 г.

ломикты*, вконец умаялся. Взгляд, жадно шаривший в поисках парных следочков, наткнулся только на многочисленные наброды изюбрей и кабанов. Зато на скате длинного отрога меня ожидали прекрасные собольи тропки.

Солнце в своём вечном движении неумолимо клонилось к зубцам тёмно-синих гор. В низине уже было сумрачно, и я успел поставить всего два капкана. Первый — на горбатом увале, в том месте, где соболь поймал и съел сразу двух мышек, второй — в начале крутой ложбины. Выезжая из неё, врезался в гущу аралий и сильно поцарапал лицо об их острые шипы.

Я всегда старался держаться подальше от этих безжалостных, густорастущих деревьев. Высотой они метра три-четыре. Ствол голый, без ветвей и сплошь утыкан длинными, прочными, как сталь, шипами, напоминающими собольи клыки. Если пройти сквозь заросли аралии сотню шагов, то от одежды останутся лишь лохмотья.

Завтра выйду на охоту пораньше. Тропки, тропки искать надо. Охота! Настоящая охота начинается!

Ловля на приманку — скучное занятие. Изо дня в день ходить по проторённым, надоевшим до оскомины путикам. Всё привычно. Ничто не задерживает взгляд. То ли дело подрезка! Чтобы найти хорошую тропку, нужно ходить по нехоженным местам, а это всегда новые впечатления и неожиданные встречи.

Вчера было ясно, морозно. Углы палатки впервые обметало инеем. Сегодня же потеплело. По радио обещают снег, что крайне нежелательно: капканы на подрезку засыпет, а их у меня уже девять штук стоит. Вся работа пойдёт насмарку. Правда, хорские «синоптики» — вороны — каркают на мороз. Надеюсь, что чуткие птицы точнее радио.

Первое время я относился к вороньим прогнозам без особого доверия. Но точность предсказаний этих смышлёных пернатых

* *Актинидия коломикта* — во многом сходна с аргутой, но отличается одновременным созреванием на протяжении августа мелких плодов, массой 3 г. Есть отличия и в листьях. У коломикты они шершавые, а у аргуты — гладкие.

быстро развеяла мой скептицизм. Например, если вороны каркают дружно — быть холоду, устроили в небе хоровод — поднимется ветер.

С утра расставлял новые ловушки на пойме ключа, а после полудня, невзирая на то что уже изрядно устал, всё же полез в сопки. Ничего с собой не могу поделывать. Так и тянет заглянуть за горизонт. Вскоре стали попадаться уже не тропки, а настоящие торные тропы, и принадлежали они не соболю, а владыке лесных дебрей — тигру. Его огромные следы перемежались с кабаньими. На вершине все тигровые тропы сходились и тянулись вдоль гребня. (Судя по округлой форме отпечатка, тут ходил самец. У самок след более продолговатый.)

Пройдя метров двести, на каменистом утёсе под многовершинным кедром обнаружил его лёжку. Похоже, правитель таёжного царства частенько отдыхает здесь, оглядывая свои владения, изрезанные сетью глубоких распадков. Обзор отсюда и в самом деле великолепный.

В награду за смелость (признаюсь, было страшновато) я впервые имел возможность рассмотреть мощный горный узел на востоке, откуда берёт начало самая труднодоступная в этих местах река Чукуен.

Заснеженные вершины, испещрённые шрамами осыпей, возвышались плотной группой. От них веером расходились более низкие отроги. Если в наше время ещё остались места, про которые можно сказать «тут не ступала нога человека», то в здешних краях оно более всего применимо к Чукуену. Его покой охраняет частокोल крутобоких сопок, размыкающих свою цепь лишь в устье реки. Течение Чукуена настолько стремительно, что даже удэгейцы, привыкшие ходить на шестах, и те не могут подняться вверх более чем на десять километров. Для моторок он непроходим из-за многометровых заломов, порогов и затяжных перекатов. Берегом идти и вовсе невозможно: отлогие участки чередуются с отвесными неприступными прижимами.

Даже мороз не может усмирить Чукуен — ледяной покров усеян частыми и обширными промоинами. Удэгейцы объясняют это тем, что река берёт начало от тёплого источника, бьющего из-под горы с кратким названием Ко. А тот лёд, что всё же по-

крывает реку, очень коварен. Сегодня он прочен, как гранит, а завтра расплзается, словно гнилое сукно.

Эх, на вертолёте бы туда! Построить на горном ключе, кишущем рыбой и зверьём, зимовье и наслаждаться красотой нетронутого таёжного уголка.

Так я стоял, любуясь открывавшейся панорамой, минут десять. Из-за островерхих гор крадучись выползали молочные клубы туч и обволакивали одну вершину за другой. И тут на противоположной стороне распадка отрывисто пролаял изюбр. Струхнув от мысли, что тигр где-то неподалёку, я съехал на пойменную террасу.

Тут перед моим взором предстала живописная картина: сплошь утрамбованный снежный круг, раскиданные вокруг гайна ветки.

Чуть выше, под кедром, остатки чушки: челюсти и копыта. Всё остальное было перемолото крепкими, как жернова, зубами тигра и нашло приют в его желудке. После обильной трапезы царственный хищник, похоже, нежился, барахтаясь в снегу, чистил когти — кора дерева в свежих царапинах.

Тигр, скорее всего, напал на спящий табун. Позже Лукса подтвердил, что по ночам, когда усиливающийся мороз не располагает ко сну, тигры охотятся, а днём, выбрав удобное место, дремлют на солнцепёке.

Хозяин дальневосточной тайги или, как его здесь называют, «куты-мафа», по традиционным представлениям удэгейцев, — их великий сородич, священный дух удэ. Относятся они к нему почтительно и убеждены, что человека, убившего тигра, обязательно постигнет несчастье, а того, кто хоть чем-то помог ему, ждёт удача.

День пролетел так быстро, что когда между туч показался оранжевый шар солнца, уже наполовину скрывшийся за сопкой, я глазам не поверил и поспешно заскользил по накатанной лыжне к стану.

* * *

Тяжело, медленно вставал рассвет над промёрзшими мышцами хребтов. Когда на востоке чуть затлела, разгораясь, полоска

неба, я уже шагал в сторону Маристой пади, где были расставлены капканы на приманку.

Как и прежде, во всех пусто, хотя к большинству хаток соболь подходил. «Любопытный, — раздражённо думал я. — Интересуется, видите ли... А нет, чтоб в хатку зайти». Поскольку все следы были трёх-, четырёхдневной давности, я сделал вывод, что это наследил не местный, а проходной соболь. Поэтому, сняв капканы, новые настораживать не стал.

На выходе из пади кто-то, высоко перепрыгнув через лыжню, метнулся в чащу. Кабарга! Такая крошка, а прыгает словно кенгуру.

Лукса принёс двух соболюшек. Одна тёмно-коричневая, другая почти бежевая. Оба зверька добыты на одном участке, а по цвету так резко отличаются. Что интересно, за тёмного он получит вдвое больше, чем за светлого, хотя тех и других ловить одинаково тяжело. Выходит, что охотник за один и тот же труд получает разную плату. Чем больше поймает тёмных соболей, тем больше заработает. Такая ценовая политика способствует осветлению расы. Особенно в тех местах, где соболей промышляют с лайкой: промысловик костями ляжет, а возьмёт «казака» — чёрного соболя, ибо получит за него в три раза больше, чем за светлого.

* * *

Вот это день! Вот это удача! Пудзя с несказанной щедростью одарил меня за упорство и долготерпение. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын. Степень моей радости легко представить, если вспомнить, что за прошедшие сорок пять дней колонок — мой единственный трофей. Зато сегодня... Но всё по порядку.

Утро выдалось на редкость солнечным и тихим. Быстро собравшись, я зашагал проверять свои первые капканы на подрезку. Сгорая от нетерпения, поднялся на увал и приблизился к первому из них. И что же вижу? Посреди вытоптанного круга чернеет потаск, а капкана нет. Сердце ёкнуло: опять невезуха! Расстроенный, стал разбираться. Вижу, одиночный след пересёк лыжню и потерялся среди опрятных ёлочек. Пригляделся. Да вот же он! Свер-

нулся клубочком, положил головку на вытянутые задние лапы, да так и застыл. На фоне белого снега шелковистая шубка казалась почти чёрной и переливалась морозной искоркой седых волос. Округлая большелобая голова с аккуратными, широко посаженными ушами треугольной формы покрыта более короткой светлой шёрсткой. Добродушная мордочка напоминает миниатюрного медвежонка. Хвост чёрный, средней длины. Лапы густо опушены упругими жёсткими волосами, которые значительно увеличивают площадь опоры и облегчают бег по рыхлому снегу. След поразил меня несоразмерностью. Он, пожалуй, даже крупнее следа лисицы.

Некоторое время я благоговейно созерцал предмет своих мечтаний и привыкал к мысли, что поймал первого в своей жизни соболя. Так и не сумев до конца поверить в свою удачу, вынул зверька из капкана, погладил нежный мех и счастливый помчался дальше.

Три следующие ловушки были пусты. Пятая опять заставила поволноваться. Снег вытопан, тут же валяется перегрызенный пополам потаск. Ни ловушки, ни соболя. С трудом нашёл его в соседнем распадке. Зверёк так глубоко втиснулся между обнажённых корней кедра, что я еле вытащил его оттуда. И вовремя — мышинный помёт посыпался прямо из шубки. К счастью, мех попортить грызуны не успели. В седьмом капкане опять соболя. Эту ловушку я привязал прямо к кусту, без потаска. Бегаю вокруг него, зверёк перекрутил цепочку восьмёрками и оказался притянутым к стволу, как Карабас-Барабас бородой к сосне.

Оставались ещё две непроверенные ловушки. Невероятная удача опьянила меня, и я отдался неуёмным мечтам, не замечая уже ни свежих следов, ни новых тропок. Ликование переполняло сердце. Тёплые волны счастья несли, качали, дурманя всё больше и больше. Я окончательно утратил чувство реальности и наверняка был бы разгневан, окажись восьмой капкан пустым. Однако перед моим взором вновь предстала отрадная для промысловика картина: на том месте, где стоял капкан, вытоптана круглая арена, и на её краю, уткнувшись мордочкой в снег, словно споткнувшись, лежал соболя-самец красивого кофейного цвета.

На обратном ходе проверил шесть капканов на приманку. Пусто. Не беда! Рюкзак и без того полон! Если охотовед все четыре

шкурки примет первым сортом, то смогу рассчитаться с половиной долгов. Фантастика!

Всё! Возвращаюсь с Фартового (так я назвал этот путик) и готовлю к приходу Луксы достойный столъ удачного дня ужин.

Сварил мяса. Поджарил на сливочном масле четырёх рябчиков с луком.

Наставник, увидев богато накрытый стол, сразу всё понял.

— С чем поздравить?

Я молча показал четыре пальца.

Лукса от удивления аж присвистнул.

— Вот это да себе! Доставай, Камиль, фляжку! Теперь ты настоящий промысловик!

Когда подняли кружки, наставник с чувством произнёс:

— Пусть удача приходит чаще, ноги носят до старости, глаз не знает промаха!

Попробовав поджаренных мною на кабаньем жиру рябчиков, похвалил: «В жизни не ел ничего вкуснее».

* * *

Какая-то странная погода стоит последние дни. Ночь звёздная, мороз 30-35⁰, а утром небо начинает заволакивать дымкой, и время от времени сыплет пороша. К обеду становится так пасмурно, что кажется, вот-вот повалит снег, но к вечеру всё постепенно рассеивается, и к ночи опять высыпают звёзды.

Раньше при таком морозе я вряд ли снял бы рукавицы. А тут пообвык — капканы-то голыми руками приходится настораживать. Натрёшь руки хвоей пихты, чтобы отбить посторонние запахи, и работаешь. К вечеру пальцы от холода опухают и краснеют. В палатку возвращаешься насквозь промёрзший. Пока печь непослушными руками растопишь — не одну спичку сломаешь. При этом невольно вспоминаешь рассказ Джека Лондона «Костёр».

Но по мере того, как разгораются дрова, палатка оживает, наполняется теплом, и я, только что всё и вся проклинавший, становлюсь благодущней. Сижусь усталый, расслабленный и неторопливо выдёргиваю из спутавшейся бороды и усов ледяные сосульки, намёрзшие за день. А уж когда выпью кружку горячего,

душистого чая, то уже готов доказывать, что лучше этой палатки и этого горного ключа нет места на земле.

И только потом принимаюсь за повседневные дела. Колю дрова, приношу с ключа воду, достаю с лабаза продукты, мою посуду, варю (если пришёл раньше Луксы) ужин, завтрак и обед одновременно. Обдираю тушки. Чуть ли не ежедневно при свете свечи лагаю изодранную одежду, ремонтирую снаряжение, заряжаю патроны, делаю записи в дневнике. После ужина поговорим немного с Луксой и ныряем в свои спальники до утра.

Спать при таких морозах в ватном мешке, конечно, не то, что в тёплом доме на мягкой перине. Но тут главное — правильно настроить себя, принять неизбежность определённых неудобств. Тогда отсутствие комфорта и тепла переносится значительно легче. Я, ещё два месяца назад не представлявший, как люди могут зимой жить в матерчатой палатке, теперь считаю это нормальным, а те трудности таёжного быта, которые рисует воображение в городе, на самом деле не так велики.

Имея жестяную печь, палатку, спальник, свечи и необходимые продукты, в тайге можно жить не один месяц. А нужно так мало потому, что есть главное: древнее мужское занятие — промысловая охота и природа, с которой тут невольно сливаешься и становишься её частью.

Только тут я начал понимать, каким обилием излишеств окружила нас цивилизация. На самом деле по-настоящему необходимых для жизни человека предметов не так уж много. Но, к сожалению, человек слаб. То, что ещё вчера было пределом мечтаний, сегодня норма, а завтра и этого недостаточно. Зачастую погоня за материальным благосостоянием становится целью жизни, а о душе уже и некогда, и нет сил вспомнить.

ШАТУН

Ни свет ни заря начал обход Фартового, подарившего мне сразу четырёх соболей.

Поднимаясь по ключу, заметил под козырьком снежного надува хорошо натоптанную тропку норки. Недолго думая, поставил ловушку.

На том участке, где я снял трёх соболей, свежих следов нет — отработанная зона. Зато на приманку попалась белка. То, что белка иногда идёт на мясо, я знал, но меня удивило, что эта милая симпатяга соблазнилась тушкой своей же соплеменницы.

Пообедать устроился на валежине на краю небольшой мари. По небу плыли редкие облака, ярко светило солнце. Недалеко от меня на суку старой берёзы заметил сову. Расстегнув футляр фотоаппарата, стал тихонечко подкрадываться. Та подпустила метров на двадцать и перелетела через марь на макушку ясеня. Когда я вновь приблизился к ней, она спланировала на тот же сук, с которого я спугнул её до этого. Выходит, общепринятое мнение о дневной слепоте «мудрой» птицы ошибочно. Возможно, днём она видит просто хуже, чем ночью.

Продлив путик на четыре километра и насторожив там шесть капканов, спустился к ключу. На обратном ходе под снежным надувом увидел беснующуюся в утром поставленной ловушке норку. При моём появлении она устрашающе ощерилась, зашипела, впилась злым взглядом прямо в глаза. Её мускулистое тело находилось в беспрестанном движении, отчего густая, тёмно-коричневая шубка отливала серебром.

Когда я попытался прижать её к снегу, норка с такой яростью набросилась на меня, что почудилось — нет в тайге зверя страшнее. Признаюсь, я даже растерялся перед её безумной храбростью и неистовой решимостью драться с несоизмеримо более сильным противником.

По дороге к палатке стрелял по вылетавшим из-под снега стайкам рябцов. Две нерасторопные птицы морозятся теперь на лабазе. Могло быть и больше, если б не очки: как вскинешь ружьё, так стёкла тут же от влажного дыхания покрываются налётом изморози. Порой так и разбил бы их о ближайшее дерево!

За ужином рассказал Луксе о беличьем каннибализме.

— Так бывает, когда зверь ум теряет, — подтвердил он. — Соболю соболя в капкане никогда не трогает. Но, помню, как-то один к изюбру прикормился. Я сразу капкан поставил. Пришёл проверять — в дужках одна лапа. Вроде, ушёл соболю, а по следам вижу, нет, не ушёл — другой съел. Снова капкан по-

ставил. Другой опять съел. Я рассердился — не шутка, ёлка-моталка, два соболя потерял. Наставил много капканов. На другой день прихожу — никого нет. На второй — два рядом лежат. У одного лопатка выедена. И этого дурной начал есть, да не успел, сам попался. Рядом гора мяса, а он своих ест, ёлка-моталка. Со всем дурной!

Громкое карканье известило о наступлении утра. Чёрные дармоеды слетелись на лабаз поживиться. Пират и Индус, обычно разгонявшие их залиvistым лаем, отсиживались от трескучего мороза в пихтовых гнёздах, занесённых снегом. Но как только из трубы потянулась голубая струйка дыма, вороны разлетелись.

Мороз нынче потрудился на славу: обметал ветви толстой искристой бахромой, сверкающей в лучах восходящего солнца. Над полыньями зябко ворочался густой, как вата, туман.

Я весь день бил новый кольцевой путик по крутым бокам сопок, обрамляющим Буге. Так и назвал его — «Крутой».

Дальний конец этого путика достигал зубчатого гребня водораздела «Буге — Джанго». С него хорошо было видно, как во всю ширь горизонта беспокойными волнами дыбятся горы, подпирающие белыми вершинами синий небосвод. Воздух настолько чист и прозрачен, что кажется — протяни руку и достанешь до них.

Мимо плыли облака, лёгкие и зыбкие, как парусники. Следом по земле неотступно, словно шакалы за добычей, крались их серые тени. Ещё дальше синели мощные отроги главного хребта. Они властно притягивали взгляд, заволаживали. Впоследствии, уже в городе, всякий раз, когда эта картина всплывала из глубин памяти, меня накрывала лавина воспоминаний и щемящее желание вновь оказаться там.

Горы — самое потрясающее произведение Природы. Стоит попасть в мир этих бесстрастных великанов, так меня охватывает необыкновенное волнение. Мысли очищаются, взлетают над обыденностью, и кажется, что вся жизнь осталась где-то далеко, что нет никаких проблем и ты словно оказываешься в ином измерении. Что ещё немного — и постигнешь смысл быстротечной

жизни, — всеобщий закон мироздания. Верно подметил Владимир Высоцкий: «Лучше гор могут быть только горы...»

Однако ветер, пронизывая насквозь, поторапливал к спуску. Новый путь порадовал обилием тропок. Настоящее соболиное царство. Пожалуй, сниму большую часть капканов на приманку и переставлю их сюда на подрезку.

Вернувшись к становищу, хотел посоветоваться с Луксой на этот счёт, но не успел. Он ошарашил меня сообщением, что в четырёх километрах от палатки прошёл шатун — зверь-смертник. Косолапый был настолько худ, что, пройдя по лыжне метров сто, провалил снег всего два раза. На следах — пятна крови.

Решили с утра идти за ним по следу с собаками, иначе спокойной охоты не будет. Шатун ничего не боится. Может разорить лабаз, залезть в палатку. Встреча с ним крайне опасна, поскольку терять ему нечего. Так и так финал у него один...

Перед сном Лукса вышел из палатки. Неожиданно раздался его громкий крик: «Хо-хо!» Я прислушался: что происходит?

— Хо-о... — глухо отозвались сопки.

— Лукса, зачем кричал? — обеспокоенно спросил я, когда он вернулся.

— Прогноз радио проверял. Слышал, эхо голос потеряло? Снег будет. Обязательно медведя возьмём.

Сон был тревожный. Преследовали кошмары про исполинских мышей, загонявших разъярённого тигра к нам в палатку. Несколько раз вставал. Топил печь. Под утро, наконец, забылся.

Было ещё темно, когда Лукса тронул за плечо. Жидкий рассвет едва наметился. За ночь действительно выпал хоть и небольшой, но пухлый снежок.

Я натягивал меховые носки, когда совсем рядом, за тонким брезентом палатки, раздался душераздирающий визг. Тут же слышался злобный лай. Необутые, едва успев схватить ружья, мы выскочили наружу. Лукса первый, я за ним. Дальше всё произошло гораздо быстрее, чем об этом можно рассказать.

Не успел я оглядеться, как громыхнул выстрел. Бросившись за палатку, увидел метрах в двадцати бурого медведя, отбива-

ющегося от наседавшего с отчаянной смелостью Пирата. Собака ловко уворачивалась от когтистых лап. У ног медведя лежал окровавленный Индус.

Второй выстрел Луксы грянул одновременно с моим. По глухим шлепкам поняли, что пули достигли цели. Шатун взревел и, сделав несколько шагов к нам, повалился на бок.

Пират подскочил к нему и злобно рванул шкуру на загривке, но, увидев, что зверь не реагирует, успокоился. Вялые уши косолапого говорили о том, что он мёртв, но Лукса на всякий случай выстрелил ещё раз.

— Не сердись, Пудзя, совсем состарился медведь. Пошёл отдыхать в верхнее царство, — произнёс удэгеец.

Тут меня запоздало затрясла мелкая нервная дрожь.

Вернувшись в палатку и одевшись, вышли осматривать добычу. Это был здоровенный, но чрезвычайно костлявый самец, истощённый до такой степени, что кожа висела складками. Тёмно-бурая шерсть местами слиплась от смолы. Голые, неприспособленные к морозу ступни потрескались и кровоточили.

По следам восстановили картину происшедшего. Шатун по лыжне вышел к палатке. Пухлый снег скрадывал звуки его шагов. Прокравшись к ничего не подозревавшим собакам, медведь ударом лапы разрушил пихтовую конуру и, размозжив череп Индуса, бросился с ним в лес. Уйти помешал ринувшийся вдогонку Пират.

— Молодчина! Не спасовал, — ласково потрепал Лукса собаку.

После чего острым ножом «расстегнул» шубу медведя от подбородка до паха, и мы начали свежевать тушу. Но вскоре прекратили — мясо было сплошь заражено беловатыми узкими глистами. Так вот почему медведь не сумел нагулять жира!

— Чего такой куче мяса пропадать, давай используем на приманку, — предложил я.

— Соболь плохо на медведя идёт. Засыпай снегом, — не согласился промысловик.

Он вырезал у миши только желчный пузырь. Удэгейцы используют его при кашле, расстройстве желудка. Пьют желчь све-

жей. Или, высушив в сухом тепле, растирают в порошок и употребляют по щепотке. Я же взял себе на память коготь длиной почти восемь сантиметров.

Быстрое избавление от шатуна несколько омрачалось гибелью Индуса. После всех треволнений на охоту решили не ходить. Похоронив собаку, перекололи остатки кедровых и ясеневых чурок. Получилась огромная гора дров. Иные поленья были испещрены узкими каналами, впадающими в просторные «комнаты», в которых чёрными комками лежали оцепеневшие муравьи. Трудно поверить, что весной в них проснётся жизнь, и шустрые работяги снова заснут по лесу.

Я положил одно полено пачки и весь вечер наблюдал, что произойдёт с муравьями. Увы, несвоевременное и резкое тепло не вывело их из оцепенения.

После ужина обдирали соболей. Дело это для меня пока трудоёмкое и крайне утомительное. Ещё отремонтировал несколько капканов. На одном не было язычка. Отковал его из раскалённого гвоздя на обухе топора.

Пока занимались всем этим, свечка успела догореть. Я заметил, что в морозную погоду она горит медленнее и одной хватает на три дня. И это понятно: парафин на морозе плавится только в лунке у фитилька, и «сосулек» из расплавленного, не успевшего сгореть парафина не образуется. Поэтому свечку лучше устанавливать подальше от пачки, на небольшой высоте, но и не слишком низко, чтобы не ухудшать освещённость.

За ужином Лукса принялся хвалиться, что в молодости с Митченой за сезон по семь-восемь медведей с собаками брали. Некоторые достигали веса десяти косуль. Нетрудно подсчитать, что это порядка трёхсот килограмм. Особенно много косолапых тогда водилось в верховьях Хора и Чуёв. (Могу подтвердить, мы с Юрой в 1971 году во время перехода Самарга-Чуи прямо на водораздельном хребте видели медвежьи тропы с глубокими, выбитыми до самых каменных плит, вмятинами.)

— Ну так расскажи про какой-нибудь интересный случай.

— Историй всяких много...

Тут удэгеец замолчал и, искоса поглядывая в мою сторону, принялся подкладывать в пачку кедровые поленья. Он ждал, когда

я полезу в карман куртки за карандашом и блокнотом. Увидев, что я готов записывать, удовлетворённо хмыкнул и, глядя в огненный зев печурки, начал говорить:

— Гнал как-то соболя. Долго он меня мотал. Наконец, выдохся — под корни старого тополя залез. Я палкой туда. Пока тыкал, соболю с другой стороны вылез и по косогору уходит. Ругнул себя и за ним. Тут сзади кто-то как рявкнет и по ногам трах! Я бухнулся лицом в снег. Слышу, вокруг топчется, пыхтит, обнюхивает. Лежу, не шевелюсь — сообразил, что медведь. Толстозадый походил-походил и назад, под тополь. Берлога у него там была, а я его разбудил, ёлка-моталка.

При этом Лукса так потешно изобразил, как он дырявил Топтыгина, что я, сотрясаясь в беззвучном смехе, едва вымолвил:

— Ох и сочинитель ты!

— Правду говорю. Всё так было, — обиделся охотник и, накупившись, принялся точить и без того острый нож.

— Не обижайся, Лукса. Уж больно история неправдоподобная.

— Ещё хлеще бывает. Сам иногда удивляюсь: думаешь одно, выходит другое. Зверь-то разный. Не всегда угадаешь, что у него в голове. Ты Джанси знаешь?

— Это тот, у которого указательный палец на правой руке не сгибается? Торчит, как дуло пистолета.

— Он, он! Его у нас Пистолетом и зовут. С ним ещё удивительней случай был. Нашли они с Удзали берлогу бурого за Коломинкой. Джанси длинным шестом медведя будит. Тот выскочил — и на него. Удзали стрельнул, но промахнулся и удрал со страху. Я всегда говорил: Удзали — ненадёжный человек! Джанси карабин схватил и успел нажать крючок. Раненый медведь прямо на него повалился. Джанси память потерял. Очнулся — медведь рядом лежит, стонет. Карабин в сугробе. Джанси потянулся за ним. Зверь заметил и лапой по башке огрел. Тот снова память потерял. Пришёл в себя и опять за карабином, а медведь не даёт — по башке всё бьёт. Но уже не так сильно — слабеет. Дотянулся Джанси до карабина и добил медведя. Вот так бывает, а ты говоришь, привираю. Однако шибко повезло Пистолету. С бурым шутки плохи. Лучше с гималайским дело иметь. Он

спокойнее, и мясо вкуснее. Шатуном никогда не бывает. Всегда жир нагуляет. А бурый шибко злющий, когда разбудишь. Даже тигр ему не командир.

К сожалению, детям в сказках даётся неправильное представление о многих животных: медведь — увалень неуклюжий, заяц — трус, а волк — кровожадный разбойник. На самом деле медведь ловок и силён необыкновенно, чему мы сегодня были свидетелями, а волк человека больше любого другого зверя боится. Даже лыжню другой раз обходит. Репутацию лютого и кровожадного зверя, крайне опасного для человека, получил, даже в части специальной литературы, тигр. Но если обратиться к фактам, то, оказывается, за последние полвека не было ни одного случая нападения амурского тигра на человека. Что же касается кровожадности, то Лукас утверждает, что куты-мафа, когда сыт, не трогает зверей, даже если они проходят на расстоянии прыжка.

Позади половина сезона. Подошёл к этому рубежу с весьма скромными результатами, но успехи последних дней обнадёживают. Вчера на Фартовом снял ещё одного соболя. Настоящий «казак»: чёрный, седина серебром отливает. Он так глубоко забился в узкую щель под валежиной, что пришлось тесаком расширять её. А сегодня утром перед выходом на путик загадал: «Если сниму ещё одного, то и сезон завершу удачно». А снял трёх!!! Правда, третьего мыши успели подпортить — на спине мех выстригли.

Мог бы записать на свой счёт и четвёртого, да подвёл вертлюг. Цепочка соскочила, и соболю ушёл вместе с капканом. Битый час пытался найти, но безуспешно. Жаль зверька — погибнет. Ведь капкан для него, всё равно что пудовые кандалы для человека.

Видел следы кабана. Вдоль них комочки снега, пропитанные кровью. Сейчас у них гон. В это время секачи агрессивны и безжалостны друг к другу. Видимо, этот и пострадал в одном из турнирных боёв.

* * *

Резко похолодало. Выйдя утром из палатки, чуть не задохнулся от мороза. Придавив толстым поленом вход, пошёл осматри-

вать путик. Мимо, с быстротой молнии, пронёсся какой-то зверь. От неожиданности я вздрогнул, а разглядев, улыбнулся: из-за кедра, жизнерадостно виляя хвостом, победоносно взирал Пират. Отвязался-таки! Что же делать? Собака на капканном промысле только вредит — следы и тропки затаптывает.

Попытался подозвать — не идёт. Знает шельмец, что опять привяжу. Пришлось возвращаться и топить печь. Минут через пятнадцать Пират поверил, что я никуда не собираюсь, и подошёл к палатке. Подманил его куском мяса и, крепко привязав, побежал навёрстывать упущенное время. Жалобный вой собаки ещё долго оглашал тайгу, действуя мне на нервы и распугивая зверей в округе.

В этот день ходил по Крутому, но Пудзя не пожелал делиться своими пушными богатствами. Зато подарил свежие тропки, а это надежда на успех в будущем. Выставил восемь капканов. Пока настораживаешь и маскируешь ловушку, коченеешь — мороз остужает кровь, подбирается к сердцу. Невольно думаешь: «Пропади всё пропадом. Не вернуться ли лучше в палатку, к тёплой печурке?» Но встанешь на лыжи, пробежишься, разогреешься и при виде заманчивой сбежки опять принимаешься за работу.

Взобрался на гребень кряжа, заросший кедром. Иные старцы такие громадные, что втроем ствол не объять. Неожиданно справа кто-то закопошился. Я затаился: прямо из снега вылетали прелые листья, золотистые чешуйки, а вот и сама копуша-белка с кедровой шишкой в лапках показалась. Подбежала к дереву, но, видимо, учуяла меня и замерла возле комля, распушив хвост. Я прицелился чуть выше головы. Выстрел оказался удачным. Положил добычу в рюкзак и пошёл дальше. Тотчас на другом кедре зацокала подруга. Вскоре и та легла рядом с первой.

Мне, можно сказать, подфартило — в этих местах белка малочисленна. Даже с хорошей собакой больше трёх-четырёх за день не добудешь.

Ближе к вечеру из небольшой ложбины донёсся истошный крик, похожий на верещание колонка. Во весь дух помчался туда, но ничего не обнаружил. Только филин бесшумно скользнул

над головой. Будь потемней, я его и не заметил бы. Привидение, а не птица!

До стана было ещё не меньше километра, а в морозном воздухе чувствовался запах дыма. Я не в первый раз замечаю, что стал чутать его на значительных расстояниях. Вначале был склонен думать, что это самообман, подобный слуховым или зрительным галлюцинациям, но каждый раз, приходя в палатку, обнаруживал, что Лукса действительно топит печь. Видимо, при длительном пребывании в тайге, на чистом воздухе обоняние обостряется.

После ужина, как всегда, сели обдирать добычу. Я — соболей, белок, Лукса — пойманных сегодня норок. Одна из них уже побывала в капкане, но, пожертвовав лапкой, ушла. Насколько сильной должна быть тяга к жизни и свободе, чтобы решиться на такую болезненную экзекуцию. С того дня прошло не более двух недель, култышка едва заросла, но зверёк уже успел потерять осторожность и повторно угодил в ловушку.

ОДО АКИ

Декабрь трудится изо всех сил. Третью неделю стоит небывалая стужа. Воздух лежит неподвижным тяжёлым пластом. Слабые лучи зимнего солнца не в силах согреть оцепеневшую тайгу. Но, несмотря ни на что, к полудню всё-таки просыпаются, оживают её обитатели. Они хорошо приспособлены к жизни в студёную пору. Вон, даже крохотные синички, хлопотливо попискивая, потрошат старое дерево за лабазом.

Особенно холодно сегодня. В лесу гремит настоящая канонада: это лопаются от мороза стволы деревьев.

Весь день ходил по целине. Бил ещё один путик к истокам Буге — надеялся найти более богатые уголья. Соболя там действительно есть, но всё же в среднем течении их куда больше.

Чем выше по Буге, тем чаще наледи. Наледь — явление, характерное для горных ключей. Зимой, во время сильных морозов, большинство из них промерзает до дна, и грунтовая вода дымящимися родничками просачивается на поверхность льда. Растекаясь, она намерзает слой за слоем. Так со временем образуются

обширные ледяные поля, заливающие порой долину на высоту до полутора метров. По краям образуются красивые ступенчатые ледопады. Иные наледи, не успевая растаять весной, белеют среди зелени чуть ли не до июля.

В верховьях долина поднимается заметно круче. Сопки едва расступаются, пропуская ключ, сбегаящий по каменным ступенькам оледенелыми водопадиками.

Обходя сошедшие со склонов снежные лавины, вынужден был петлять в теснине от одной скальной «щеки» к другой.

Вокруг ни одного кедра. Только сумрачные ели и пихты. Тайга здесь имеет девственный облик, но животный мир крайне беден. Снежный покров не оживляли ни наброды изюбрей, ни кабанов, ни косуль. Одна лишь кабарга полновластная хозяйка. Даже ветер тут редкий гость. Снег как лёг с осени на деревья, так и лежит — толстый, слоистый, словно кабанье сало. Этот путь я наре́к «Глухим».

Если верить термометру, сегодня утром было минус тридцать девять. Недаром про здешние места говорят: «широта крымская, долгота колымская». В морозные дни больше всего ногам достаётся. Когда ставишь капкан, они застывают до бесчувственности, и потом идёшь, будто на деревяшках, пока кровь вновь не оживит их.

Иду себе, иду и вдруг сверху вниз скользнула чья-то тень. В общем-то, явление привычное: комки снега часто срываются с ветвей даже в безветренную погоду, но меня озадачила странная траектория — тень двигалась наискосок. Обернувшись, увидел планирующую летягу.

Зимой этого необычного зверька я лицезрел впервые, а вот помёт у комлей деревьев попадался часто. Это и понятно: летяга ведёт ночной образ жизни. Во время летних походов мы с Юрой вечерами, сидя у костра, раза три наблюдали, как летяга, прижавшись к стволу дерева, замирает и подолгу неотрывно смотрит на пламя. Внешностью и повадками она похожа на белку, но отличается тем, что по бокам тела между передними и задними лапками имеются складки кожи, покрытые шерсткой. На округлой головке этого тёмно-серого с серебристой остью зверька выделяются крупные, выпуклые глаза.

Летяга не прыгает по деревьям, как её родственница, а забравшись по стволу на вершину, бросается вниз. При этом кожаные складки расправляются наподобие крыльев. В полёте летяга может совершать крутые виражи, а снижаясь по прямой, пролетать до ста метров.

Из литературы мне было известно, что и соболь тоже ведёт ночной образ жизни. Но как тогда объяснить сегодняшнее? Утром в нижнем течении ключа свежих следов не было, а к вечеру, когда я возвращался, появились зигзагообразные строчки мышковавшего соболя. В том, что он ходил после меня, не было сомнений — отпечатки были даже на лыжне. По всей видимости, звери более пластичны. Их активность зависит от погоды, наличия пищи и, возможно, ещё каких-то причин. Лукса считает, что светлые соболя охотятся днём, а тёмные — ночью. В этом суждении тоже есть резон. Солнечные лучи действительно освещают мех.

К утру выпала «печатная» пороша. Одна из тех, когда оттически следов, так чётки, что кажется, приглядишься и увидишь тень прошедшего животного.

Моя меховая копилка пополнилась половинкой самца шоколадного цвета — вторая, как нетрудно догадаться, досталась мышам. Одна беда от этих пакостниц. Но куда деваться, приходится терпеть, без них тайга сильно оскудеет. Ведь они — основная пища большинства её обитателей.

Впереди меня ожидал приятный и волнующий сюрприз. Было сравнительно тепло, и снег почти не скрипел. Моё внимание привлек тёмный бугор, резко выделявшийся на белом фоне. Кабан?.. Вертявый хвостик развеял сомнения. Точно — кабан! Поодаль, посреди низкой террасы, разглядел ещё несколько тёмных спин. Табун пасся на хвое.

Горка зашевелилась, показалась длиннорылая морда с высоко торчащими ушами. Втянув воздух, кабан замер. Я затаил дыхание. Через несколько секунд голова исчезла, и до моего слуха донеслось чавканье.

Тихонько снял ружьё, тщательно прицелился и, когда кабан вновь поднял голову, выстрелил. Табун переполошился и в неопикуемой панике, оглашая тайгу пронзительным визгом, рассыпался в разные стороны. А раненый зверь, волчком завертевшись

на месте, поднял такой столб снежной пыли, что на некоторое время исчез из виду.

Жизнь не хотела покидать сильное тело. Клацая клыками, секач попытался приподняться, но после второго выстрела затих.

Поняв, что кабан убит, я от радости очумел: дико завопил и запрыгал, как дикарь. Немного успокоившись, осмотрел добычу. Это был довольно крупный, матёрый вепрь. Грозно поблёскивали две пары желтоватых клыков. Нижние трёхгранники, изогнутые как турецкие сабли, торчали из челюсти на все двадцать сантиметров. Более короткие, верхние, загибались настолько круто, что, соприкасаясь с нижними, заточились до остроты ножа. Большое клинообразное тело покрывала жёсткая чёрно-бурая щетина, особенно длинная на загривке.

Пока кабан не остыл, приступил к свеживанию. Поскольку к началу гона у самцов под кожей на загривке образуется хрящ или, как говорят охотники, «броня», дело это оказалось непростым. Отмучившись, с трудом засунул в рюкзак голову секача и увесистый шмат ляжки. Всё остальное засыпал снегом. Охотничья удача сняла усталость. Шлось легко.

Лукса, узнав, что я принёс свеженины, закричал от удовольствия. По-быстрому нарезали, нажарили мясо и, поставив остальное вариться в кастрюле, сели пировать. Сквозь поджаристую корочку, подогревая и без того волчий аппетит, соблазнительно сочились янтарные капли жира. Сковорода быстро пустела. Последний кусок Лукса бросил собаке:

— Держи, Пиратка. Может, твоего обидчика едим.

И, обращаясь ко мне, пояснил: — Прошлый год один секач ему брюхо распорол. Думал, пропал пёс, ёлка-моталка. Хотел пристрелить. Ружьё поднял, а он смотрит так преданно... Верит, что не обижу. В котомке в зимовье принёс. Снял с лабаза полосу сухожилий. Наделал ниток. Пасть стянул верёвкой, чтоб не кусался, выстриг шерсть и заштопал брюхо. Ничего, заросло!

— Лукса, я вот не пойму, сухожилия толстые, как из них тонкие нитки получаются?

— Что непонятного? Высохшие жилы видел? Если их память, они на тонкие стрелки делятся. Бери их и скручивай нитку. Самые крепкие нитки с ног получаются. С хребта слабже.

Было уже около десяти вечера, когда мы услышали приближающееся ритмичное поскрипывание лыж. Возле палатки они замерли.

— Кто там? — спросил я.

— Своя, своя люди, — негромко ответил голос. Было слышно, как подошедший отряхивается от снега.

— Нибида эмэкте*? — повторил на удэгейском вопрос Лукса.

Вместо ответа полог палатки распахнулся, и в чёрном проёме показался человек. Я сразу узнал его, хотя шапка-накидка, редкие усы и борода были густо покрыты инеем, белизна которого резко контрастировала со смуглой кожей и карими глазами. Это был одо Аки — дедушка Аки. Его губы, склеенные морозом, разошлись в приветливой улыбке.

— Багдыфи**! Би*** мал-мало гуляй. Отдыхай ноги надо, — на смешанном языке тихо проговорил он.

— Багдыфи, багдыфи! — ответил Лукса.

Я, освобождая место гостю, пересел к выходу и подбросил дров в печурку. Аки пробрался на освободившееся место и, украдкой поглядывая на меня, стал выдёргивать из бородёнки ледышки.

— Ноги туда-сюда мало ходи, — посетовал он.

Я про себя подумал: «Вот это «мало ходи» — в семьдесят восемь лет прошёл двадцать пять километров от своей зимушки до нас по труднопроходимым торосам Хора!»

Переведя дух, Аки разделся. Улы и верхнюю одежду закинул на перекладину сушиться. Лукса налил ему наваристого бульона, достал из кастрюли мяса и подал кружку с разведённым спиртом. Узенькие глазки деда сразу оживились:

— Айя! Асаса!**** Однако не зря ходи к вам.

Приняв «разговорные капли», он повеселел. Простодушный, доверчивый, никогда не унывающий старик с по-детски ясной и чистой, как ключевая вода, душой был одним из тех аборигенов

* *Нибида эмэкте?* — Кто пришёл? (*удэг.*)

** *Багдыфи* — Здравствуйте (*удэг.*).

*** *Би* — Я (*удэг.*).

**** *Айя! Асаса!* — Хорошо! Спасибо! (*удэг.*)

Уссурийского края, которых описывали ещё первооткрыватели этих мест. В его суждениях, как в зеркале, отражалась история и мировоззрение маленького лесного народа. (Лукса был почти на тридцать лет моложе, и его поколение уже во многом утратило национальную самобытность.)

Познакомился я с одо Аки в Гвасюгах ещё до начала охотничьего сезона, когда пополнял свою этнографическую коллекцию. К тому времени у меня уже были интересные приобретения: копия разных размеров, деревянный лук, стрелы с коваными наконечниками, женские стеклянные и медные украшения; охотничья шапка-накидка и ножны, расшитые разноцветными узорами. Прежде удэгейцы на своей одежде вышивали орнаменты с тонким изящным рисунком. Глядя на них, не перестаёшь восхищаться мастерством и художественным вкусом вышивальщиц. Колоритнейшие вещи! К сожалению, в Гвасюгах осталось всего несколько старушек, владеющих этим искусством, но и те из-за слабого зрения вышиванием почти не занимались. Находок было немало, но я лелеял надежду обогатить коллекцию настоящим шаманским бубном. Такой бубен в стойбище был только у Аки, который и сам втихоря камланил*, и все его предки были шаманами.

Идти одному к самому уважаемому в стойбище человеку было неловко, и я уговорил Луксу пойти вместе со мной. Постучались. Дверь открыла дочь. Одо Аки сидел на низкой скамейке и укладывал сухую мягкую траву хайкту в улы. Маленький, с невесомым телом старичок смотрел прямо и открыто, но на мою просьбу ответил категорическим отказом. Насупился и даже убрал с полки сэвохи — деревянные изображения удэгейских духов. И только после долгих переговоров с Луксой согласился лишь показать бубен.

Достав берестяной чехол из-за шкафа, Аки осторожно вынул из него родовую реликвию. Любовно погладил тугую с заплатами шкуру и несколько раз с расстановкой ударил по ней подушечками пальцев, вслушиваясь в вибрирующие звуки. Мы притихли.

* *Камлание* — исполнять ритуал, сопровождающийся пением и ударами в бубен, во время которого шаман, приходящий в состояние экстаза, общается с духами.

Держа бубен на весу, с помощью двух скрещивающихся ремешков, сплетённых из сухожилий, старик погрел его над плитой. Взял в руку гёу — кривую колотушку, обтянутую полоской шкуры с хвоста выдры, и, прикрыв глаза, начал священнодействовать — камлать. От низких, мощных звуков меня охватило смятение и странная готовность повиноваться. Идти туда, куда зовёт этот потусторонний гул. Казалось, это зов предков, ушедших в иные миры.

Поблагодарив старика, мы попрощались. На улице Лукса рассказал, что в Гвасюгах не раз бывали всевозможные экспедиции, но этот бубен Аки никому так и не отдал.

Забегая вперёд, скажу, что весной в дом Луксы, у которого я жил после выхода из тайги, пришла дочь одо Аки и сказала:

— Отец зовёт.

Когда я вошёл, он сидел на той же скамейке с бубном в руках:

— Камиль, я старый, сына нет. Бубну нужен молодой хозяин, которого любит Пудзя. Я знаю, и Лукса говорил — Пудзя тебя любит. Возьми.

Так последний бубен последнего удэгейского потомственного шамана оказался у меня. Через две недели одо Аки перекочевал к «верхний люди»: вышел колоть дрова, взмахнул топором и упал — сердце остановилось. Быть может, и бубен отдал, предчувствуя скорую «перекочёвку».

Теперь он висит у меня в комнате. Иногда я снимаю реликвию и, слушая глухие призывные звуки, вспоминаю Буге, Луксу, одо Аки. Но всё это произойдёт позже, а сейчас мы сидим в тесной палатке вокруг печурки.

Я заварил свежий чай и разлил в кружки. Подал сахар. Аки от него наотрез отказался:

— Чай вкус теряй, — заявил он.

Пили долго, не торопясь. Я расспрашивал гостя о его жизни. Великолепная память старика хранила много любопытного.

Он в мельчайших подробностях описывал события полувековой давности, помнил названия речушек и перевалов, по которым ходил ещё в начале века.

Когда разговор коснулся тигров, пожаловался:

— Куты-мафа моя собака война объявил. Прошлый охота два ел. Теперь последний чуть не давил. Моя увидел — ушёл. Страх любит собака. Собака ест — пьяный ходи.

— Аки, тигр собак давит, домашний скот давит, а людей не трогает. Почему?

— Моя так думай: люди закон прими, не убивай куты-мафа. Куты-мафа умный — тоже свой закон прими: люди не убивай.

От такой наивности я улыбнулся. Аки пристально посмотрел на меня.

— Пошто не веришь? Твоя не знай, как куты-мафа раньше люди убивай. Много убивай. Теперь не трогай. Почему? Ты своя башка думай!.. Куты-мафа шибко умный, всё понимай...

Действительно, почему амурский тигр изменил свои повадки? Ведь в 19 веке он нередко был «волен» по отношению к человеку и, хотя старался избегать людей, не считал их неприкосновенными. Иные хищники буквально терроризировали обширные районы, поражая дерзостью и хитростью. Спасаясь от них, переселенцы с Украины и центральных районов России бросали свои хозяйства, уезжали подальше от владений людоеда. Наглость некоторых зверей доходила до того, что они врывались ночью в избы и нападали на спящих.

В результате активной охоты на тигров их осталось на всей огромной территории Дальнего Востока не более трёх десятков. Тогда, в конце сороковых годов двадцатого века, и был принят закон о полном запрете охоты на владыку Уссурийской тайги. С тех пор могучий хищник как будто переродился. Исчезли людоеды, реже стал страдать и домашний скот.

В чём причина изменения отношения тигра к человеку? Можно предположить, что те немногие, оставшиеся в живых, потому и уцелели, что именно они из сотен своих сородичей чётко усвоили: человек опасен, и если хочешь жить, избегай встреч с ним. Эта черта поведения постепенно закреплялась и на генетическом уровне передавалась потомству, став теперь отличительной особенностью всего амурского подвида. Так что рассуждения старого удэгейца не так уж и наивны*.

* Сейчас (эта книга переиздаётся в 2019 году) численность амурских тигров на Дальнем Востоке достигла 500 особей, что, в связи с вырубкой лесов и сокращением кормовой базы, может вынудить тигра к изменению этого уважительного стиля поведения.

После чая старик вкрадчиво спросил:

— Ай бё*?

Это выражение мне было знакомо и перевода не требовало.

— Анчи, анчи. Элэ!** — твёрдо ответил я, зная, что если не остановить, то старики будут бражничать до утра, а днём стонать от головной боли.

Покурив, охотники опять принялись за мясо. Аки ел, облизываясь, сочно причмокивая и облизывая пальцы. Ест, а сам бурчит:

— Не мог чушка убивай. Секач деревом пахни.

Мне не хотелось спорить. Я радовался замечательному трофею, тем более что клыки у него были как бивни!

Но удэгейцев терзали совсем иные чувства. Лукса, изучивший мой характер, начал издалека.

— Слышал, на севере якуты огненный гриб жуют. Они его с собой носят в кожаном мешочке.

— Какой такой гриб? — изумился Аки.

— Мухомор сушённый. Не всякий. Серый, кажется, годится. Захотел веселиться — пожевал. Говорят, лучше водки — голова утром не болит.

— О, шибко хорош гриб!

— Вот ты, Аки, — продолжал Лукса, — кабана ругаешь, а зря. Хороший кабан. Таких больших клыков я ещё не видел. Ты, Аки, наверно, тоже не видел?

— Чего так говори? — запальчиво возразил старик.

Но Лукса перебил его:

— Очень большой кабан. Давай, Камиль, выпьем за самого большого хорского кабана, — и с чувством поднял пустую кружку. Аки, так и не поняв хитрость сотоварища, насупился:

— Чего большой? Много больше гляди.

— Ох и хитрый шеф у меня, — засмеялся я.

— Хитрецы в стойбище спят, а дураки в лесу сидят, — парировал довольный Лукса.

Аки, поняв, наконец, ситуацию, преобразился: нетерпеливо заёрзал и стал искать глазами свою кружку:

* Ай бё? — Водка есть? (удэг.)

** Анчи, анчи. Элэ! — Нет, нет. Хватит! (удэг.)

— Твоя молодец, Камиль! Асаса! — примиряюще сказал он, выпив свою долю. — Беда, как хорошо. Дай, однако, табачку, моя кончался.

Воспользовавшись переменой настроения промысловика, я, протянув старику коробку «Золотого руна», спросил:

— Одо, вот вы все летом ходите, ищите женьшень. А чем он так ценен?

Повеселевший старик не замедлил с ответом:

— О-о-о!! Женьшень — корень учёный. Долго живи — много знай. Своя сила хороший люди дари. Плохой люди не дари.

Раскуривая трубку, Аки ненадолго примолк.

— Одна ночь, — продолжал он, — цветок гори яркий огонь. Эта ночь корень копай — любой болезнь лечи. Кто умер — живой делай. Однако эта ночь корень трудно копай. Дракон корень храни. Только смелый и сильный дракон победи.

— А вы верите в загробный мир?

— Чего такой? — заморгал старик.

Лукса, жестикулируя больше обычного, стал объяснять ему по-удэгейски. Вскоре тот понимающе закивал:

— Я так знай: умри — на небо ходи. Там все живи. Река, тайга, звери, верхний люди. Только обратно живи. Старика молодой делай. Моя тоже скоро туда ходи. Котомка готовил.

— А как вы попадёте туда?

— Я вход знай, где верхняя лыжня идёт.

— Какая лыжня? — не понял я.

— На небе лыжню замечал? Это лыжня к верхним людям. Там, где она в горы упирается, есть вход, — объяснил Лукса.

— А я читал, что у вас умерших на деревья кладут.

— Зачем деревья? Земля ложи. Бедный ложи берестяную кору, богатый ложи оморочку. Деревья только детка ложи. Земля детка ложи — мамка больше детка нет. Мамка роди, маленький юрта ходи, — продолжал разговарившийся Аки. — Одна промышленяй. Шибко трудно роди. Моя старший мамка умри, детка умри.

— Так у вас, что, две жены было?

Аки внимательно посмотрел на меня.

— Мужика всегда два мамка бери. Самый худой мужика одна бери... Зачем так говори? Одна!

Поняв, что обидел старика, я сменил тему разговора.

— Аки, а вы к какому роду принадлежите?

— Киманко. Лукса — Кялундзюга. На Хоре два рода. Больше нет. Раньше люди много живи. После худой болезнь умри. Кто один тайга живи — живой ходи.

— И зверя, наверно, прежде больше было?

— О! Беда как много было, — возбуждённо закивал старый охотник. — Кабан, олень, куты-мафа, медведь много было. Только соболь мало. Ружьё не купи — дорогой, собака! Сангми* делай. На большой зверь — большой сангми — «пау» делай. Зверя много, ружья нет — кушай мало.

— А сколько вы в те времена соболей добывали?

— Говорю — мало соболь. Два-три лови. Больше не лови. Сობоль перевал живи. Шибко трудный охота. Один год пять лови. Второй мамка бери. Думал — ещё котёл, топор купи. Хуза всё брал. Что делай без ружья?!

Проговорив так допоздна, легли спать. А я ещё долго не мог заснуть, переживая заново события памятного дня.

* *Сангми* — самострел (*удэг.*).

ЧАСТЬ II

...Узнав тайгу, нельзя забыть её.

Юра Сотников

ХУДАЯ ВЕСТЬ

Старики ушли в стойбище встречать Новый год*. Пират увязался за ними — проведать гвасюгинских дружков. Мне же не до праздников. План горит. Но соболя почему-то перестали тропить. За два дня нашёл всего четыре новые тропки.

Предновогодний день посвятил Крутому. Там, на хороших сбжежках, стояли две ловушки. По ним соболя прошли, но в одной пружина от мороза лопнула, а другая, хотя соболю и наступил на тарелочку, не сработала. Тут я сам сплеховал: положил под капкан влажные палочки. На морозе дужки к ним примёрзли и не сомкнулись.

Вечером превратил палатку в баню: загрузил в топку смолистых поленьев, поставил на печурку полную кастрюлю воды. Когда она нагрелась, помылся прямо у выхода. После такой, казалось бы, игрушечной помывки почувствовал себя заново рождённым. Кто бы мог подумать, что несколько литров горячей воды могут так освежить.

Примерно через два часа Новый год. Почему примерно? Да потому, что время определяю по будильнику, который не проверялся более двух недель: транзисторный приёмник не работает — батарейки сели. Ну и ладно. Новый год на носу! Пора накрывать праздничную чурку..

* На Новый год промысловики возвращаются в Гвасюги, чтобы сдать добытую пушнину, закупить продуктов, а главное, гульнуть.

Первое января. Где-то на западе нашей необъятной страны ещё только садятся за столы нарядные женщины и мужчины, а за тысячи километров от них в недрах глухой тайги просыпается одинокий охотник. Он продирает глаза, пялит бессмысленный взор на снующих кругом мышей, стряхивает со скатов палатки иней, затапливает печурку и снова ныряет в спальник, чтобы вылезти из него, когда прогреется брезентовое жилище.

Как я встретил Новый год?

Нажарил полную сковородку рябцов, приготовил из кабанятины строганины. Ровно в двенадцать часов (опять же по-моему будильнику) поздравил себя и всех, кто ждёт меня дома, с Новым 1975 годом. Выпив спирту, стал вслух беседовать сам с собой. Жизнь в одиночестве уже начала вырабатывать привычку смотреть на себя со стороны. И мне представился весьма странным косматый оборванец, сидящий, скрестив по-мусульмански ноги, на засаленном спальнике среди натянутых на правилки шкурки и с блаженной улыбкой чокающийся с печной трубой, невнятно что-то бормочущий про удачу, Пудзю... А вокруг, по всему Хору, ни души. Со стороны, ей Богу, сумасшедший!

После третьего тоста на глаза попались ножницы, и я, недолго думая, обкромсал надоевшие из-за каждодневных «наледей» усы. Бороду пожалел — не тронул.

Разморённый жаркой печкой и «огненной водой», приподнял полог, чтобы проветрить палатку. Прилёг на спальник и не заметил, как уснул. Очнулся от проникшего до костей холода. Дрова прогорели. В серой золе лишь красные глазки дотлевавших углей. И таким неприветливым, мрачным показался мне народившийся год. С трудом настрогав смолистой щепы, растопил печурку заново. Согревшись, залез в спальник досыпать. Окончательно проснувшись, выпил несколько кружек крепкого чая и отправился проверять Фартовый.

Дед Мороз не забыл-таки заброшенного в сихотэ-алинскую глушь промысловика и преподнёс ему новогодний подарок. На Фартовом стояло всего-то два капкана на подрезку. У первого, распластавшись во всю длину, лежал чёрный красавец. У второго снег тоже истоптан. Пружина из-под колдобины выглядывает.

Ну, думаю, Дед даёт, совсем расщедрился: на два капкана — два соболя! Потянул за цепочку, а он пустой. Ушёл!!!

Капельки крови пунктиром обозначали след беглеца. Метров через сто он скрылся под полуистлевшим стволом кедра. Там соболь отлежался и сегодня уже выходил мышковать. Довольно крупный самец. Троп у него в этом районе много, и расположены они достаточно кучно. Насторожил ловушки в двух местах.

Только собрался попить чай на солнцепёке, как услышал треск сучьев, стук клыков, грубый визг. Кабаны! Причуяв меня, драчуны коротко хрюкнули и бросились врассыпную.

* * *

Дни у промысловика похожи друг на друга, как близнецы. Встаёшь, растапливаешь печь, завтракаешь, идёшь на путик, проверяешь ловушки, ставишь новые, возвращаешься, опять затапливаешь печь, колешь дрова, ужинаешь, снимаешь шкурки (если вернулся с добычей), ремонтируешь одежду, заполняешь дневник и ложишься спать. Назавтра всё то же самое. Разнообразие вносит только посещение новых мест.

Сегодня обошёл Крутой. Пока пусто, хотя в душе уж на одного-то рассчитывал. Следов по-прежнему маловато. Что-то никак не уловлю в поведении соболей хоть какую-нибудь закономерность. Одну и ту же сопку то истопчут вдоль и поперёк, то за целую неделю ни разу не освежат ни единым следом; то бегают как угорелые и в мороз, и в снег, то сутками в тёплых норах отлёживаются.

В лагерь вернулся засветло. Луксин петушок сидел на берёзе и склёвывал почки. Увидев меня, не улетел. Привык уже и ко мне. Перед сном вышел из палатки. В разгорячённое лицо вонзались обжигающие морозные иголки. Над головой бесстрастно мерцали россыпи мелкого жемчуга. Созвездия не приходилось искать. Они сами бросались в глаза. Небо в этот вечер выглядело громадным куполом, вершина которого высоко-высоко, а стенки сразу за деревьями. Вокруг насквозь промёрзшая тайга, на бескрайних пространствах которой лишь кое-где разбросаны комочки жизни: звери и птицы. Чувство потерянности и заброшенности охватило меня.

Чтобы избавиться от нахлынувшей тоски и оповестить мир о том, что я жив, достал ружьё и шарахнул в звёзды. Выстрел громом пронёсся по тайге и долине реки, отдаваясь многократным эхо. В ответ со стороны Разбитой донёсся волчий вой, полный презрения ко всему окружающему. Выл серый не «у-у-у», как пишут в книгах, а «ыууу-ыу», хотя вряд ли можно буквами передать все тончайшие оттенки волчьей песни.

Как-то жутковато становится в такие минуты. Правда, чаще сам на себя страх нагоняешь. Как только начнёшь прислушиваться к каждому звуку — услышишь и скрип шагов, и хруст ветки, и хриплое дыхание зверя. Но стоит отвлечься, заняться делом — как все эти пугающие звуки исчезают. Я думаю, что и в темноте человек испытывает страх из-за того же: не видит, что на самом деле происходит вокруг, вот и мерещится всякое.

Без радио вечерами в палатке тишина космическая. Только печка поухивает, да изредка дерево в лесу или лёд на реке от мороза стрельнет.

Самая неприятная процедура ожидает меня по утрам, и никуда от неё не деться. В палатке в это время настоящий морозильник. Если под открытым небом, например, минус 36⁰, то в ней минус 34⁰С. Спальник от дыхания за ночь покрывается ломкой ледяной корочкой. Разогнёшь хрустящие края брезентового чехла, высунешься по пояс и, скрючившись над печуркой, как можно быстрее набиваешь её чрево полешками. Подождёшь смоляк и немедленно ныряешь с головой обратно в спальник. Лежишь в нём до тех пор, пока живительное тепло не наполнит палатку. Случается, дрова с первой попытки не разгораются, и тогда истязание повторяется. Чтобы уменьшить продолжительность морозотерапии, смоляк и мелкие щепки готовлю с вечера.

Прежде растопкой занимался Лукса, и только когда он ушёл в стойбище, я оценил его природную деликатность. Он ни разу не упрекнул меня за то, что встаю, когда в палатке уже тепло.

* * *

Возвращаюсь по-прежнему без добычи. Что-то стали обходить соболя мои капканы. Не пойму, в чём дело. Может, неумело маскирую? Или зверьки запах рук чуют? Много бы я отдал, чтобы понять причину.

Верховья Буге совсем оскудели, даже следы кабарожки исчезли. Она теперь согревает удалого соболя. Сумел-таки загрызть столь крупную для него добычу.

По следам восстановил, как это произошло. Соболю, вжимаясь в снег, подкрался к пасущейся в ельнике кабарге и попытался в три прыжка настичь её. Шустрый оленёнок успел отпрыгнуть в сторону и помчался вниз по ущелью. Отважный хищник бросился вдогонку. Так они бежали, петляя по лесу, метров четырёхста. На выходе из ущелья их следы скрестились в последний раз. Дальше на снегу был виден лишь след кабарги. Утопая в глубоком снегу, она отчаянно металась со страшным всадником на спине. Пытаясь сбросить его, падала на спину и прыгала из стороны в сторону, но освободиться всё никак не удавалось. Цепкий наездник, опьянённый кровью, тем временем всё глубже и глубже вгрызался в шею. Изнемогая, кабарожка перешла на шаг. На снегу появилась кровь, кое-где валялись клочья шерсти. Дважды она падала, но поднималась. Наконец завалилась на бок... Долина в этом месте узкая, и шоколадное, со светлыми пятнами, тело оленёнка было видно издалека.

Зимой тайга не может скрыть свои тайны. Росписи на снегу выдают их в мельчайших подробностях.

Соболю уже дважды приходил кормиться. Съел часть ляжки, язык. По отпечаткам лап — матёрый. Пожалуй, самый крупный среди тех, что обитают на Буге.

Я осторожно вырезал на брюхе кабарги мешочек с мускусной железой — «струю» размером с куриное яйцо. Охотники считают настойку из выделений этой железы тонизирующим средством.

Уходя, замаскировал на подходах две ловушки. Соболю обязательно придёт к своему трофею ещё не раз.

* * *

Привычную для меня в последнее время вечернюю тишину нарушило мерное поскрипывание лыж. Неужто Лукса?! Как был раздетый, выскочил наружу. Маленький тёмный силуэт с небольшими, почти детскими нартами выплыл из-за деревьев. Это был одо Аки. Возвращаясь на свой участок, он завернул ко мне переночевать. Радость от встречи с одо была омрачена худой вестью:

Луксу положили в больницу с обострившейся язвой желудка. Обидно. Неужели до конца сезона проболеет?

Перекусив, старик достал из берестяного коробка листок бумаги. Макнул его несколько раз в кружку и, помешав чай ложкой, выпил приготовленный напиток маленькими глотками. Я с любопытством наблюдал за этими странными манипуляциями.

Перехватив мой взгляд, старик похвалился:

— Шибко хорош медикамент доктор давал, однако пора новый пиши. Много букв пропади.

— Какой медикамент? — ошарашено пробормотал я.

Старик осторожно протянул мокрый листок.

— Вот.

Это был обычный рецептурный бланк, на котором едва проступали размытые буквы и синеватая печать.

— Для чего вам этот медикамент? — пряча улыбку, поинтересовался я.

— Сон дари. Медикамент пей — сон иди. Доктор хорошо лечи.

Я деликатно промолчал. Прихлёбывая чай, Аки рассказывал деревенские новости.

Тихая речь старика, потрескивание дров ласкали слух, убаюкивали, настраивали на лирический лад.

— Ыууу-ыу, ыууу-ыу, — донеслось из-за Хора.

Жуткий волчий вой-стон медленно нарастал и неожиданно угас на длинной плачущей ноте. Дикая тоска по крови слышалась в нём.

— Мясо проси, — прокомментировал одо Аки, невозмутимо допивая свой «медикамент». Вдруг он встрепенулся, словно вспомнил что-то важное, и даже шлёпнул себя по беленькой головке.

— Совсем худой башка стал. Лукса говори: скоро не приди, ты его капкан сними. Однако шибко не сними. Лукса живот обмани — тайга ходи. Я его знай.

— Хорошо, на неделе обойду, проверю. А если уж надолго задержится, начну снимать.

Тут я не утерпел и задал вопрос, давно вертевшийся на языке:

— Аки, если не секрет, сколько вы нынче соболей взяли?

Старик нахмурился:

— Пошто соболь пугай? Моя говори — соболь новый место ходи, — и быстро перевёл разговор в другое русло:

— Пошто твоя стрелка? — спросил он, указывая на висящий над чуркой компас.

— Чтобы не заблудиться, когда солнце скрыто тучами.

— Знай, знай. Пошто стрелка ходи? Пошто сам дорога не смотри? — уточнил старик.

Ему было непонятно, как в тайге можно заблудиться.

Пока разговаривали, я разулся и повесил сушить улы на перекладину. Глянув на подошву, ахнул — она в нескольких местах треснула поперёк. И поделом мне. Сушу прямо над печкой. Сколькo раз Лукса предупреждал, что кожа от жара становится ломкой. И почему человек никогда не слушает советов? Обязательно надо на своей шкуре убедиться.

Охотника, как и волка, ноги кормят. Они предмет особой заботы, особенно зимой. А улы — самая подходящая для промысловика обувь: лёгкая, тёплая и удобная. Шьют их из шкур, снятых с шеи или спины лося, изюбря. Годится и со спины кабана. Лучше всего шкуры, добытые зимой, так как кожа в это время года плотнее и толще.

Выделка кожи для ул — процесс не сложный, но длительный. Обувь из правильно выделанной кожи получается мягкой и прочной. Внутри улы выкладывают травой хайкта, специально для этого заготавливаемой. Она хорошо сохраняет тепло и в то же время служит своеобразными портянками, предохраняющими ноги от мозолей. Помимо этого в сильный мороз на ноги надевают меховые чулки.

Когда мы легли спать, я, расслабившись, унёсся мыслями к тому дню, когда с пухлыми связками шкурок появлюсь в конторе и завалю ими стол охотоведа...

* * *

Что-то стал быстро уставать в последние дни. Всё делаю через силу. Видимо, произошло, как говорят спортсмены, «накопление остаточной усталости». Постараюсь завтра уменьшить нагрузку, хотя это непросто. Когда за очередной волной сопok открываются новые голубеющие дали, чем дальше обращаешь взор, тем заман-

чивей и богаче представляется тамошняя тайга. Так и влечёт туда, а что именно — трудно понять. Неизвестность? Пожалуй. Она во все времена манила и манит людей за горизонт.

Несмотря на усталость, аппетит прорезался такой, что хоть из палатки не выходи. Уже через пару часов начинает сосать под ложечкой со страшной силой. И это понятно. Ведь раньше ходил в основном по накатанной лыжне, а теперь в поисках мест, богатых соболем, всё больше по целине.

Прошло ровно двадцать дней, как Аки ушёл на свой участок, но за это время ни одна западня не порадовала меня вытоптанной «ареной». Неужели охотовед окажется прав, и я не вытяну план?

Наконец, сегодня на соседнем ключе Улантиково нашёл прекрасные тропки. Выставив по склонам восемь ловушек, повеселел. Надежда оживила охотничье сердце.

Однако злой рок продолжает преследовать меня. Только я спустился к ключу, как монотонно-серое небо разверзлось: повалили белые хлопья. Все мои ловушки на подрезку засыпет, а на приманку соболь по-прежнему не идёт.

Прошло ещё два пустых для меня дня, а вот у Лукса снял таки одного соболя. Сегодня вечером, словно услышав мои молитвы, унылый облачный покров распался на рваные куски, оголив синеву небесной сферы. Красный холодный шар опалил края серых туч, отчего те потемнели ещё сильнее. Вскоре солнце скрылось за сопкой, но тучи ещё долго продолжали полыхать прощальным огнём. Стало грустно. Закат для меня — всегда ощущение некой потери.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Мороз нынче как по заказу. Заставляет резво ходить и в то же время не настолько силён, чтобы замёрзнуть при установке ловушек.

Поднимаясь по ключу, я увидел на пологом склоне сопки с десяток ворон, вьющихся над разлапистыми кедрами. «Неспро-

ста летающие волки собрались», — подумал я и направил туда лыжи. Шагов через двести появились сначала следы спокойно кормившихся, а затем в панике разбежавшихся кабанов. Пытаюсь по следам восстановить, что здесь произошло, как вдруг с вершины утёса, у подножия которого я стоял, донёсся грозный, леденящий сердце рык. Поднял голову и обомлел — тигр! Из оскаленной пасти торчали, словно финки, острые клыки. Кончик хвоста нервно дёргался.

Страх пронзил моё сердце, ноги противно заныли и как будто отнялись, по всему телу волнами забегали колючие мурашки. Подобную встречу я давно ожидал и даже, признаюсь, по-мальчишески мечтал о ней, рассчитывая сфотографировать тигра. Поэтому психологически был готов и в явную панику не впал, хотя от напряжения вибрировал каждый мускул, а вот о своём желании сфотографировать даже не вспомнил.

Стал плавно поднимая лыжи, медленно пятиться назад. Всё время, пока тигр был в поле зрения, он так и стоял в царственной позе, не сводя с меня глаз. Его тугой хвост напряжённо замер в воздухе. Как только тигр скрылся из вида, я развернулся и, то и дело оглядываясь, заскользил в долину. Разочарованные вороны гортанными криками осуждали моё бегство.

Весь день меня не покидало чувство, что могучая кошка продолжает следить за мной. Перед глазами стояла огромная рыже-чёрная голова с оскаленной пастью, закрывшей, как мне показалось в тот момент, полнеба (верно говорят — у страха глаза велики).

Проходя очередной кедрач, услышал шелест. Замер. Шелест повторился. Боязливо оглянулся — никого нет, а шелест всё ближе. Ну, думаю — от судьбы не уйдёшь! В этот момент вижу, как по стволу спускается вниз головой, громко шурша, небольшая пичуга с коротким хвостиком и длинным острым клювом — неутомимый поползень. Непонятно, как такая крохотная птица умудряется производить столько шума. Невольно подумал: пуганая ворона и куста боится.

Умом я, конечно, понимал, что великий сородич удэ не собирался нападать, но тигр есть тигр. Даже размер следа страшит. Тем не менее я был благодарен судьбе, давшей возможность увидеть так близко красу и гордость Уссурийской тайги.

Могучий, величественный тигр на фоне вековых кедров сохранился в памяти самым волнующим и ярким воспоминанием. Особенно меня поразило его благородное поведение. Тигр всем своим видом как бы говорил: «Иди своей дорогой, и я тебя не трону».

К обеду следующего дня, добравшись до поворота на «Глухой», завернул в ельник проверить ловушки возле кабарги. Но там её не оказалось. Две непальские куницы затащили остатки оленёнка под лесину и доели его. Надо признать, что эту операцию они провели виртуозно — обошли обе ловушки стороной.

Хожу по тайге, люблю её, радуюсь тому, что в нашей стране есть снег, морозы. Становится даже жалко тех, кто живёт в жарких странах. Ведь они лишены нашей белоснежной, сказочной зимы. Никакого разнообразия: круглый год одно и то же — бесконечное лето.

Осмелюсь не согласиться с утверждением, что зимой в тайге скучно и жизнь в ней замирает. Бесспорно, летом она многообразнее, но зато недоступна взору. Это только на первый взгляд зимняя тайга безжизненна и ничего в ней не меняется. Наблюдательный же человек заметит немало перемен даже в течение одного дня.

Зимой вся жизнь тайги — как на ладони, ничего не утаить — следы на снегу поведают о каждом шаге. Да и я сам сколько наследил в окрестностях Буге. Если посмотреть сверху, так весь участок, словно пирог, изрезан на мелкие ломтики колеями от лыж. Следы эти сейчас зримы, вещественны, но пригреет солнышко, и они исчезнут.

Порой так же происходит и в жизни. Доживёт человек до глубокой старости, а умрёт — никто и не заметит. Исчезнет — словно снег растает. Другой же и проживёт недолго, а люди с благодарностью вспоминают о нём долгие годы. Наверное, это и есть счастье, когда знаешь, что после тебя остаётся не снежный, а прочный, добрый след в памяти людей.

* * *

Необычайно тёплый для января день. На корнях буреломного отвала наливаются солнечным светом и, созрев, падают первые

капли. Потепление особых восторгов у меня не вызывает. Ночью подморозит, снег зачерствеет коркой, и соболя вообще перестанут тропить.

На путиках опять одни разочарования. Порой охватывает отчаяние, но я убеждаю себя, что время ещё есть и можно наверстать упущенное. Правда, с каждым днём эти уговоры всё больше похожи на самообман.

Единственная отрада для меня в последнее время — обеденный ритуал в ясный тихий полдень. Выберешь между деревьями солнечный пятачок. Положишь камусом вверх лыжи, на них меховые рукавицы. Под ногами умнёшь ямку. Достанешь из рюкзака сухарь, термос с чаем. Удобно усядешься и млеешь под горячим потоком полуденных лучей* в окружении могучих кедров.

В сладкой дрёме стоят сопки. Редкое постукивание спящего по стволу дятла и невнятное бормотание ручья под снегом лишь подчёркивают сонную тишину. Солнышко ластится, пригревает. Кожа впитывает каждый его лучик, каждый зайчик. На душе становится легко и приятно. Забываешь о пустых ловушках. Открываешь термос и наслаждаешься душистым сладким чаем, устремив мечтательный взор на горные дали, лёгкие облака, плывущие в прозрачной лазури...

Удивительно хорошо в тайге. И дышится легко, и думается свободно. Прав был Новиков-Прибой, говоря, что «охота — лучший санаторий».

Трое суток провалялся с жестокой простудой — угодил в полынью на Разбитой. От избытка свободного времени так наточил ножи и топор, что руки теперь все изрезаны.

На четвёртый день рискнул поколоть дрова и сломал топориче. Пришлось тесать новое. Через час удобная ясеневая ручка была готова. Расколов несколько чурок, выдохся и стал прогуливаться по стану.

* Выражение «горячий поток полуденных лучей» — не преувеличение. В конце января в этих широтах солнце в полдень так же высоко, как в Крыму.

Над головой тонко зазвенели серебряные колокольчики. Это стайка клёстов облепила соседнюю ель и, перезваниваясь, принялась шелушить еловые шишки, ловко вытаскивая сытные семена. Сейчас они едят больше обычного — вывелись птенцы, и родители едва успевают кормить прожорливых деток кашницей из еловых семян. Трудный экзамен придумала для них природа. Зима, мягко говоря, не самое лучшее время для вскармливания потомства.

Вечером, затопив печь, вышел за водой. Зачем-то оглянувшись, обратил внимание на робкую струйку дыма из трубы. Остановился и стал наблюдать, что будет дальше. Первые секунды дым выползал вяло, как бы нехотя. Постепенно жиденькая струйка оживала, набирала силу, и через пару минут из трубы уже вылетал упругий белый столб. Донеслось энергичное похивание. Дым тем временем светлел. Вот проклюнулся язычок пламени — красный, трепещущий. И вскоре не язычок, а огнедышащий шпиль рвался ввысь, освещая пространство вокруг нашего жилища. Печь же запела ровно, и чем сильнее становился жар в её чреве, тем чище и выше звучала её песня.

* * *

Ну как снова не вспомнить поговорку: не было ни гроша, да вдруг алтын. Проверял Фартовый (опять он!). У первого же капкана кто-то метнулся за дерево. Соболь? Точно — он! Зверёк изо всех сил рвался прочь, но железные челюсти держали крепко. Соболь яростно набрасывался на них, грыз металл, кроша зубы, но тщетно. Капкан не отпускал.

Я первый раз видел соболя живым. До чего грациозный, ловкий и невероятно красивый зверёк!

Прижав рогулькой к снегу, взял его в руки, чтобы получше разглядеть. Оказывается, глаза соболя при солнечном свете горят как изумруды. Взгляд бесстрашный, мордочка добродушная, даже не верится, что перед тобой отъявленный хищник.

Чтобы усыпить зверька, я использовал известный у промысловиков приём — «заглушку». В выразительных глазах соболя, потемневших от боли, появилось недоумение, как у человека, смертельно раненого другом. Не было в них ни злости, ни страха.

Только удивление и укор. Сердце, устав биться, сокращалось всё медленней и слабей. Тело обмякло, головка поникла, лапы вытянулись. Глаза потемнели, стали тусклыми, невыразительными.

Превращение красивого, полного жизни зверька в заурядный меховой трофей так потрясло меня, что я разжал пальцы. Через некоторое время соболь зашевелился и медленно поднял голову. Смотрел он по-прежнему убийственно спокойно. В такие минуты, наверно, и проявляется истинный характер. Его поведение резко отличалось от поведения норки и колонка в такой же ситуации. Те до последней секунды злобно шипели бы, пытаясь вцепиться в любое доступное место зубами и когтями. Соболю же понимал, что противник намного сильней и борьба бессмысленна.

Я почувствовал, что потеряю всякое уважение к себе, если убью его. Положил соболя на снег и разжал пальцы. Зверёк не заставил себя долго ждать: встрепенулся, замер на секунду и размеренными прыжками, не оглядываясь, побежал в глубь тайги. А мои руки ещё долго хранили тепло его шелковистой шубки.

Кто-то из великих знатоков человеческих душ писал: «Бойтесь первого порыва, ибо он бывает самым благородным». Это так: повинувшись первому движению души и отпустив великолепную добычу, я через несколько минут уже испытывал некоторое сожаление — план до сих пор не выполнен. Но, вернувшись домой, и много позже, вспоминая этот случай, я понял, что был прав, что всё это было не зря! Что стоило поймать такого редкого красавца, а потом отпустить только для того, чтобы ощутить внезапное очищающее просветление.

Летом в городе, когда тоска по тайге особенно сильна, я закрываю глаза, запрокидываю голову к солнцу, и перед моим мысленным взором оживает одна и та же картина: тёмно-коричневый соболёк, спокойно, с сознанием собственного достоинства, убегающий от меня по искрящейся белой целине. На душе становится легко и радостно.

Спустившись с кручи на пойму, я буквально отпрянул от неожиданности. На слегка припущенной лыжне отчётливо виднелись внушительные отпечатки. Тигр! Крупная сердцевидная пятка, по форме напоминающая треугольник с прогнутым внутрь основанием и закруглёнными вершинами, окаймлена веером

овальных вмятин от четырёх пальцев. Опять «священный дух удэ» напомнил о себе. Отметин от когтей не видно: они у тигра втяжные и оставляют следы, лишь когда зверь встревожен или готовится к нападению. Вскоре он сошёл с моей лыжни и побрёл по целине, вспахивая лапами снег. Тигриная борозда похожа на кабанью, но гораздо глубже, шире, с более крупными «стаканами» от лап. Сразу видно, что прошёл могучий хозяин тайги.

От тигриных траншей меня отвлекла пихта с ободранной на высоте двух метров корой. Сохатый? Нет, не станет он глотать кору старого дерева. Да и содрано мало, всего сантиметров тридцать. Ниже задира разглядел пять борозд от когтей. Так это ж медвежья метка! С другой стороны дерева ещё один задир, метром выше. Интересно, почему они на разной высоте? Ведь обычно медведь старается ставить их как можно выше, чтобы другие, видя какой здоровяк хозяйничает здесь, остерегались нарушать границу его участка. Скорее всего, это метки медведицы и её двухлетнего пестуна.

Я направился в боковую лощину к засыпанной снегом лощине, чтобы освежить её. Гляжу, около неё четыре рябчика прохаживаются. Пошёл за одним, так он, чудак, вместо того чтобы взлететь, долго бежал вперевалку впереди меня. Встал на крыло, лишь когда я, развеселившись, с гиканьем хлопнул в ладоши.

День завершился неожиданным подарком. Я даже присвистнул, увидев, что в два рядом стоящих капкана, поставленных просто так, на всякий случай, попались две норки.

* * *

И опять девственный лес трещит в объятиях жгучего мороза. Опять стынут, звонко лопаются деревья. Заиндевелые кусты в инее. Кедровая хвоя поблёскивает, как соболья ость. Плотный воздух вливается в лёгкие густым бодрящим настоем.

Скрипучая лыжня увела меня в верховья Буге дальше обычного. На межгорном плато сразу бросилось в глаза чёрно-бурое пятно на снегу. Кабан? Лось? Почему не двигается? Может, спит? Осторожно, держа ружьё наизготовку, приблизился и увидел, что это правда кабан, только мёртвый. Настигшая его смерть была мгновенной. Сильным порывом ветра от сухостоины сорвало мас-

сивный отщеп, и он, падая с высоты, пронзил вепря насквозь, как копьё. Оказывается, и в тайге происходят несчастные случаи. Только виновника не накажешь — ищи ветра в поле.

Ходить по сравнению с началом сезона стало заметно легче. Толща снега надёжно укрыла все поваленные деревья, кустарники, камни. На обратном ходе, чтобы сократить дорогу, сошёл с лыжни и покатился с горы к речке напрямки, но на скорости угодил в яму. Лыжи изогнулись, предательски затрещали и... переломились пополам. Закинув обломки на плечо, попытался идти без них, но не тут-то было. Как только операясь на ногу, она проваливается в снег по самый пах. С трудом вытащишь, но при следующем шаге всё повторяется.

Проковыляв так метров двадцать, взопрел. Горячий солёный пот заливал глаза. Ноги гудели от напряжения и отказывались идти. Пораскинув мозгами, срубил ольху. Вытесал из неё две плоские полуметровые плашки и прибил прямо на камус (коробочка с гвоздями, верёвочками, проволочками у меня всегда с собой). Получилось неплохо. С этими «заплатками» я так и проходил до конца сезона.

Довольный и гордый тем, что сумел устранить поломку, завернул на памятную протоку, где под Новый год завалил секача: пришла пора пополнить запасы мяса. К разделанному мной кабану стекались собольи тропки: крупные следы самцов и миниатюрные — самочек. Снег, которым я засыпал мясо, разрыт с трёх сторон.

Соболя по каким-то неуловимым для меня признакам отличают следы зверька, побывавшего у богатой добычи, и по ним выходят на место его кормёжки. Откопал для себя нетронутый соболями кусок, а на подходах замаскировал все четыре капкана, что лежали в котомке.

На Разбитой по берегу залива на днях опять бродил тигр. Событие уже привычное, но эти следы интересны тем, что шли сквозь густые заросли колючего кустарника. Похоже, могучая кошка таким образом расчёсывала или чистила свою шкуру.

После ужина допоздна ремонтировал снаряжение и одежду. Всё уже изрядно обтрёпано, изношено, но надо как-то дотянуть

до пятнадцатого февраля — конца сезона. Оттого, что скоро домой — и радостно, и грустно. Очень хочется к родным и друзьям, но план до сих пор не выполнен. Грустно оттого, что в городе, попав в сумасшедший водоворот дел и встреч, быстро отдаляешься от тайги. Привыкаешь к заасфальтированным, дышащим выхлопными газами улицам, каменным домам-клеткам, к мысли, что живёшь нормально — как все. Но однажды вдруг попадётся на глаза одинокая старая ель, сохранившая в городском парке дикий, угрюмый вид, и сердце острой болью пронзит тоска по тайге, по звериным тропам, чуткой тишине зимнего леса. Один раз заглушишь эту тоску, второй, третий, но в конце концов плюнешь на всё, соберёшь рюкзак и уйдёшь опять в лес...

Все мои родственники и друзья в один голос твердят: «Как можно в тайге одному? Столько опасностей! Случись беда — даже помочь некому». (Лишь моя жена Танюша с пониманием относится к моей страсти к тайге и горам.) Раньше, не имея достаточного представления о таёжной жизни, я, скорее всего, говорил бы то же самое, но теперь смею утверждать: в тайге опасностей не больше, чем в городе. Сами звери на обострение отношений не идут. Те же ЧП, что случились со мной, справедливей будет отнести на счёт моей неопытности. Зато в тайге жизнь проще, здоровей и спокойней.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

На высоких парусах разлетелись и скрылись за зубцами гор облака. Когда я добрался до самой дальней точки Крутого, в небе царило слепящее солнце. Над бесконечными гребнями тёмно-зелёного моря, рассечённого белой извилистой лентой реки, изредка скрипуче гнусавил ворон.

Крутой, наконец, расщедрился и подарил крупного соболя приятного шоколадного цвета. Поднял добычу, чтобы освободить от капкана, а у него и на задней лапе капкан, только без цепочки. Тут я смекнул, что это тот самый самец, что ушёл в декабре. Здоров чертяка! Мне ещё когда ставил капкан показалось странным: отпечатки лап крупные, а прыжки короткие. Судя по его бравному

виду, не похоже, чтобы он недоедал. А я-то расстраивался — был уверен, что зверёк погибнет.

В лагерь возвращался, напевая нескладные, сочинённые мной ещё в Якутии, куплеты.

*Не ищите меня у людей,
Среди них я случайный гость.
Я живу там, где воздух чист,
А на тропах зверей помёт.*

*Не ищите меня в городах,
Хоть любитель я кабаков,
А живу я в горах,
На берегах говорливых вод.*

*Здесь друзья мои — добрые звери
И хранитель зверей — дикий лес.
И мы вместе уходим на север,
Где ещё не бывал человек.*

*Год от года теснят нас всё дальше.
И остался один лишь Таймыр.
Но на плечи совсем не давит
Груз дорог и бурных стремнин.*

Ничто не предвещало того испытания, которое предстояло мне выдержать этой ночью...

Я уже готовился ко сну, как резкий порыв ветра наполнил палатку таким густым и едким дымом, что пришлось откинуть пол. Тут совсем рядом раздался жуткий волчий вой. Душераздирающее «ыууу-ыу» понеслось по долине, будоража тайгу. По спине пробежал озноб, руки сами нащупали и вынули из-за спальника ружьё и привычно вогнали патрон с картечью. Остальные патроны и нож легли рядом.

Вой доносился от подножья сопки, вплотную подступавшей к ключу. Чтобы отпугнуть зверей — волки зимой поодиночке не ходят, — высунул наружу ствол ружья и полоснул ночь резким, как удар бича, выстрелом. Вой прекратился, но ненадолго. Вскоре раздался ещё ближе.

Страх сковал меня. Я понимал, что нужно немедленно что-то предпринять, однако оцепенело сидел, боясь пошевелиться. Воображение рисовало ужасную картину: волки окружили палатку и готовы ворваться, чтобы растерзать меня.

Время, будто заключив союз с волчьей стаей, тянулось невыносимо медленно. Мороз крепчал. Дров в палатке оставалось совсем немного — я не рассчитывал топить всю ночь. Приходилось экономить каждое полено. И всё же к трём часам положил в топку последнее. Когда оно прогорело, палатка стала быстро остывать. Холод проникал сквозь одежду всё глубже и глубже.

Чтобы окончательно не замёрзнуть, нужно было залезть в спальник, но сделать это мешал страх: в мешке я буду скован в движениях и не смогу обороняться.

Мысленно перебрал все вещи, находящиеся в палатке: чем ещё подкормить огонь? Но ничего не находил, а гора дров совсем рядом! Рядом и в то же время невероятно далеко — выйти из палатки и пройти пять метров до груды поленьев меня не могла заставить никакая сила. Брезентовое убежище представлялось неприступным бастионом, покинув который я стану беззащитным.

В печке дотлевали последние угольки. В конце концов мороз победил страх, и я, с трудом распрямив затёкшие ноги, придавил вход в палатку спальником Луксы. После этого обутый, с ножом в руках забрался в мешок, где и провёл остаток ночи в тревожном забытии. Сквозь дрему вздрагивал от каждого шороха. По мере того, как ночная мгла сменялась робким рассветом, во мне нарастала злоба на волчье племя. Восходящее солнце с каждой минутой вливалось в моё сердце смелость, изгоняя вместе с темнотой страх.

Вой не прекращался. Я проверил ружьё, воткнул в чехол нож и, готовый к хватке, откинул край брезента. Солнце уже обосновалось в проёме между сопок. Земля чуть припудрена порошей. Держа ружьё наизготовку, крадучись пошёл мимо груды дров к месту, откуда волк выл в последний раз. Я должен был непременно убить его, и даже мысль о том, что волк не один, что там, быть может, целая стая, не могла остановить меня.

Приблизившись к сопке, огляделся, пытаюсь понять, куда серые могли так быстро и незаметно разбежаться. Как ни странно, вокруг ни единого следа. И тут прямо над моим ухом раздалось

противное и тягостное завывание. Я вскинул ружьё, но... стрелять было не в кого! Вой издавала старая ель, раскачиваемая ветром. Я захохотал, как сумасшедший. Какой позор! Надо же так опростоволоситься! А ещё пою: «Здесь друзья мои — добрые звери и хранитель зверей — дикий лес...» Умора!!

Страх отнял у меня способность трезво мыслить, иначе бы я сообразил, что волк не станет всю ночь сидеть на одном месте возле палатки и выть, не испугавшись даже выстрела.

Когда вечером возвратился с очередного обхода, «вой» прекратился, и больше я его никогда не слышал.

ТАЙГА ЛЕЧИТ

На Фартовом ни один из двадцати капканов не сомкнул челюсти. «Ну, ничего, цыплят по осени считают», — хорохорился я.

Есть на этом путике одно приветливое место, которое не хочется покидать. Это обширная, заснеженная поляна в зелёной раме патлатых кедров. На Буге всюду, куда ни пойдёшь, — непролазная чащоба. И вдруг — чистое пространство, по которому слабый ветерок перекачивает жёлтые волны вейника*. Этот контраст будоражит воображение. Сразу представляются стойбище, костры, охотники, возвращающиеся с добычей. А совсем близко, в тёмном распадке, затаились воины враждебного племени...

Когда я рассказал Луксе об этой поляне, он подтвердил, что на ней действительно когда-то было становище его предков, кочевавших по всему Сихотэ-Алиню. Непонятно только, почему они облюбовали место, расположенное в восьми километрах от Хора? Ведь река — главная дорога и кормилица.

Когда я останавливаюсь на этой поляне на отдых, то почти всегда вспоминаю брошенный посёлок золотоискателей в Якутии у подножья перевала на Гонам. Там мы оказались во время поисков Юры и Саша. Картина, надо сказать, довольно удручающая: стоят крепкие, добротные дома. В каждом дворе баня, летняя кухня, сарай. В центре посёлка двухэтажный дом. Рядом

* *Вейник* — полевой злак с красивой густой метёлкой.

с ним постройка с ржавым листом, на котором угадываются буквы «МА...». Улицы, дворы, огороды уже сплошь заросли молодыми деревцами.

Мы обследовали посёлок в надежде найти следы пребывания ребят. В одном из домов на некрашеном полу я увидел куклу в выцветшем платъице. Горло невольно сдавило. Лет пятнадцать назад здесь было шумно, многолюдно. В каждом доме бурлила жизнь, а теперь тихо, как на погосте. Интересно, где сейчас хозяйка этой куклы?

И сегодня я, как обычно, остановился на краю любимой поляны. В этом оазисе, защищённом от ветров, всё млело и купалось в тёплых, ласковых объятых февральского солнца. Растегнул телогрейку, снял шапку. Ветерок приятно охлаждал разгорячённое ходьбой лицо.

Наблюдаю, как на кончике ветки повисает капля с бегающей искоркой солнца. Когда она налилась в полную меру, искорка испуганно забилась, словно не желая падать. Но, так и не сумев вырваться из тонкой оболочки, вместе с каплей исчезла в снегу.

В этот момент мне на голову уселась маленькая пичуга. Её остренькие коготки вцепились в кожу. Присвистнув, она дёрнула клювом волосок. От неожиданности я вздрогнул. А отважная шалунья, перепорхнув на дерево, что-то возмущённо пропищала.

Спускаясь с сопки, чуть не наехал на отдыхающих косуль. Они пружинисто вскочили и в ужасе рассыпались в разные стороны. Бег у косуль своеобразный: несколько прыжков небольших и частых, затем один огромный, летящий, и опять череда коротких, как бы разгонных.

Буро-коричневая окраска делает их практически невидимыми среди деревьев, и только белые пятна на заду (охотники их называют «зеркалом») некоторое время мелькали между деревьями. Они копытили тут листья и траву. Рядом глубокие овальные ямки — лёжки. Эти олешки зимой деятельны только в утренние часы. После полудня они обычно отдыхают, пережёвывая жвачку.

* * *

Под Разбитой прошла стая волков. На сей раз не мифическая, а самая что ни на есть настоящая. Вожак — матёрый волчи-

ще. Отпечатки лап — десять на шесть с половиной сантиметров. У остальных заметно мельче. По форме их след похож на собачий, но отличается расположением пальцев.

Шли волки гуськом, след в след. Только на крутом повороте у поваленного кедра появились разброды. Судя по ним, в стае кроме матёрого — волчица, два прибылых* и три переярка**.

Лыжни не боятся. Даже немного прошли по ней.

Одинокий скиталец-тигр, делая очередной обход своих владений, вышел на след этой стаи и двинулся по нему. Теперь, надо полагать, серые не скоро появятся в этих местах. Тигр задаст им перца, поскольку с волками и собаками эти могучие кошки враждуют испокон веку.

По моим наблюдениям, в бассейне Буге живут два тигра. У одного из них под ясенем, возле Разбитой, что-то вроде уборной. Уже не первый раз вижу там кое-как присыпанные снегом экскременты: верёвки, сплетённые из остевых волос кабаньей шерсти. Как ни странно, они совершенно не имеют запаха. Стало быть, КПД желудка тигра практически сто процентов.

На обратном ходе вышел на Хор посмотреть, не появились ли там норки. И не зря. По берегу петляли два свежих следа: самки и её кавалера. Они пересекли реку и скрылись в тальниках. Я пошёл было за ними, но не успел сделать и пяти шагов, как почувствовал, что снег уходит из-под ног. Инстинкт самосохранения сработал мгновенно: откинулся назад. На том месте, где я только что стоял, свинцовая вода жадно пожирала снежный пласт и, угрожая бурля, требовала новой порции. Лёжа на боку, упираясь в снег лыжами и руками, отполз на безопасное расстояние. После чего встал и вернулся на берег. Только тогда облегчённо вздохнул.

Глядя на край провала, я понял, что лёд, укрытый толстой снежной шубой, «съело» быстрым течением, и стоило мне ступить на него, как он рухнул. Если бы я не успел оттолкнуться назад, то меня с лыжами на ногах сразу затянуло бы под лёд.

* *Прибылой* — волк этого года рождения

** *Переярка* — волк прошлогоднего помёта.

Этот урок лучше многократных наставлений Луксы навсегда приучил меня выходить на реку только с батогом, чтобы проверять им прочность ледяного панциря.

Ура-а! Ура-а! Лукса вернулся! Изрядно исхудавший, побледневший, но веселый и всё такой же неугомонный. По стану, прыгая от восторга, носился поджарый Пират. Тоже отоцал на скудных гвасюгинских харчах. Я сбросил ему с лабаза изрядный кусок кабанятины. Благодарно лобызнув меня, пёс утащил его за палатку.

— Немного подшаманили и ладно. Хотели ещё неделю держать. Уговорил. Задыхаться стал в каменном мешке. Каждую ночь Буге снился. Никак нельзя нашему брату без тайги. Панты вот принёс, — Лукса достал из кармана бутылочку с тёмно-коричневой жидкостью. — Панты и Буге быстро вылечат.

Истосковавшись по живому общению, я, не закрывая рта, рассказывал про охотничьи дела и происшествия. При этом невольно прислушивался к своему голосу. Поначалу мне даже казалось, что говорю не я, а кто-то другой. Настолько отвык от него.

Лукса, попыхивая трубкой, внимательно слушал. Узнав, что днём чуть было не отправился кормить рыб, помрачнел:

— Река — обманщица. Всегда смотреть надо.

Помолчав, добавил:

— Однако, бата, со мной в молодости ещё хуже было. Думал, совсем конец.

Лукса раскочегарил потухшую трубку и продолжил:

— После Нового года все разошлись по участкам, а я ещё долго гулял. Возвращался на Буге один. У второго прижима нартовый след шёл вдоль полыньи. Дело обычное. Вдруг слышу: «Трх, трх». Не успел опомниться, как закачался на отколовшейся льдине, будто в оморочке. Хотел по нартам перепрыгнуть на торос, но льдина маленькая, наклонилась, и я в воду свалился. Одна лыжа слетела, а вторая, как парус, по течению тащит. Ладно, успел в край полыньи вцепиться и ногой вертануть так, что лыжа съехала. Лёд гладкий, руки скользят, не знаю, как выбрался. Долго потом болел, ёлка-моталка. С рекой, паря, не шути. Не ленись, всегда лёд проверьай... Камиль, говорим, говорим, од-

нако живот есть просит. Копчёной рыбки принёс. Устал от каш. Давай, пировать маленько будем.

Лукса извлёк из котомки завёрнутую в какую-то грязную бумагу рыбу. Вид обёртки совершенно не возбуждал аппетита. Мне даже показалось, что она покрыта плесенью. Но приятно пахнувшая дымком и сочащаяся жиром кетина оказалась такой вкусной, что съели всю за один присест.

Лукса взял промасленную бумагу и покачал головой:

— Совсем грязная. Жечь пора.

«Не то слово», — мысленно поддержал я его и нисколько не удивился тому, что он бросил обёртку в печку. Но когда охотник, допив чай, извлёк её обратно и, расправив, положил на чурку-стол, я потерял дар речи: бумага была не только целая, а стала чище и белее. Впрочем, зелёные пятна, которые я принял за плесень, сохранились.

Видя моё изумление, Лукса, кивнув на бумагу, произнёс:

— Горная шкурка. На горе Ко её много. Удобная: в огонь бросил — опять чистая. Охотовед говорил — это минерал. Трудное название, не помню.

Только тогда я вспомнил, что читал об этом удивительном минерале, встречающемся в нашей стране только на отрогах Сихотэ-Алиня. Называется он даннеморитом.

НЕ СЕРДИСЬ, ПУДЗЯ

Ночью снилось, будто кто-то тянет меня за ноги в чёрную бездну. Я отчаянно цепляюсь за всё подряд, но погружаюсь в неё всё глубже и глубже. Проснулся весь в поту и долго не мог успокоиться.

В палатке тепло. Лукса уже позавтракал и ушёл откапывать капканы. Через полчаса я тоже был на лыжах и брёл по Глухому. Он оправдал своё название. На нём, действительно, всё глухо. Ни одного свежего следа.

Вернувшись к становищу, принялся готовить ужин. Вскоре подъехал шатающийся от усталости наставник — ослаб за время болезни. Я обратил внимание, что он сильно возбуждён.

— Что-то случилось?

— Отгадай загадку, — предложил он вместо ответа. — В липе сидит, скребётся, пыхтит, тронешь — рычит.

— Медведь?

— Верно. Потеплело, вот и проснулся. Со стенок труху соскребает. Постель помягче делает. Пойдёшь со мной?

— А ты сомневался?! — обиделся я.

Весь вечер тщательно готовились. Отливая в колуpe* пули, Лукса всё сокрушался, что тигр много наследил на одном из его путиков.

— Пока не буду туда ходить. Увидит, что его следы топчу, — всякое думать начнёт, сердиться будет.

— Лукса, ты же говорил, что тигр очень умный зверь. Всё понимает.

— Да, куты-мафа что думаешь даже знает. Подумаешь: не буду стрелять, — он понимает и тоже думает: не буду его трогать. Но когда куты-мафа далеко, он не знает, что я думаю. Не понимает, зачем по его следу хожу, и сердится.

Я не раз слышал, что некоторые промысловики до сих пор настолько боятся тигра, что стоит ему появиться на участке, бросают охоту и покидают это место, порой навсегда.

Лукса сегодня снял четырёх соболей, и хотя прошло больше месяца, ни один из них не попорчен мышами. Закончив приготовления к охоте, он раскурил трубку и задумался, глядя по обыкновению сквозь щёлку в дверце на переливы огня в печурке.

— О чём думаешь? — потревожил я его.

— Вспоминаю... Раньше ведь как было? Перед большой охотой к Аки шли. Он надевал шапку с рогами, маску — хамбабу. На пояс вешал кости медведя, рыси, железные погремешки. Под бой бубна в тайгу вёл. Там большой костёр жгли. Аки вокруг ходил, камланил, удачу у Подзи просил. Багульником дымил — злых духов отгонял. Только тогда на охоту шли. Сейчас так не делаем, а хороший охотник всё равно без добычи не остаётся... Как так? Не понимаю.

* *Колуп* — форма для литья пуль.

Встали одновременно, словно по команде. Не спеша собрались. Продули стволы ружей. Заткнули их комочками мха. Лукса набил печь сырым ясенем, закрыл поддувало: «Пока огонь в печке — удача с нами». И, взяв Пирата на поводок, скомандовал «Га!»* Долго шли по долине ключа. Свернув в один из боковых распадков, стали карабкаться на сопку.

Чем дальше, тем круче склон. Чтобы не скатиться вниз, всё чаще хвататаемся за кусты и подлесок. В закрытой со всех сторон ложбине Лукса встал.

— Передохнём? — спросил я.

Вместо ответа он показал на дерево в метрах десяти от нас. Я понял — пришли!

Липа была старая, с раздвоенным стволом и тёмным зёвом у развилки. Пират, почуяв запах зверя, вздыбил шерсть и взволнованно завертелся вокруг неё, шумно вынюхивая, откуда сочится медвежий дух. Найдя это место, принялся грызть ствол, повизгивая от возбуждения.

Лукса снял лыжи и, подойдя к липе, прижался к ней ухом.

Я тем временем утрамбовывал небольшую площадку, обламывал закрывающие обзор ветки. Тот, кто бывал на медвежьей охоте, представляет, с какой тщательностью всё это выполнялось.

Убедившись, что медведь спит, Лукса поручил мне держать под прицелом лаз, а сам обухом топора принялся бить по стволу — будить лежебоку. Стукнув раз десять, замер. Стая потревоженных снежинок закружилась в воздухе. В томительной тишине, казалось, был слышен шелест их падения. Лукса ударил ещё раза четыре, но косолапый либо крепко спал, либо затаился. У меня стали мёрзнуть руки. Указательный палец уже не чувствовал спускового крючка. Нервный озноб усиливал ощущение холода.

Видя моё состояние, наставник подошёл, чтобы дать мне возможность отогреть руки в меховых рукавицах и обсудить, как выманить засною.

— Будем стрелять по стволу. Заденем — вылезет, — решил он.

* *Га* — Пошли (*удэг.*).

Поочерёдно всадили четыре пули, стреляя каждый раз всё ниже и ниже. Из дупла ни звука.

Теперь Лукса взял лаз под прицел, а я принялся рубить отверстие в месте, подсказанном собакой. Дерево поддавалось с трудом, и когда я выдохся, Лукса сменил меня. Прорубив, наконец, небольшое отверстие, он припал к нему одним глазом. Через некоторое время обернулся и приложил обе руки к щеке — спит. Я подошёл и тоже заглянул в дупло. Густо пахло прелой древесиной. Когда глаз привык к темноте, разглядел внизу чёрный ком. Длинная шерсть чуть колыхалась. Мне даже почудилось сладкое посапывание.

Чтобы не портить медвежью квартиру, решили поднять мишу и стрелять на выходе. Лукса отломил длинную ветку и заострённым концом принялся тыкать в зверя. Медведь завозился, рывкнул и, видимо, схватил ветку лапой, так как она мгновенно исчезла в дупле. Потом гулко заворочался и стал карабкаться по пористым стенкам древесной трубы наверх. Вот из лаза показались широкие лапы, оскаленная пасть.

Я выстрелил. Медведь взревел и, к нашему ужасу, медленно скрылся в утробе липы. Глухой удар подтвердил преждевременность выстрела.

Наставник наградил меня свирепым взглядом и, срезав ветку потолще, опять потыкал медведя. Тот не реагировал. Лукса произнёс традиционное:

— Не сердись, Пудзя. Состарился совсем медведь. Не ругай за испорченную берлогу — медведь сам виноват. Мы долго просили выйти. Не послушался.

Расширив топором дыру, вдвоём кое-как вытянули косолапого. Когда рассматривали его в «глазок», Лукса определил: пестун. Мне же показалось, что перед нами чуть ли не медвежонок. Ошиблись оба. «Медвежонок» оказался довольно крупным взрослым самцом килограммов на сто двадцать-сто тридцать (гималайские мельче бурых). В дупле, у самого дна, в мягкой трухе имелось глубокое комфортабельное ложе, оно-то и скрадывало его истинные размеры.

Не теряя времени, начали свежевать добычу. Иссиня-чёрную, с серебристым гляncем «шубу» с белоснежной чайкой на груди

(из-за неё гималайского медведя ещё величают белогрудым) снимали аккуратно — Лукса обещал после выделки отдать её мне.

Глядя на длинные, слегка загнутые клыки, я невольно поёжился. Один из них, верхний, был сломан и, похоже, давно — место слома уже отполировалось.

По бокам и на ляжках слой сала в пол-ладони, на спине и лапах — с палец, а внутренности так буквально залиты жиром.

— Запасливый лежебока, — радовался наставник.

Закончив свежевать, разрубили тушу на части и забросали снегом. Сердце, печень и килограмм по пятнадцать мяса сложили в рюкзаки. Лукса ещё вырезал, предварительно перетянув шейку верёвочкой, целебный желчный пузырь. Поколебавшись, вынул глаза медведя и, подойдя к дереву, положил их на толстый сук навстречу первым лучам солнца.

— Пусть Пудзя видит, что мы соблюдаем закон, — сказал он.

Пока разделявали добычу, двигались мало и основательно продрогли. Быстренько надрав мха-бородача и наломав сушняка, запалили костёр. Повалил густой дым. Оранжевые язычки пламени пробились сквозь него и с весёлым потрескиванием разбежались по веткам во все стороны. Слившись в горячее, трепещущее полотнище, взметнулись в холодную высь.

Бывалый таёжник достал из своей котомки мешочки с сахаром, чаем и прокопчённый котелок. Я набил в него снег и подвесил на косо воткнутую палку. Лукса подложил ещё сучьев и, щуря глаза, пододвинулся к костру:

— Люблю огонь. Он живой. Рождается крохотным язычком, а покормишь дровами — вырастает до жаркого солнца. Согреет и умирает.

Пламя костра, действительно, завораживает. Глядя на него, как будто попадаешь под гипноз неведомых сил. Неслучайно наши предки боготворили огонь.

— Костёр обещает ясную погоду, — неожиданно изрёк удэгеец.

Я с недоумением глянул на него.

— Чего глаза вывернул? Не на меня смотри, на костёр смотри, — довольный произведённым эффектом, произнёс Лукса. — Видишь, по краю угли быстро покрываются пеплом — быть солнцу. Если тлеют долго — быть снегу.

Попив чаю и закидав костерок снегом, зашагали к стану.

Добравшись, пировали до ночи. Лукса, забыв про язву, отправлял в рот самые жирные куски. Когда япил наваристый бульон вприкуску с сухарём, у меня во рту что-то хрустнуло. От неожиданности я охнул. Неужто, зуб? Схватил зеркало — точно: передний клык обломился.

— Отомстил миша, — прошептал суеверный удэгеец.

— Медведь тут совсем ни при чём. Зуб был мёртвый, просто время пришло, — возразил я, хотя сам тоже невольно вспомнил сломанный клык.

ТАЛА

Выхожу всё раньше и раньше, а возвращаюсь всё позже и позже. И это при том, что день заметно удлинился. Если в начале сезона я ходил по пять-шесть часов, и путики были не более пятнадцати километров, то сейчас путики вдвое длиннее, и снег месишь зачастую по целине десять-одиннадцать часов кряду. Если бы световой день длился пятнадцать часов, то и ходил бы все пятнадцать: так хочется найти более уловистое место.

Этой ночью приснилось, как будто поймал двух соболей, причём второго — в последнем капкане в конце путика. Наяву всё так и произошло. Первого снял в теснине между сопок. Правда, если бы прошёл хоть небольшой снежок, я уже не разыскал бы его: от постоянных ветров снег в этом месте спрессовался, и соболю, протащив капкан с потаском более ста метров, оставил на нём лишь едва заметные царапины. По ним-то и обнаружил зверька, застрявшего в переплетении лоз дикого винограда. Второй, действительно, оказался в последнем капкане под скалистой кручей.

Вечером, выслушав мой рассказ, Лукса сказал:

— Хороший охотник видит зверя сквозь сон, — и, привычно глядя в огненный зев печурки, добавил: — Настоящим охотником стал. Человека шибко трудно разглядеть — время надо, но на медвежьей охоте сразу видно. Я всё думал, что за парень? Городской, а в тайгу пошёл. Боялся, опасность будет — оробеешь,

подведёшь. Теперь так не думаю. Возле медвежьей квартиры не всякий может стоять. Давай, бата, следующий сезон опять вместе соболя промыслять. Зимовье поставим. Тепло, просторно будет.

От таких слов у меня приятно защемило сердце. Упругий, судорожный ком сдавил горло. Не в силах вымолвить ни слова, я молча пожал сухую, крепкую руку наставника. Нахлынувшее чувство признательности искало выход. Хотелось сделать что-нибудь приятное для этого скупого на похвалу человека, ставшего мне близким, почти родным за время охоты. Я снял с себя серый, толстой вязки шерстяной свитер и смущённо протянул ему.

Лукса обрадовался подарку, как ребёнок.

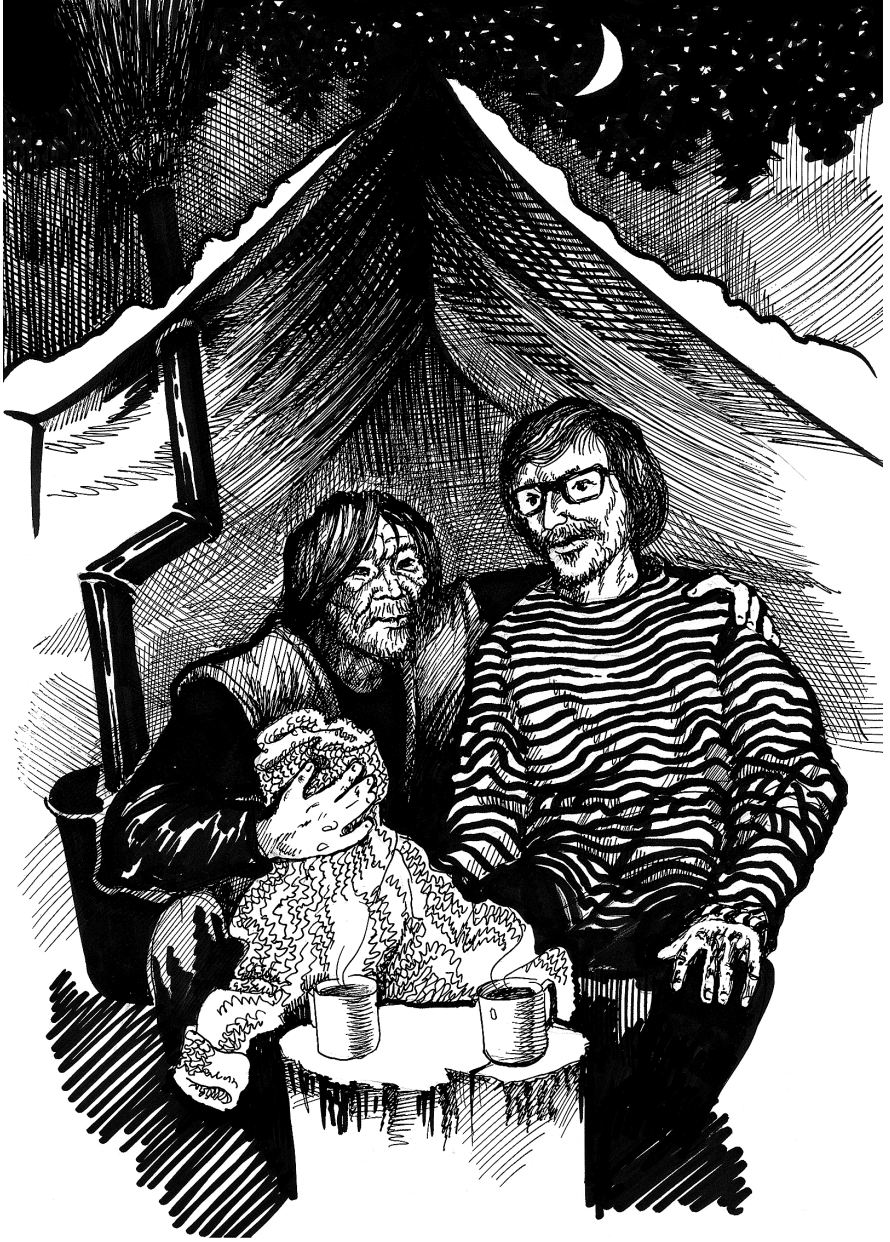
— Спасибо, бата. Надевать буду, тебя вспоминать буду.

Надо сказать, мне здорово повезло с наставником. Впервые я по-настоящему осознал, как не хватает его, в тот день, когда он ушёл в стойбище встречать Новый год. С Луксой было легко и надёжно. Общение с ним научило меня понимать тайгу, повадки зверей, птиц. Благодаря ему я стал чувствовать себя частицей этого удивительного мира.

Через неделю завершится промысловый сезон. Охотники покинут свои участки, и на всём протяжении Хора, от истоков до Гвасюгов, река опустеет. А кажется, только вчера я вынимал из капкана своего первого соболя. Вот уж действительно — время на охоте течёт медленно, только когда готовишь ужин.

На обрывистых южных берегах снег начал подтаивать. Кое-где даже выросли настоящие сосульки. В воздухе завитал аромат хвои. Тонконогий паук, обманутый теплом, вылез из своего убежища и разгуливал по отмякшему снегу.

В бассейне Буге есть ещё один уголок, посещение которого всегда волнует меня. Находится он в конце Глухого. В этом месте растёт диковинное дерево: искорёженный временем тис или «негной-дерево». Внешне нечто среднее между елью и кедром. На нём из-за обилия веток с густо растущими плоскими хвоинками к концу зимы скапливается копна снега. Видимо, по этой причине верхушка обломана, а ствол расщеплён почти

до основания, отчего он напоминает гриб с треснутой красноватой ножкой и массивной шляпкой — белой сверху, зелёной снизу.

Негной-дерево доживает до сказочного возраста в три-четыре тысячи лет. Растёт оно очень медленно и достигает метр в обхвате к исходу второго тысячелетия. Мой тис, судя по толщине ствола, был старцем ещё до возникновения Киевской Руси.

Тис — древнее, к сожалению, исчезающее дерево. Относится оно к хвойным, но хвоя ядовита и почти не содержит смолы. Вредители избегают его. За странные для хвойной породы плоды, похожие на ягоды рябины, тис ещё называют елью с красными ягодами. На моих путиках всего два таких дерева: здесь и на Крутом. Оба не первой молодости, а принять эстафету, длящуюся миллионы лет, некому — вокруг ни единой поросли.

С обхода пришёл раньше обычного. Решил порыбачить под скалами напротив становища. Наскоро хлебнув чайку, спустился на лёд. Разгрёб улами снег, и из-под лезвия топора полетели гранёные, с хрустальным переливом осколки. Через десять минут лунка была готова. Опустил в непроницаемую тьму «краба» и, слегка подёргивая леску, склонился в ожидании. За полчаса ни одной поклёвки. «Может, перейти к границе между спокойной водой залива и стремительным течением основного русла?» — заколебался я, как вдруг — резкий рывок. Подсёк и, перехватывая, тяну леску на себя. Она больно режет пальцы. Сильная рыба сопротивляется отчаянно, но всё-таки это не тот пудовый таймень, с которым мне довелось тягаться на реке Арму лет шесть назад. Вскоре крупный, упругий ленок, отливая пятнистой, коричневой чешуёй, забился на снегу. За ним с интервалом в несколько минут вытащил ещё двух. После этого — как обрезало, клёв прекратился. Закинул ленков на лабаз замораживаться. Вечером Лукса приготовил из одного отменную талу*. Тот, кто ел, подтвердит — нет ничего вкуснее.

Приготовить её может каждый. Для этого необходимо лишь поймать ленка, а ещё лучше — тайменя. Слегка подморозить, по-

* *Тала* — излюбленное блюдо северных народностей. Готовится из сырого мяса ленка, тайменя, хариуса.

сле чего отсечь голову и хвост. Надрезать шкуру вдоль спины и брюха. Сняв её, отделить мякоть и нашинковать тонкую янтарно-жемчужную лапшу. Посыпать солью, сбрызнуть уксусом, перемешать и снова подморозить. Всё! Блюдо готово. Да какое! В тайге много деликатесов, но вкуснее этого я не едал. Кладёшь щепотку на язык, и во рту тает что-то божественное.

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Ночью прошёл самый обильный за эту зиму снегопад. Тайга стала густой, как летом, только не зелёной, а белой. Ветви, придавленные тяжёлой кучтой, безвольно согнулись до земли.

Не напрасно я держал весь сезон несколько капканов на приманку. Сколько раз приходилось подправлять просевшие хатки, докладывать мяса. И вот, наконец, пробил их час. Не хватает уже соболю мышей. Многочисленные в начале зимы, теперь они редко попадают ему на обед. Опытный Лукса ещё в ноябре говорил, что к концу зимы соболь всё равно пойдёт на приманку.

На Фартовом стояло три хатки. В первой соболь, доставая мясо, как-то изловчился и переступил тарелочку. В другой, ещё до прихода соболя, в капкан попала сойка. Тот, не будь дураком, съел и её, и приманку. В надежде, что он вновь посетит это место, положил свежий кусок кабанятины и перенасторожил ловушку.

Дойдя до вершины путика, завернул на обратный ход и почти сразу увидел на «мёртвой» пороше свежайший след соболя, терявшийся в широком зеве распадка. «Попробую догнать», — загорелся я. След попетлял по склонам и привёл... к хатке, оставленной мною три часа назад.

За небольшой промежуток времени здесь произошли большие перемены. В капкан опять угодила сойка, и два соболя, привлечённые её криком, уже полакомились ею и отдыхали в снежных норах неподалёку. Я насторожил ещё три ловушки с таким расчётом, что если в одну из них снова попадёт сойка, то оставшиеся не дадут соболям уйти. А приманку затолкал поглубже и прижал к снегу палочками.

На подходе к стану меня догнал довольный Лукса — снял трёх соболей, и всех на приманку. Быстро он навёрстывает упущенное за время болезни!

* * *

Сегодня планировал вернуться с охоты пораньше, чтобы просушить, вытряхнуть спальные и наколоть дров. Но соболю, неторопливо бежавший поперёк ключа, заставил забыть обо всём.

Глядя на свободный бег зверька, я невольно залюбовался им. Сколько ловкости, изящества в его движениях! Заметив меня, соболю, почти не меняя темпа, пересёк пойму и стал взбираться по обрывистому склону. Я с лихорадочной поспешностью рванул за ним, но, увы... Подъём, который соболю взял легко и быстро, я месил, увязая в сыпучей снежной крупе, минут пятнадцать. Когда мучительное восхождение завершилось, передо мной открылась безрадостная картина — за пологим бугром вздымался невидимый снизу ещё более крутой склон.

Карабкаясь на него под гулкие удары сердца, невольно вспомнились слова Луксы: «Соболю от охотника никогда вниз не идёт. Всегда вверх».

Одолев и этот подъём, побежал вдоль следа. Широкая терраса привела меня в соседнюю падь. Соболю успел там так напетлять, что мне не хватило опыта расшифровать его письмена.

В сердцах плюнул и побрёл к стану соболей стёжкой, не обращая на неё поначалу внимания, но метров через двести она неожиданно оборвалась у берёзы. Меня это озадачило. Обошёл вокруг — дальше следов нет. Зато между корнями обнаружил лаз. По обледенелой горловине понял, что соболю пользуется им довольно часто.

Сгущающаяся темнота торопила: обтопав снег у ствола, насторожил перед лазом две ловушки.

Насилу дождавшись утра, чуть свет побежал к берёзе, хотя мало верил в удачу.

Напрасно! Соболю угодил в капкан сразу, как только вышел из убежища. Метнувшись в сторону, попал во второй. Этому трофею я радовался вдвойне, поскольку достиг заветного рубежа — выполнил план по соболю и тем самым утёр-таки нос охотоведу,

не одобрявшему решение директора госпромхоза о приёме на работу городского очкарика.

В амбарчике, где соболя съели вместе с приманкой двух соек, попалась... сойка. И всё повторилось по отработанному сценарию, в последнем акте которого я опять остаюсь с носом.

Предприимчивые соболя уже понарыли вокруг жилых нор, а в сторонке в небольшой ямке устроили уборную. Нагуливая жир на дармовом питании, они наверняка посмеивались над незадачливым охотником. Зло взяло. Сколько ж они будут издеваться надо мной?!

Расставил все имевшиеся капканы у лазов, на тропках, вокруг приманки и тщательно замаскировал свои следы. Послезавтра на этом путике всё снимаю — неужели никого из них не успею поймать?

* * *

Сегодняшнее утро подарило восход, напоминающий извержение вулкана. Прямо над тёмным конусом горы разгоралось бордовое зарево, обрамлённое клубами тяжёлых, почти чёрных туч. Имитация извержения была настолько правдоподобной, что невольно прислушался — не слышно ли гула?

Вчера разоружал Глухой, нынче очередь Крутого. Один из тех хитрых обжор, что столько дней безнаказанно пировал на щедрых харчах, всё же попался. Второй оказался поумней и покинул место, где каждый день лязгают железные челюсти.

Сходил к берлоге, забрал остатки мяса. Лукса большую часть за эти дни уже перенёс на лабаз. Прорубленное в липе отверстие промысловик по-хозяйски заделал двумя слоями коры, плотно прибив её к стволу деревянными клинышками: бережёт берлоги на своём участке.

Почерк бега соболей изменился. Заметно, что они возбуждены, проявляют повышенную активность. Бегают в основном парами и всё больше прямо, ни на что не отвлекаясь. Лукса говорит, это ложный гон начался. Настоящий будет в июле. А поскольку беременность у соболюшек длится около двухсот восьмидесяти дней, потомство появится, как положено, — весной.

ПРОЩАНИЕ

Четыре месяца пролетели как быстрая птица. Завтра выходим. Я уже предвкушаю жаркую баню с душистым пихтовым венником, просторную светлую избу, чистые постели. Что ни говори, а некоторые неудобства палаточной жизни со временем начинают утомлять. В зимовье они не так заметны. По крайней мере, в нём можно выпрямиться во весь рост, да и топить печь постоянно не требуется.

Впервые собрался раньше Луксы. Над ломанной линией хребта едва затлел рассвет, а я уже стоял на лыжах. Путик решил пройти в обратном направлении: сначала по пойме, а потом по горам. Дело в том, что к середине февраля солнце к полудню уже поднимается довольно высоко, и подтаявший снег на пойме липнет к камусу тяжёлым бугристым слоем. В горах же холодней, и снег не липнет даже после полудня.

У ближней протоки открылась радующая взор любого промысловика картина. Снежный покров истоптан следочками норки, а на краю промоины торчит пружина. Ну, думаю, подфартило напоследок. Осторожно потянул на себя цепочку. Капкан пошёл неожиданно легко, и... (о, ужас!) между дужек лишь коготки. Ушла!

Я совершил ошибку, прикрутив два капкана к общему потаску. Это рационализаторство вышло боком: когда норка сдёрнула первый, второй капкан сработал вхолостую. Проклиная свою «изобретательность», рванул напрямик на перевал. Там на свежих тропках стояло три ловушки, и я надеялся, что напоследок фортуна всё же улыбнётся мне. Но, увы...

Эти утренние неудачи поначалу расстроили меня. Но с каждым шагом в душе от чего-то пробуждалось и нарастало ощущение той богатырской силы, от которой, как во сне, всё доступно. Оттого, что так весело и щедро смеётся солнце, искрится снег, оттого что план выполнен и будет хороший заработок, оттого, что скоро домой — настроение стремительно улучшалось. По пути не шёл, летел, легко одолевая самые крутые подъемы.

Сердце наполнило ликование, рвавшееся мощной лавиной из груди. Чтобы дать выход этому восторгу, я во всё горло завопил

марш «Прощание славянки». Теперь можно не бояться, что обитатели Буге, не выдержав моего ужасного пения (слух у меня отсутствует напрочь), в панике разбегутся. Зато эта необычайно красивая и жизнеутверждающая мелодия очень точно отражала моё состояние: редкое, незабываемое ощущение счастья, любви ко всему на свете. Казалось, что и тайга отвечает взаимностью, восторгаясь и ликуя вместе со мной под щедрыми лучами весело смеющегося солнца.

Вечер посвятили упаковке снаряжения и добычи. Палатку, печку, капканы оставляем здесь — Лукса сказал, что сразу после ледохода, когда сюда можно будет подняться на моторной лодке, вернётся рубить зимовье.

Почаёвничав, разлеглись на шкурах и долго обсуждали итоги сезона, строили планы на будущее. От мысли, что завтра покидать этот исхоженный вдоль и поперёк ключ, милые сопки, у меня защемило сердце. Долгих восемь месяцев не будет у нас чаепитий у жаркой печурки, неторопливых, задушевных бесед, чувства приятной усталости...

Утром позавтракали последний раз в палатке, ставшей для нас практически родным домом. Загрузили нарты, впрягли в них Пирата. Окинули прощальным взглядом гостеприимный Буге и тронулись в путь, толкая нарты шестом-правилком.

Из памяти невольно всплыли строки из Юриного стихотворения:

*Тайга, тайга, мне скоро уезжать...
И где бы не лежал мой путь, —
Я знаю, что вернусь к тебе обратно...*

Проходя мимо «святой семейки» — деревянных идолов, Лукса остановился:

— Спасибо, Хозяин. Мы плохие охотники, но ты много соболей дал.

И, почтительно поклонившись, пошёл дальше. Я на всякий случай проделал то же самое. За время охоты у меня выработалась привычка соблюдать местные языческие ритуалы.

Конечно, успех охоты в основном определяется знанием и упорством промысловика, но бывает, что и умудрённый опытом таёжник терпит неудачу. И тогда он готов поверить в разного рода приметы, предзнаменования. Хотя зачастую всё дело в слепом случае, который может повлиять на исход сезона как новичка, так и бывалого промысловика.

Едва успели пройти Разбитую, как повалил сырой снег. Тёплый ветер склеивал снежинки в тяжёлую влажную массу, прилипавшую к лыжам и нартам. Правда, когда лыжи промокли насквозь, снег к ним липнуть перестал, но от «выпитой» лыжами и камусом влаги они превратились в пудовые кандалы. Сами мы стали похожи на мокрых нахохлившихся куриц.

Тем не менее до Джанго добрались сравнительно быстро, но ниже его русло на протяжении километра покрывала льдистая каша свежей наледи, отнявшая у нас много сил. Дальше идти с прежней скоростью я был не в состоянии.

Лукса, привычный к таким переходам, подбадривал, но я с каждым часом терял скорость. Солёный пот заливал глаза. Шёл на автомате, словно в полусне, не представляя ни сколько сейчас времени, ни где мы идём. Не заметил, как посерел и умер, уступив место ночи, день. В голове крутились бессвязные обрывки мыслей, среди которых назойливо повторялась только одна: «Не останавливаться... Не останавливаться...»

Казалось, этому кошмару не будет конца. Тёплый южный ветер как-то незаметно сменился на западный — холодный. Начало подмораживать.

Из мокрых куриц мы превратились в рыцарей, одетых в ледяные латы. Теперь каждое движение требовало дополнительных усилий. Непонятно, где и когда я потерял рукавицы. В довершение ко всему, на правой лыжине порвалось крепление. Надо было заменить ремешок, но от усталости мной овладело полное безразличие, и я присел у тороса, привалившись к нему спиной.

О-о-о!!! Какое это блаженство — сидеть и не шевелиться. Мысли смешались, закружились...

Луксе понадобилось немало времени, чтобы привести меня в чувство. Крепление уже было отремонтировано. Я встал и, по-

шатываясь, побрёл за наставником. Как добрались до стойбища — не помню. К действительности вернул дружный лай гвасюгинских собак. К дому Луксы подошли в пятом часу ночи.

Мне едва хватило сил раздеться и упасть в приготовленную постель...

Когда открыл глаза, долго не мог понять, где нахожусь. Поразили непривычное тепло, тихая музыка, простенький коврик на бревенчатой стене. Наконец, дошло — я в Гвасюгах, в доме Луксы.

Ура!!! Не надо больше вылезать из спальника на мороз, чтобы растопить печурку, мёрзнуть по ночам, гонять мышей, по вечерам скрючившись в тесной палатке, обдирать добычу.

Сладко потянувшись, уткнулся в подушку и вновь забылся безмятежным сном младенца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе 5

ЧАСТЬ I

Владения Луксы	7
Таёжная азбука	15
Блуждания	21
Отчего каменеют рога	27
Ураган	29
Любопытный «хозяин»	37
Одиночество	39
Лукса вернулся	43
Памяти друга	44
Джанго	50
Большие радости	53
Шатун	66
Одо Аки	76

ЧАСТЬ II

Худая весть	88
Новые встречи	95
Бессонная ночь	104
Тайга лечит	107
Не сердись, Пудзя	111
Тала	116
Щедрый Буге	120
Прощание	123

Литературно-художественное издание

Камиль Фарухшинович ЗИГАНШИН

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

**Повесть о необыкновенных и удивительных приключениях
охотника-промысловика в глухой дальневосточной тайге**

Отзывы и замечания направлять
на e-mail автора: ziganshin_kamil@mail.ru
или его сайт: www.ziganshin.ru

Ответственный за выпуск *Г. Белозёрова*
Художник *И. Тонконогий*
Технический редактор *Е. Моисеева*
Корректор *А. Сергеева*

Подписано к печати 14.12.2018. Формат издания 60x84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,47. Тираж 1000 экз.

ООО «Престиж Бук». Генеральный директор А.С. Артеян.
111141, Москва, 1-й проезд Перова Поля, д. 11 а. E-mail: artyr57@mail.ru.

Отпечатано с предоставленных файлов
в АО «Первая образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14